220-летию со дня рождения и
150-летию со дня блаженной кончины
митрополита Литовского и Виленского
Иосифа (Семашко) посвящается

Митрополит
Иосиф (Семашко)

ЗАПИСКИ

Минск
Братство в честь святого
Архистратига Михаила
2018

УДК 281.22-726.2(476)+929 Иосиф (Семашко)
ББК 86.372(4Беи)
И 75

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Белорусской Православной Церкви
ИС Б18–806–0088

Печатается по изданиям: Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора : в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1883. – Т. 1. – С. V–VIII, 1–284.
Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковию в 1839 г. / Г. Я. Киприанович. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – С. 527–546.

Иосиф (Семашко И. И. ; митрополит Литовский и Виленский ; 1798–1868).
И 75 Записки / митрополит Иосиф (Семашко) ; предисл. священника Алексия Хотеева. – Минск : Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2018. – 328 с. : портр., ил. + 1 DVD.

ISBN 978-985-7102-68-6

Настоящее переиздание Записок Иосифа (Семашко), митрополита Литовского, по замыслу издателей является знаком благодарности от лица потомков по случаю 220 лет со дня рождения и 150 лет со дня его блаженной кончины. В книгу также включены Новооткрытые записки Иосифа, митрополита Литовского, 1861–1868 гг., опубликованные в книге Г. Я. Киприановича 1897 г. Текст воспроизводится по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей первоисточников. К изданию прилагается DVD с записями цифровых копий трех томов Записок митрополита Иосифа (Семашко) 1883 г.

Издание предназначено для специалистов в области гражданской и церковной истории, теологии, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов и вузов, духовных школ, а также для всех, кто интересуется историей своего Отечества.

УДК 281.22-726.2(476)+929 Иосиф (Семашко)
ББК 86.372(4Беи)

© Издательский совет
Белорусской Православной Церкви, 2018

ISBN 978-985-7102-68-6

Оглавление

Предисловие священника Алексия Хотеева 7–17
Предисловие к изданию 1883 г. 18–21

Записки, собственноручно писанные Иосифом,
архиепископом Литовским

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
(Писана в октябре 1850 г.)

Детство и воспоминания митр. Иосифа. Пребывание в С.-Петербурге. Записка о положении Униатской Церкви в России и средствах возвратить оную на лоно Православной Церкви. Последствия этой записки 22–64

Опись документов, приложенных при первой части Записок Иосифа, архиепископа Литовского 65–67

Записки, собственноручно писанные Иосифом,
митрополитом Литовским

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
(Писана в марте 1861 г.)

Положение униатов до 1828 г. Личности, стоявшие во главе униатов Объяснения документов, приложенных при этой части. События 1828–1836 гг. 68–117

Опись документов, приложенных при второй части Записок Иосифа, митрополита Литовского 117–123

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
(Писана в апреле 1861 г.)

Назначение обер-прокурором графа Протасова. Объяснения документов, приложенных при этой части. События 1837–1844 гг. 124–178

Опись документов, приложенных при третьей части Записок Иосифа, митрополита Литовского 178–183

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
(Писана в октябре 1861 г.)

Объяснения документов, приложенных при этой части. События 1844–1851 гг. 184–232

Опись документов, приложенных при четвертой части Записок Иосифа, митрополита Литовского 232–243

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
(Писана в ноябре 1861 г.)

Объяснения документов, приложенных при этой части. События 1852–1860 годов. Краткий очерк униатского дела и деятельности в нем митрополита Иосифа. Характеристика главных гражданских деятелей. Некоторые черты характера митрополита Иосифа. Образ его жизни. Высочайшие рескрипты на имя митрополита Иосифа. Заключительные слова. 244–289

Опись документов, приложенных при пятой части Записок Иосифа, митрополита Литовского 289–302

Новоткрытые записки
Иосифа, Митрополита Литовского

1861–1868 гг. 303–325

Предисловие

Записки Преосвященного Иосифа, митрополита Литовского (1798–1868), являются уникальным источником по истории воссоединения белорусских униатов с Православной Церковью. Главный инициатор и вдохновитель этого дела раскрывает перед читателями свой жизненный путь, личные переживания и свои побуждения к переходу в Православие. В Записках предстает и сам ход воссоединения униатов, переговоры с правительственными чиновниками, церковными иерархами, священниками. Читатель видит весь процесс глазами главного его совершителя, убеждаясь в правдивости автора не только с его слов, но и знакомясь с достоверными документами. Последние задумывались митрополитом Иосифом (Семашко) как приложение и по объему превзошли сами мемуары в семь раз. Из одного этого видно, какое большое историческое значение имеют Записки, предлагаемые читателю в настоящем переиздании. Насущная потребность предпринять его обусловлена также и тем, что первое издание, осуществленное Императорской Академией наук в 1883 г., уже давно стало библиографической редкостью[1].

Воспоминания владыки Иосифа разделены автором на пять частей, из них первая была написана в 1850 г., а остальные – в 1861 г. Преосвященный составил 8 сентября 1862 г. завещание, одним из пунктов которого было посмертное издание Записок. Однако он и после продолжил делать дневниковые записи собственноручно и при участии своего секретаря до начала 1868 г. Эти дополнительные записи были напечатаны историком Г. Я. Киприановичем в приложении к его фундаментальному труду о жизни митрополита Литовского Иосифа[2]. Таким образом, большую часть своих мему-

---

[1] Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора : в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1883. – Т. 1–3.

[2] Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православноюцерковию в 1839 г. / Г. Я. Киприанович. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – С. 527–546.

аров Преосвященный написал в последние годы, когда появилась возможность спокойно осмыслить пережитое, отделить главное от второстепенного, дать оценку понесенным трудам.

Мемуарный жанр имеет определенные особенности. В первую очередь, это рассказ, в котором доминирует личная, субъективная трактовка событий. Затем автор стремится защитить себя от возможных подозрений или обвинений со стороны своих потенциальных читателей. Наконец, он зачастую записывает не только свои поступки, но и мысли, и намерения, и чувства, которые таким образом становятся известными. В указанном отношении предлагаемые Записки несут на себе отпечаток и субъективности, и апологии, и откровенности. Все это суммируется в понимании митрополитом Иосифом (Семашко) своей роли в судьбе унии как руки Провидения. Так, комментируя факты своей ранней биографии, владыка писал: «…настоящая первая часть Записок, кажется, достаточна убедить каждого, что Всевышний как бы руководил меня из детства к предположенной цели и готовил в орудие для служения Церкви Православной по делу, приспевшему уже к совершению в неисповедимых судьбах Его»[3]. Отсюда ясна и цель написания мемуаров владыки Иосифа – сохранить для памяти потомков важнейшие факты и дать им надлежащее объяснение с опорой на документы. Последняя особенность проявила себя в том, что последние части Записок представляют собой комментарии к приложенным материалам. Автор не просто хочет высказывать свои суждения, но их основательно доказать и обосновать: «Прошу о сих Записках не судить, как о других подобного рода сочинениях. В них могут быть ошибочные мнения, могут быть пропуски фактов, мне неведомых, а кому-либо другому известных; но все прочее сущая истина, как мне была известна. Да впрочем, доказательством да будут мне приложения: они скажут за меня больше, нежели сами Записки»[4].

Свой рассказ Преосвященный Иосиф начинает с воспоминаний о детстве в д. Павловке Липовецкого уезда Киевской губернии (в настоящее время – д. Павловка Винницкой области Украины). Он важен в том отношении, что здесь говорится о ранней расположенности Се-

[3] Настоящего издания с. 64

[4] Настоящего издания с. 275

машко к Православию. Бывший униатский храм, в котором служил некогда священником его дед Тимофей, после присоединения к России стал православным. До двенадцати лет юный Иосиф посещал в нем богослужения и унаследовал в своей семье симпатии ко всему русскому. Службы в костеле не смогли затмить этих более ярких детских впечатлений. Увлечение историей, успехи в домашнем обучении, хорошая память, любовь к чтению и пению обнаружили его даровитость и разносторонность. Уже в детстве Семашко прочитал Библию три раза. Привязанность к богослужению и интерес к Священному Писанию свидетельствуют о его глубокой религиозности.

Во время обучения в Немировской гимназии и Главной семинарии при Виленском университете вполне раскрылись способности молодого Семашко. В гимназической и университетской среде доминировали польский язык и культура, русский был обязательным, но для большинства воспитанников оставался чуждым. «В лекциях профессоров, – замечает исследователь учебного процесса в виленской семинарии П. Н. Жукович, – все польское трактовалось, как свое родное: наш польский писатель, наша польская литература, наша польская история – обычные выражения этих лекций»[5]. Профессора-католики хорошо относились к ученикам-униатам, но преподавали по австрийским учебникам, в которых критиковалась папская власть, приводились многочисленные примеры ее злоупотреблений. По причине такого либерального настроения в университете католические духовные, особенно монашествующие, неблагоприятно смотрели на обучение в Главной семинарии своих клириков. Они даже нарочно посылали туда учиться самых неспособных представителей латинского обряда. Но не так было у униатов. Лучшие ученики Полоцкой епархиальной семинарии и иезуитской академии, священнические сыновья, закончившие светские гимназии, – все они стремились быть полезными своей, хотя сирой и убогой, но родной Униатской Церкви. Пыл польского патриотизма погашался в униатских воспитанниках неприязнью к ним со стороны польских же панов и ксендзов. Затворнический образ

---

[5] Жукович, П. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832 гг.) / П. Жукович // Христианское чтение. – 1887. – Январь-февраль. – С. 280.

жизни в стенах Главной семинарии, встречи со светскими ревнителями польского отечества только на занятиях по небогословским дисциплинам способствовали смягчению патриотических симпатий даже у иезуитских выпускников Полоцкой академии[6]. Товарищами Семашко по учебе в виленской семинарии были его будущие помощники в деле воссоединения Василий Лужинский и Антоний Зубко.

Выбор священнического служения Иосифом Семашко был естественным. Его дед и отец были униатскими священниками. Определенную роль при этом сыграл совет Кирилла Сероцинского, впоследствии униатского епископа, который приходился дядей Семашко по линии матери. Неженатое священство (католический целибат) было достаточно распространенным явлением в униатской иерархии. Сам Семашко объяснил свой выбор в этом отношении тем, что семейные заботы отвлекли бы его от самообразования, в особенности чтения.

Молодой священник благодаря своим административным талантам и работоспособности быстро продвинулся по служебной лестнице и после непродолжительного пребывания в Луцкой духовной консистории был избран заседателем в униатском департаменте Римско-католической духовной коллегии в Петербурге. Служба в столице империи, где на каждой улице стояли величественные православные храмы, оживила ранние детские впечатления о Православии. Несмотря на быстрое приобретение иерархических отличий (сан протоиерея, затем каноника, прелата) и перспективу епископства, он мечтает оставить унию и поступить простым послушником в Александро-Невскую лавру. Изучение различий между католическим и православным вероучением убедило его в истине Православия. Свидетельством этому стало незаконченное сочинение Семашко о правоверии Восточной Церкви, позднее помещенное автором в Записки.

Однако не только эстетические или интеллектуальные впечатления, полученные от вида церквей и сравнительного изучения особенностей церковной догматики и истории, обусловили желание моло-

---

[6] Антоний (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России / архиепископ Антоний (Зубко) // Сборник статей, изданных Св. Синодом по поводу 50-летия воссоединения с Православной Церковью западно-русских униатов. – Санкт-Петербург, 1889. – С. 46–48.

дого прелата принять Православие. Состояние самой унии вызывало тревогу не только у одного Семашко, но и у целого ряда видных представителей униатского белого духовенства. После волны воссоединения униатов в 1795–1796 гг. опасность полного исчезновения унии в Российской империи стала очевидной для католической духовной власти. Или униаты перейдут в Православие, или в католичество – третьего не дано. Права, которые были гарантированы униатам со стороны римских пап, а именно: сохранение восточного богослужения, устройства и управления, особенно запрещение переводить униатов в латинский обряд – регулярно нарушались еще с начала XVIII в. Относительно самостоятельное существование унии могло быть терпимо в условиях господства католической веры в Речи Посполитой, но после разделов и вхождения литовских, белорусских и украинских земель в состав России католическая власть уже не могла рассчитывать на неизменную поддержку русского правительства в униатском вопросе. Если при императоре Павле I униатское управление было подчинено католическому, то созданная при императоре Александре I Римско-католическая духовная коллегия была разделена на два департамента (католический и униатский), совместные заседания которых проходили по вопросам, касающимся обеих Церквей. По числу своих членов департаменты не были равны, католическое большинство могло принимать решения спорных вопросов в свою пользу. Едва ли не самым острым среди них был вопрос о переводе униатов в латинский обряд. Делалось это с ведома католического епархиального начальства. Обычным орудием были слухи, вроде того, что русское правительство хочет перевести всех униатов в Православие силой. Принять латинский обряд нередко понуждали зависимых крестьян польские и ополячившиеся местные помещики. Распространялось мнение, что униатские священники берут с прихожан чрезмерные поборы, а ксендзы в этом отношении более бескорыстны и т. д. Еще одним действенным способом перевода в латинский обряд были смешанные браки, когда униатская сторона давала обещание крестить детей в костеле. Такими разными способами происходили обращения не только отдельных людей, но и целых приходов. Исследователи делали разные подсчеты количества пере-

шедших из унии в латинство: от 1 млн. до 1,5 млн. в 1796–1805 гг., около 200 тыс. в 1805–1828 гг.[7] Сам митрополит Иосиф вспоминает о совращении 20 тыс. униатов одной только Виленской епархии, о деле, которое тянулось к 1826 г. уже двадцать лет без всякого удовлетворения[8]. Усилиями Семашко – заседателя униатского департамента разбирательство было возложено насмешанные комиссии, чтобы они на местах рассмотрели дело и определили тех униатов, которые перешли в латинство после 1798 г. Таковым надлежало возвратиться обратно. Набиравший силу процесс растворения унии в католичестве необходимо было остановить, иначе Униатская Церковь перестала бы существовать. В определенной мере это удалось митрополиту Ираклию (Лисовскому; 1734–1809), который не только обратил внимание русского правительства на перевод униатов в латинство, но и старался восстановить в унии обряды и устройство, свойственные Восточной Церкви. Однако ситуация не изменилась кардинальным образом: внутри униатской иерархии продолжалась борьба между белым духовенством и монашеским орденом базилиан (это выразилось, например, в жалобах священников Брестского капитула), восточные обряды находились в пренебрежении и переходы униатов в латинский обряд совершались по-прежнему. Все это представлялось внутренним делом Униатской Церкви, и русское правительство не решалось приступить к решению назревших в унии проблем, пока на российский престол не вступил император Николай I.

Между тем молодой прелат, служивший в униатском департаменте, был хорошо знаком с ситуацией и знал настроение униатских священников. Результатом размышлений протоиерея Иосифа Семашко стала Записка о положении Униатской Церкви в России, поданная директору департамента иностранных исповеданий Г. И. Карташевскому 5 ноября 1827 г. Предлагаемые здесь меры по ограничению влияния базилианских монахов, заведению духовных училищ для

---

[7] Романчук, А., протоиерей. Митрополит Иосиф (Семашко): очерк жизни и церковно-общественной деятельности / протоиерей Александр Романчук. – Москва ; Минск : Общество любителей церковной истории, 2015. – С. 51. – Примеч. 3.

[8] Настоящего издания с. 74

униатов и т. д. шли навстречу чаяниям белого униатского духовенства и были направлены в конечном счете к возвращению униатов в Православие. «Сведения, в сей записке изложенные и теперь по большей части малоизвестные, были тогда почти совершенно новы и обратили на себя полное внимание правительства», – вспоминал митрополит Иосиф впоследствии[9]. Административные преобразования (учреждение отдельного униатского департамента, реорганизация епархий, сокращение числа базилианских монастырей и др.) должны были упорядочить церковное управление. Сам Семашко был призван к проведению в жизнь планируемых мер и 4 августа 1829 г. принял посвящение в епископский сан. Принося архиерейскую присягу, он опустил слова о верности римскому папе.

Постепенный ход воссоединения, задуманный Преосвященным Иосифом, нарушался различными обстоятельствами – польским восстанием 1830–1831 гг., нерешительной, а порой и противоречивой политикой правительства, миссионерской деятельностью местного православного духовенства, обращавшего униатов в частном порядке. Однако умелость и настойчивость Семашко преодолевала все препятствия. В унии восстанавливалась православная обрядность, вводились служебники московской печати, духовенство давало письменное согласие перейти в Православие при общем воссоединении, наконец, в 1839 г. был составлен в Полоцке Соборный акт о воссоединении с Русской Церковью. После приведенных в исполнение приготовительных мер оставалось «не столько уже восстановить, сколько выразить наше с ней единство», – говорилось в этом документе[10]. Великое дело совершилось кротостью, умеренностью, постепенностью[11].

Возникает естественный вопрос, а было ли воссоединение униатов делом одного человека, каким образом оно могло совершиться по воле одного человека или малой группы лиц? Ведь известно, что в религиозных вопросах люди способны проявлять упорство и стойкость. Как могли униаты сравнительно легко отказаться от своего исповедания?

---

9 Настоящего издания с. 63

10 Записки Иосифа, митрополита Литовского. – СПб., 1883. – Т. 2. – С. 89.

11 Там же. С. 22

Записки митрополита Иосифа (Семашко) открывают его искренность и уверенность в богоугодности задуманного намерения. Но каким бы гениальным не был его инициатор, без сочувствия делу большинства духовенства воссоединение бы не совершилось. Следует заметить, что как сам Семашко, так и его ближайшие сотрудники были выпускниками Главной семинарии при Виленском университете. По отзыву Виленского католического епископа Анджея Бенедикта Клонгевича (одно время он был преподавателем богословия в университете), воспитание униатских священников в литовской семинарии послужило главной причиной отпадения униатов от Римской Церкви[12]. Хотя это мнение представляется преувеличением, очевидно, что подготовка будущих униатских священников, которые займут главные административные и преподавательские должности, велась в Главной семинарии в достаточно либеральном духе. Здесь униатские воспитанники не только знакомились с особенностями восточного богослужения, но и имели прекрасную возможность оценить его духовное величие и красоту. В дальнейшем они продолжили укреплять кирилло-мефодиевские традиции в Полоцкой и Жировичской семинариях. Новая поросль униатского духовенства пошла вслед за своими семинарскими учителями по пути воссоединения с Православием. Преосвященный Иосиф (Семашко), будучи выходцем из простой священнической семьи, понимал настроение белого духовенства, ценившего внимание и заботу со стороны архиерея. То, что простое униатское духовенство смотрело на епископа Иосифа как насвоего духовного лидера, отмечал в своих воспоминаниях современник событий священник Плакид Янковский[13]. Задушевная беседа со священником в его доме, внимание к его нуждам и переживаниям располагала сердце пастыря к своему иерархическому начальнику как к духовному отцу. Установление такой не формальной, а нравственной связи епископов с подведомственным духовенством, укрепление доверительных отношений и послужило главным условием

---

[12] Антоний (Зубко), архиепископ. О Греко-Униатской Церкви в Западном крае России. – С. 45.

[13] Янковский, П., священник. Записки сельского священника / священник Плакид Янковский. – Минск ; Жировичи, 2004. – С. 155–156.

успешного завершения воссоединения униатов. «Должно было мне самому непосредственно действовать внушениями, вразумлениями на каждого в собственном его доме, наедине, лицом к лицу», – вспоминал Преосвященный Василий (Лужинский), описавший свои действия в отношении священников довольно подробно[14].

Воссоединение началось, но не закончилось в 1839 г. Еще необходимо было приложить много усилий, терпения и такта для постепенного оставления униатских привычек и заведения православных обычаев как во внешнем виде духовенства, так и у простого народа, имевшего обыкновение во времена унии посещать костелы. Эту задачу Преосвященный Иосиф ясно понимал: «Отделить униатов от римлян, приблизить к Греко-Российской Церкви, искоренить постепенно все заимствованное ими от римлян, восстановить устройство церквей, богослужения и постановления Восточной Церкви, воспитанием юношества изменить дух и образ мыслей греко-униатского духовенства, и таким способом, действуя посредством того же духовенства, переродить нечувственно униатов из полуполяков-католиков в русских православных»[15]. Записки митрополита Иосифа (Семашко) содержат описание различных мер, предпринятых постепенно в этом отношении. Это и торжественные крестные ходы, и поощрения священников, и забота о духовной семинарии, училищах и т. д. Характерно, что митрополит считал русских, украинцев и белорусов единым народом, который объединяется православной верой, поэтому конфессиональное сближение бывших униатов с «древлеправославными» понималось им и как восстановление единства народного. Для белорусов упразднение унии, прекращение многолетней вражды и разделения объективно способствовало этнической консолидации.

---

[14] Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого и Витебского, члена святейшего правительствующего Всероссийского синода о начале и ходе окончательно совершившегося дела воссоединения Греко-Униатской Церкви в Белоруссии и Волыни с православною российскою церковью, написанные в конце тысяча восемьсот шестьдесят шестого года / архиепископ Василий (Лужинский). – Казань : Казанская Духовная академия, 1885. – С. 125.

[15] Записки Иосифа, митрополита Литовского. – СПб., 1883. – Т. 1. – С. 688.

Польское восстание 1863 г. стало временем испытания всего дела, которому послужил митрополит Иосиф (Семашко). Агитаторы восстания в своих листовках прославляли «святую унию» и осуждали «проклятую схизму». От словесных угроз мятежники переходили к делу и расправлялись не только с лояльными правительству безоружными крестьянами, но и священнослужителями. Литовский митрополит показал пример стойкости и мужества, оставаясь все время на виду среди волнений, открыто совершая богослужения и не боясь покушений. В своих распоряжениях он призывал православное духовенство проявить твердость и не верить прокламациям восставших, удерживать паству в повиновении законной власти и сообщать о случаях мятежа. Тревоги и заботы неспокойного времени отвлекали внимание митрополита Иосифа, поэтому последние части Записок написаны сухим языком и являются, по сути, комментариями к приложенным документам.

При этом мемуары не написаны исключительно официальным тоном. Владыка руководствовался тем рассуждением, что в делателе на важном общественном поприще не худо было бы видеть и человека. Он записывал и бытовые детали, и свои душевные переживания. Ценны в этом отношении воспоминания митрополита о монастыре в Жировичах и его святынях. Особенный интерес представляют характеристики духовных лиц униатской иерархии – митрополита Иосафата (Булгака), архиепископа Иоанна (Красовского), епископа Иакова (Мартусевича), епископа Льва (Яворовского), епископа Андриана (Головни), епископа Кирилла (Сероцинского). Не обходятся вниманием в Записках и виленские генерал-губернаторы, которым дается весьма нелицеприятная характеристика, – князь Ю. А. Долгоруков, Ф. Я. Миркович, И. Г. Бибиков, В. И. Назимов.

Вся жизнь Преосвященного Иосифа прошла в служении Богу и в заботах о своей пастве. Владыка до конца своих дней оставался на архиерейской кафедре, несмотря на старческую немощь. Преставился митрополит 23 ноября 1868 г. и был погребен согласно своей воле в Виленском Свято-Духовом соборе под ракой трех Виленских мучеников. Там его тело пребывает до настоящего времени, а душа предстоит перед Престолом Всевышнего на небесах. Дело воссоеди-

нения униатов и утверждения Православия на белорусской и литовской земле, которому посвятил владыка всю свою жизнь, осталось стоять прочно – это и величественные храмы, и духовные школы, и тысячи православных людей, идущих на молитву по стопам своих благочестивых предков. Несмотря на попытки возродить унию в Беларуси в последние десятилетия, подавляющее большинство белорусов остается верным Православию. Это зримый памятник служению митрополита Иосифа (Семашко) и его верных сотрудников. Сам архипастырь писал: «Благодарение Господу, что эти усиленные труды, соединенные с постоянной борьбой, эта уединенная и безучастная скорбь никогда не родили во мне сожаления о пройденном мной поприще. Напротив, я всегда бы готов был начать его сызнова – так я высоко ценил и мое призвание, и совершенное мной дело. Но грусть моя нашла благодетельный исток в надежде на будущее – после смерти, думал, отдадут мне справедливость и здесь, и там»[16].

Настоящее переиздание Записок Иосифа, митрополита Литовского, по замыслу издателей является знаком благодарности от лица потомков по случаю 150-летнего юбилея со времени кончины Преосвященного Иосифа. В книгу также включены Новооткрытые записки Иосифа, митрополита Литовского, 1861–1868 г.[17] Текст воспроизводится по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей первого издания Записок, осуществленного Императорской Академией наук в 1883 г., и книги Г. Я. Киприановича 1897 г. В новом издании исправлены только единичные очевидные описки.

Священник Алексий Хотеев,
магистр исторических наук

---

16 Настоящего издания с. 273

17 Новооткрытые записки Иосифа, митрополита Литовского, 1861–1868 г. / митрополит Иосиф (Семашко) // Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковию в 1839 г. / Г. Я. Киприанович. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. – С. 527–546.

ЗАПИСКИ

ІОСИФА МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО

ИЗДАННЫЯ

ИМПЕРАТОРСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ

ПО ЗАВѢЩАНІЮ АВТОРА

ТОМЪ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1883.

В 1868 году Императорская Академия наук была извещена министром народного просвещения (отношением от 25 декабря), что почивший в Бозе 23 ноября того года митрополит Литовский Иосиф в домашнем завещании своем, составленном 8 сентября 1862 г. и утвержденном Виленской палатой уголовного и гражданского суда 28 того же ноября, между прочим, но как главное, прописал следующее:

«По человеческой природе действия необыкновенного моего поприща должны были подвергаться превратным суждениям от незнания и от пристрастного недоброжелательства партий. По той же природе естественно и мне желать, чтобы память моя осталась чистой перед человеки. Я вполне уверен, что мне отдадут полную справедливость; но к сему могут способствовать и бумаги, собственно мне принадлежащие. Они приведены уже в порядок и сопровождаются довольно пространными особыми Записками в пяти частях, доведенными по 1860 год включительно. Бумаги сии и Записки сложены в одном небольшом дубового дерева сундуке, опечатанном моей печатью и надписанном наверху: *«Бумаги, принадлежащие собственно митрополиту Литовскому Иосифу»*. Завещаю сундук этот передать по моей смерти для хранения в С.-Петербургскую Академию наук, которой имею я честь быть почетным членом, и прошу ее покорнейше, чтобы бумаги и Записки, в сем сундуке находящиеся, были вскрыты и изданы по ее усмотрению на сумму, ниже в сем завещании назначенную».

Далее, в 3-м пункте того же завещания, почивший архипастырь прописал:

«Один пятитысячный непрерывно-доходный билет на мое имя завещаю передать в ведение С.-Петербургской Академии наук на издание по ее усмотрению моих Записок с приложениями, соответственно прописанному выше в сем завещании моему распоряжению».

Вместе с тем Академия получила от министра народного просвещения как сам сундук с Записками митрополита Иосифа, так и сумму, завещанную покойным для их издания.

Высоко ценя оказанное ей почившим архипастырем доверие, налагавшее на нее обязанность издать его Записки и приложения к ним в соответственном их важности виде и во всей их полноте, Академия выжидала лишь времени, когда обнародование их в таком виде, без всяких изменений и сокращений, представится возможным.

Ныне, когда исполнилось уже двенадцать лет со времени кончины автора Записок, можно считать причины, заставлявшие медлить означенным изданием, исчезнувшими. Поэтому, ввиду чрезвычайного исторического интереса Записок митрополита Иосифа, относящихся главным образом до одного из великих событий царствования *императора Николая I* – воссоединения в 1839 г. униатов с Православной Церковью, Академия, не отлагая долее издания в свет этих важных документов, приступила с половины 1882 г. к их печатанию, которое и приведено к концу.

Являющиеся ныне в трех томах Записки митрополита Иосифа напечатаны в том самом виде, в каком оставил их автор, без всяких опущений и перемен и лишь с исправлением тех незначительных описок и недосмотров, которые нередко вкрадываются в рукописи и которые исправляются при печатании всякого труда.

Печатание Записок и приложений к ним производилось по подлинным рукописям под наблюдением непременного секретаря Академии ординарного академика К. С. Веселовского и при содействии Мих. Матв. Козловского, которым составлен и приложенный к изданию алфавитный указатель личных имен, упоминаемых в Записках.

Сверх того, к изданию приложены три фототипические портрета автора Записок, изображающие его в три разные периода его жизни, а именно: 1) снимок с портрета, писанного масляными красками в бытность Иосифа униатским епископом, 2) снимок с портрета, писанного также масляными красками академиком И. Хруцким в 1849 году, когда автор Записок был уже православным архиереем, и 3) увеличенная копия с фотографической карточки, снятой за три года до кончины Иосифа. Оригиналы этих трех портретов принад-

лежат родственнику почившего архипастыря, протоиерею Виленского кафедрального собора В. И. Гомолицкому. Наконец, к изданию приложены: изображение медали, выбитой в 1839 г. в память воссоединения унии с Православием, и фотолитографическое *facsimile* почерка Иосифа, а именно снимок с одного из архипастырских посланий виленскому городскому духовенству.

Все подлинные рукописи Записок и приложений к ним по окончании печатания их снова положены в тот сундук, в котором они были получены Академией, и помещены в Архив академической Конференции для хранения их на вечные времена.

———

Записки, собственноручно писанные Иосифом, архиепископом Литовским

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(Писана в октябре 1850 г.)

Вот мне минуло пятьдесят два года, а из них тридцать лет самого трудного служения Церкви Святой. Пора, и очень пора сказать нечто об этой жизни, пройденной по тернистому пути, среди партий неприязненных доброму делу, свершенному ко благу России и Церкви Православной, – и Бог да будет мне судьей, если сказание сие допустит в чем-либо малейшую неправду.

Родился я Киевской губернии Липовецкого уезда в деревне Павловке 1798 года в 25 день декабря, когда благовестили к заутрене. Это обстоятельство отозвалось впоследствии, когда совершилось воссоединение униатов. Отец мой, не знавший ничего предварительно, сказал: «Видно, недаром родился он в тот же день, что Иисус Христос… Должна быть правда на его стороне» – и покорился Православной Церкви.

Дед мой Тимофей Семашко был приходским священником в Павловке. Странная была его участь. За Польши он подвергся заключению и едва случайным покровительством спасся от виселицы, как приверженец русских; а с поступлением той страны во владычество России лишился прихода, оставшись с семейством в унии, когда тамошнее население за малым исключением возвратилось на лоно Православной Церкви. Впрочем, я был еще малюткой, когда помер дед мой; и мне остались в памяти только его важная наружность, его седые волосы и борода – так что в детском моем понятии представлялся он мне после всегда православным священником. С другой стороны, родители мои, благодарение Всевышнему, чужды были предубеждений против Православия. Отец иногда посещал местную

православную церковь, пока в 1811 году не поставлен униатским священником; а мать обыкновенно летней порой во время богослужения в сей церкви, которой предки мои были пастырями, молилась в саду нашем, находившемся от церкви в десяти только шагах. Отец столь не чужд был Православия, что похоронил возле сказанной церкви мать свою, а мою бабку, хотя она была униатка. Кроме того, он всегда посылал меня в детстве, до двенадцатилетнего возраста, в сию церковь на богослужение со служителями и непременно требовал по возвращении, чтобы я ему рассказал содержание читанного Евангелия и Апостола. Эти впечатления детства сроднили меня сердцем и душой с Православной Церковью и с русским богослужением, так что, когда меня начали возить в латинский костел по недостатку в той стране униатских церквей, мне все казалось странным, и само богослужение – скорее комедией, нежели молитвой. В этих впечатлениях детства должно, вероятно, искать основания приверженности моей к Православной Церкви, которая впоследствии столь гласно обнаружилась самим делом.

С другой стороны, нужно вспомнить, что родина моя была поприщем двухвековой кровавой борьбы между малороссиянами, защищавшими свою веру и народность, и их притеснителями – поляками. Эта борьба оживляет и ныне ненавистью ко всему польскому население, между коим провел я свое юношество. Я слушал с участием рассказы этого народа, прикрашенные едкими сарказмами на своих притеснителей, внимал с детским сочувствием тяжким его стонам – и этот местный дух оставил во мне глубокое впечатление, так что слово «негидный лях» было для меня типом чего-то презренного и ненавистного. Вот, вероятно, основание некоторого отвращения, которое питал я всегда к полякам, и сочувствия к России. Помню еще и ныне, сколь сильно билось мое детское сердце при виде стройных русских войск; помню, сколь высокое понятие внушали мне они о России; помню, с какой отрадой слушал я рассказы старых служивых и русские их песни; помню, как меня, малютку, ласкали русские офицеры.

Нужно еще прибавить, что в доме моих родителей никогда не говорили по-польски, но на местном русском, то есть малороссийском, наречии. Мать моя и до сих пор не знает по-польски, а я сам начал

учиться этому языку только у домашнего наставника, а усовершенствовался в Немеровских училищах.

Если бы от нас зависело избирать родителей, я и ныне избрал бы тех же, которых Бог послал мне благим Своим Промыслом. Они, старики, живут еще и ныне, и три года тому назад имел я удовольствие праздновать золотую их свадьбу. Мать моя Фекла – это ангельская доброта, а отец Иосиф был для нас, детей, строг в хорошем смысле этого слова. Мне только два раза случилось подвергнуться от него взысканию, но мы, дети, всегда боялись его добрым страхом. Никогда мы не видели в родителях ничего предосудительного: благочестие, честность, благонравие всегда представлялись глазам нашим. Отец берег нас с крайним старанием от внешних дурных впечатлений и примеров – нам строго было запрещено отлучаться со двора в деревню, а особенно сообщаться с крестьянскими мальчиками. Это, вероятно, бдительное смотрение и домашний пример поселили во мне то высокое нравственное чувство, которое развилось впоследствии сознательно и не оставляло меня никогда.

Отец содержался от пятидесяти десятин земли, доставшейся ему пожизненно после его родителя, и от чумачества, то есть от посылки собственных подвод в Крым за солью и на Дон за рыбой, а впоследствии покупкой волов и перепродажей оных, пока не рукоположен был в 1811 году в униатского священника. Во всех хозяйственных и хлебопашенных занятиях помогал я отцу с детства, когда не был занят учением. Это, вероятно, укрепило на всю жизнь мое здоровье и отвлекало меня от обыкновенных шалостей детского и юношеского возраста. Я отличался между своими братьями благонравием и трудолюбием; и родители всегда вспоминают с чувством, что я им никогда не сделал никакой неприятности, – Бог за это и меня благословил!

Я часто удивлялся, как родители при скудных средствах своего существования могли содержать семейство, состоявшее из восьми человек детей, оставшихся в живых, и воспитать на собственном иждивении в училищах пять сыновей. Да будет им вечная от нас благодарность! Они на нас тянулись из последнего. Отец трудился как работник, мать – как работница. Между тем благословение Божие

было на доме нашем; состояние родителей постоянно улучшалось, а впоследствии сверх ежедневного обихода были и остатки, из которых устроилось приданое для дочерей. Отец не раз с самодовольствием поговаривал: «Бог дал детей, дал и на детей».

Первоначальное учение получил я дома вместе с двумя или тремя мальчиками из сторонних и младшим братом. Наставником моим был добрый старик Бочковский, учившийся некогда в иезуитских школах, но православного духовного звания. Сам отец, образовавшийся* в гимназии, помогал ему в нашем учении в свободное от хозяйственных забот время. Я был мальчик способный, с весьма хорошей памятью и не ленив, так что часто заучивал несколько уроков, когда мои соученики едва успевали в одном. Таким образом, я успел во всем, чему меня учили дома отец и Бочковский; и когда поступил в первый класс Немеровских училищ, то показал себя столь хорошо, что меня, малютку, призывали во второй, то есть высший, класс, дабы удовлетворительными ответами моими пристыдить учеников того класса.

Еще одно обстоятельство в семейном быту имело важное влияние на мою будущность. По редкому ныне, а еще реже за пятьдесят лет случаю, между деревенскими жителями состояния моих родителей, у отца была небольшая библиотека из книг довольно хороших, особенно исторического содержания. Он во всякое свободное, особенно зимнее, время любил заниматься чтением. По подражанию ли или по естественному душевному направлению начал я читать эти книги и после столь к ним пристрастился, что всех их прочел по два и по три раза. Таким образом, римскую историю в двух томах, английскую в трех и другие я знал в детстве почти наизусть; и само Священное Писание, нечего греха таить, особенно историческую часть оного, в десять лет знал я лучше, нежели ныне, – я прочитал Библию в родительском доме три раза. Словом, для меня было лучшее удовольствие достать новую книгу, и эта страсть к чтению осталась при мне навсегда. Она-то, может быть, сохранила меня в жизни от многого, чему предается праздное юношество.

---

* Образовавшийся – получивший воспитание, образование. – *Прим. ред.*

Проведенное таким образом детство не может быть богато фактическими воспоминаниями. Да и рассказ мой был бы настоящий детский, если бы я вписывал сюда воспоминания, не имевшие заметного влияния на мой характер и дальнейшее умственное и нравственное образование.

Итак, мне немного остается сказать о детском моем возрасте.

При строгой, трудолюбивой жизни в доме родительском я немного имел удовольствий, детскому возрасту свойственных; да и детские забавы моих братьев и сестер, самые лакомства, меня как-то не интересовали. Помню, однако ж, что мне доставляло особенное удовольствие весеннее время, когда отцовская пасека вывозилась в большой лес, за семь или восемь верст. Я любил блуждать по целым часам в этом лесу и с наслаждением впивался детским взором в деревья и все растения, развиваемые благодатной весной. Должно заметить, что в этих одиноких продолжительных прогулках я никогда не заблудился – всегда умел как-то ориентироваться и возвращался на пасеку без затруднения, в какую бы ни забился трущобу. Не этой ли детской привычке и настроению обязан я и поныне особенным удовольствием, которое чувствую в созерцании природы; не оттого ли я впоследствии никогда не заблуждался ни в моих странствиях, ни на прогулках, а местоположение, раз виденное, врезывалось в мою память навсегда?

Мне также большое удовольствие доставляло пение. Известно музыкальное настроение малороссиян – они поют и дома, и на поле, поют за работой и в праздности. Нас, детей, отец в праздничное послеобеденное время всегда заставлял петь малороссийские песни под игру небезыскусную его скрипки. Я имел особенный дар перенимать напевы – довольно было услышать один раз, и они оставались в памяти навсегда. О самих, однако ж, песнях я как-то не заботился и обыкновенно затверживал слова одной какой строфы для голоса. Пристрастие к музыке не оставляло меня никогда. Я отношу ее и ныне, особенно пение, к лучшим, исключительным моим наслаждениям; и хотя не получал ученого музыкального образования, но этой любви к музыке, твердому настоянию и простым указаниям обязан я отличнейшим нынешним моим архиерейским хором.

Помню, однако ж, что самое пламенное удовольствие моего детства было слушать сказки. Я просиживал до полуночи, вставал с первым петухом, если только кто из служителей потешит, бывало, меня сказкой. Сам отец был мастер рассказывать и часто в длинные зимние вечера делал нам, детям, это удовольствие. Но удивительный рассказчик был безногий Федько, который часто портняжил в доме моих родителей. Этого я готов был слушать день и ночь, и когда впоследствии читал о восточных рассказчиках, то всегда представлял себе старого Федька – его сказки хоть бы вписать в тысячу одну ночь. Может быть, эти фантастические рассказы развили сильно мое воображение, так что и в дальнейшей жизни любил я носиться иногда воображением в мечтательном мире и отдыхать таким образом от забот и скорбей действительной, положительной жизни.

Вне родительского дома я не помню других удовольствий моего детства, кроме весьма редких посещений с родителями наших родственников. Бог благословил род наш людьми добрыми, честными. Все четыре брата отцовские были униатскими безместными священниками, а две сестры были за такими ж священниками, и только одна была за светским, управителем помещичьего имения. Все они не были наделены избытком, но не были и в бедности. Посещение их развивало мои понятия разнообразием предметов, а чувства – родственными ласками. Я в особенности любил одну тетку, жену священника Ивановского, у которой мы и гостили чаще, нежели у других.

Едва ли стоит сказать что более о моем детстве, разве упомянуть о сне, который приснился моему отцу и часто был им пересказываем в семейном кругу. Он вел меня за ручку по какому-то пустому безграничному полю к какому-то уединенному огромному зданию. Перед нами отворили первый и второй залы. С открытием третьих дверей показались перед нами в перспективе пышные палаты, одна другой великолепнее, наполненные людьми, чем далее, то, по-видимому, более знаменитыми. Но в эти третьи двери и далее пустили одного меня, малютку, перед отцом же моим они затворились. Когда он после окончания гимназиальных наук отправлял меня в университет, то вспомнил этот, по его мнению, пророческий сон. «Помнишь мой

сон? – сказал отец. – Пустое безграничное поле – это жизнь, которую ты получил от меня, двери в первый зал – это домашнее воспитание, второй зал – гимназиальное учение, одно и другое получил ты от меня, в третьи двери мне уже за тобой не следовать – ступай с Богом, пусть Он тебя проведет по этим пышным палатам».

Еще один случай. В 1806 и 1807 годах, в трудные тогда войны, набирали для турецкого похода ополчение, названное милицией. Отца моего назначили пятисотенным. Не знаю, какими судьбами и по чьему ходатайству заменили отца другим – бессемейным; но он часто говаривал мне впоследствии: «Вот я был бы уже до сих пор капитаном – быть бы непременно и тебе офицером. Бог судил иначе!»

Но пора оставить детство и перейти в Немеровские гимназиальные училища, в которые поступил я в сентябре 1809 года.

Отличным началам, полученным в доме родительском, обязан я своими успехами в училищах – не знаю, чему бы я без них выучился в двух низших классах. Теперь едва ли поймут, какие в прежние времена бывали учителя. Один из них, добрый старичок, не знаю, бывал ли в классе и четверть урочного времени. Я у него был первым почти целый год, в звании *auditor auditorum*, то есть наблюдал и отмечал знание уроков авдиторами, исполнявшими подобную обязанность в отношении прочих учеников. Помню, как он, бывало, в самом начале урока скажет мне: «Слушай, Семашко», а сам отправляется в училищные сени, где часто весь урок проводит с другими учителями в шумных разговорах. Тогда ученики начинают трепать поочередно урок, громко, наизусть или по книге, как попало. Разумеется, двенадцатилетний мальчик, я не мог соблюсти порядка между семидесятью моими соучениками, из которых половина могла бы меня носить на руках. Часто поднимется шум и гвалт. Тогда отворяются из сеней двери, показывается голова учителя с громким словом: «Молчать!» – и все по-прежнему: учителя расхаживают, а мы треплем урок. К концу является в класс мой учитель: если есть еще время, просматривает заметки о знании уроков, наказывает незнавших, а наконец берет учебник и назначает ногтем следующий урок, говоря: «С этого места по это». Подобным порядком обращался он не только с уроками, обыкновенно заучиваемыми наизусть, но даже с арифметикой и

географией. Я выручал как мог моего учителя в арифметике, а в географии, если вспомню частые его грубые ошибки, подумаю иногда, прости Господи, что я знал в ней больше толку, нежели он.

Другой учитель был прилежнее к урокам и, кажется, знал побольше; но это была воплощенная злоба. Я на него смотрел, как на змею, и часто не мог сказать урока, хотя и знал его совершенно. Об этом учителе и до сих пор не могу я вспомнить без неприятного ощущения, и оно, кажется, произошло не столько от его строгости, как от следующего обстоятельства.

В описываемое мной время еще не было подобных нынешним общественных заведений для приюта училищного юношества. Все, что было побогаче, старалось поместить детей своих на квартиру к учителям для беспосредственного надзора и наставления. Все немеровские учителя имели у себя подобных учеников, называвшихся конвикторами, и получали порядочные доходы; но помянутый выше учитель второго класса, знавший довольно хорошо французский язык, имел их более других. Конвикторы сии у всех учителей пользовались особенным отличием и снисхождением, но преимущественно у того учителя. Помню, как сильно возмущалось детское мое сердце неправедным этим предпочтением! Их сажали на почетные места, а лучших учеников – на задние скамьи; с ними обращались вежливо, когда другим не щадили грубостей; им сходило с рук многое, за что других наказывали; их, наконец, удостоивали наград, попирая действительные достоинства других. Кто знает, не это ли посеяло во мне строгие правила правосудия и нелицеприятия, которые при Божией помощи находили во мне всегда мои подчиненные. Кто знает, не это ли усилило во мне прежнее инстинктивное нерасположение к полякам – конвикторы, почти без исключения, были дети польских помещиков. Но зато какое было утешение, какое торжество, когда на пятом или шестом году пребывания моего в Немерове предписано Виленским университетом, чтобы ученики сидели на скамьях по успехам в науках и поведению. Тогда в присутствии всех учителей прочли разрядный список и всех шести бывших тогда в моем классе униатских поповичей, а меня первого, вызвали и посадили на первой скамье, баричей же подвинули на задние. Правда, тогда были два

отличные учителя, недавно прибывшие в Немеров и не имевшие еще конвикторов.

На третьем или четвертом году пребывания моего в училищах во мне произошла перемена, оставшаяся всю жизнь. Прекрасная память слов, которой отличался я в детстве, пропала, и мне стоило уже большого труда выучивать уроки – мне и ныне почти невозможно затвердить что-либо наизусть. Правда, что с потерей памяти слов во мне развилась более против прежнего память идей и предметов; но пока я привык выражать свои мысли своими словами, а не по учебнику, много потерял. Не все учителя и не вдруг могли оценить мое умственное развитие насчет памяти. Меня оценили вполне с поступлением в класс математический: геометрия, тригонометрия, солидометрия, астрономическая география, также физические науки изучаемы были мной с успехами зрелого ума – почти всегда уроки по сим предметам к удивлению моих соучеников повторял я удовлетворительно вдруг после изложения их достойным моим учителем Пржибытевичем, одна только алгебра как-то мне не давалась.

В высших классах я имел отличных учителей Сенькевича и Пушкаржевича; первый из них кончил курс наук в Кременецком лицее, а второй – в Виленском университете. По ним только я понял, что значит хороший наставник, – я был весь внимание на их уроках, они же меня ценили и любили. Я кончил в Немерове науки первым учеником и получил отличный аттестат.

Страсть к чтению не оставляла меня и в Немерове – но как-то трудно было иметь здесь книги, кроме учебных. Зато если мне удавалось достать новую книгу, я ее, так сказать, поглощал. Помню, товарищ мой дал мне тайком на одну только ночь учительскую книгу. Как на беду, на квартире у меня была тогда свадьба хозяйского сына. Несмотря, однако ж, на толкотню, на танцы и музыку, я провел целую ночь в выписке из книги разных поэтических отрывков из сочинений Немцевича. У меня было пропасть тетрадей с подобными, весьма разнообразными выписками, сохранявшихся еще до недавнего времени.

Я должен благодарить Бога за один случай училищного моего поприща в Немерове. По тогдашнему порядку во всех училищах,

Виленскому университету подведомых, ученики высших двух классов имели в своем ведении как ближайшие домашние наставники воспитанников низших классов за условную плату и обыкновенно отправлялись с иными из них на праздничное и вакационное* время. Мне назначали множество подобных учеников, иногда пятнадцать и более, но никогда не ездил я к ним в домы. Произошло ли это по молодым моим летам, по неопытности или по чрезвычайной застенчивости, но вышло к добру. В польских домах и семействах, вероятно, напитался бы я предрассудками, неприязненными России и Православию, подобно другим моим товарищам, и привык бы к развлечениям, которые изменили бы мой характер и строгие правила родительского дома.

Отец мой не имел, кажется, заблаговременно никаких положительных видов насчет моего предназначения и порешил это уже в последнем году пребывания моего в Немерове. Брат дяди моего по матери, бывший после униатским епископом, Кирилл Сероцинский, вышедший в отставку из секретарской должности при митрополите униатском Кохановиче, проживал тогда временно у своего брата. Он-то присоветовал и помог отцу поместить меня на казенный кошт в Главную семинарию при Виленском университете. Отец нарочно ездил за четыреста верст к Луцкому униатскому епископу Иакову Мартусевичу, получил удовлетворение в своей просьбе и отправил меня в Вильну в августе 1816 года. Он с матерью провожал меня в путь; и помню, как добрые родители радовались тогда частому тихому дождику – это, по местному поверью, предзнаменование обилия. Правда, Бог благословил меня достатком не только для меня, но и для других – никогда я не был в нужде.

С самого детства я не отлучался от родительского дома далее ста верст, и семисотверстное путешествие в Вильну на долгих** не могло не быть для меня занимательно и поучительно. В Жидичине Преосвященный Иаков принял меня как сына, облачил сей же час в униатское, то есть латинское, одеяние и отпустил далее в Вильну с двумя униат-

---

* Вакационный – каникулярный; свободный от занятий. – *Прим. ред.*

** На долгих – на подводах, совершающих перевозки на далекое расстояние, не меняя лошадей на станциях. – *Прим. ред.*

скими монахами-базилианами. Это последнее обстоятельство осталось не без влияния на дальнейшую мою жизнь. Я до того времени не знал, не видал базилианских монахов, не знал и их систематической борьбы против белого униатского духовенства. Между тем с моими товарищами пути я по необходимости прибыл в Виленский Свято-Троицкий базилианский монастырь. Мне не отказали в пристанище и братской трапезе; но я замечал, что на меня как-то косились и от меня сторонились. На третий день настоятель Каминский призывает меня и без околичностей объявляет, что по принятому обыкновению гостя держут только три дня и я должен искать другого помещения. Признаюсь, это не показалось мне ни вежливым, ни человеколюбивым. Между тем я не мог поступить в здания Главной семинарии, еще не совсем устроенные. Бывший тогда в Вильне викарный епископ Адриан Головня сдал меня на руки Заседателю подведомой ему консистории священнику Фалевичу, и я прожил в его комнате целую неделю, ложась спать ночью на полу у его кровати.

Между тем подивитесь судьбам Провидения. В монастыре Троицком, из которого меня так невежливо выпроводили, я жил впоследствии как начальник епархии; его имение поступило в пособие к моему содержанию; бывшее консисторское помещение сделалось квартирой моего зятя, кафедрального протоиерея; комната, где я жил некогда семь дней, есть комнатой любимой моей сестры Елены; а где я спал на полу, там стоит теперь люлька ее детей, которых я столько люблю и которые доставляют мне столько утешительного развлечения.

В этой комнате был я также свидетелем происшествия, которое не осталось без последствий в будущем. В одно утро ставят стол посреди комнаты, накрывают его красным сукном, приносят зерцало. Для меня тогда было все ново, и я усаживаюсь в углу на своем чемодане в ожидании, что будет дальше. Из соседней комнаты выходит мой хозяин со старшим членом консистории, и усаживаются у верхнего конца стола. К нижнему концу подошел из других дверей большой мужчина в сером сюртуке и с большой тетрадью в руках. Это был адвокат Савич. Он говорил беспрерывно, из тетради или наизусть, целый час. Не было никаких других бумаг, не было секретаря, ни

один член не сделал какого-либо замечания. Когда адвокат кончил поклоном красноречивую речь свою, члены встали, зерцало сняли со стола, и вместо него поставлен обильный завтрак – тут явился секретарь с каким-то священником, и началась трапеза, уже не безмолвная. Когда я полюбопытствовал узнать, что это было такое, мне отвечали: «Это суд над священником, на счет которого и завтракали». Получив влияние на общее управление делами Греко-Унитской Церкви, я не забыл этого случая. Особенно напал на злоупотребление брать к консисторскому суду адвокатов по обыкновению тогдашнего польского судопроизводства. Бедные священники издерживались на людей, которые им не только не помогали, но еще обыкновенно запутывали дело. Я, по крайней мере, не понял, о чем говорил Савич.

Наконец поступил я в Главную семинарию в 1816 году, не имея еще восемнадцати лет от роду.

В этом заведении содержалось от всех епархий для высшего образования 34 римско-католических, а 16 греко-унитских воспитанников. Профессора разных отраслей богословских наук составляли богословский факультет Виленского университета, а классы для преподавания их уроков устроены были в самой семинарии. Для слушания других предметов по отделениям философии и словесности мы отправлялись в другие университетские факультеты.

При вступлении в Главную семинарию меня испытывал профессор догматического богословия, впоследствии Виленский римско-католический епископ, Клонгевич и был весьма доволен полнотой и отчетливостью сведений моих в катехизисе и церковно-библейской истории. Он относил это к чести Немеровских училищ, хотя действительно я был сим обязан моей любви к чтению. Несмотря, однако ж, на хорошее мнение Клонгевича о моих познаниях, курс наук в Главной семинарии был для меня весьма тягостен. Почти все мои товарищи проходили предварительно систематически в епархиальных семинариях курс богословских наук на латинском языке, я ж поступил прямо из светских училищ, едва имея понятие, что значит богословие. Притом я был слаб в латинском языке, и первые два года был настоящим тружеником. Когда другие затверживали уроки, я должен был с лексиконом в руках следить прежде за значением

каждого слова; что ж, если к сему прибавить недостаток у меня памяти слов? Однако ж со временем преодолел я незнание языка, и профессора отдавали справедливость моим, хотя затруднительным, но отчетливым объяснениям. По предметам, преподававшимся не на латинском языке, я был постоянно выше моих соучеников, а к концу курса сравнялся с ними и по богословским наукам – и удостоен был степени магистра богословия.

Четыре года пребывания в Главной семинарии остались мне в памяти как лучшее время моей жизни, несмотря на неимоверные труды. Редко можно найти столь хорошее юношество, каковы были мои сотоварищи, – тогда обращено было особенное внимание на выбор кандидатов. Три семинариста отделились как-то раз, во время прогулки за городом, и немножко напились – это было почти единственное между нами неблагонравное происшествие в течение четырех лет. Я считался из благонравнейших – да впрочем, благонравие заведения отлично было ограждено от внешнего влияния. В классы и на прогулку все ученики ходили вместе, а не поодиночке. В комнаты заведения никто сторонний не допускался – для свидания с ними была особая комната, и они происходили при свидетелях. В редких случаях необходимости кому-либо из учеников отлучиться вне заведения ему назначаем был начальством товарищ (*socius*) из самых надежнейших. Меня неоднократно назначали в подобные товарищи; но достойно замечания: ни разу не просил я для себя увольнения вне заведения, так что просидел в оном безвыездно и безвыходно полные четыре года. И однако ж, в последующее время, когда вражда партий разразилась надо мной клеветой, нашлись люди, которые разглашали, будто я провел в Вильне самую бурную молодость. Не знаю, не дали ль к этому какого повода обучавшиеся после меня в Виленском университете медицинским наукам мои два родные брата, но на меня столько взводили в жизни небылиц, что даже было бы простовато искать тому других причин, кроме необыкновенного моего поприща.

Вместе с благонравием развилось во мне в высокой степени религиозное чувство. Оно получило начало еще в родительском доме. В Немеровских училищах был у меня наставником почтенный и благочестивый униатский священник Пржибытевич. В Главной семи-

нарии в отношении сем мы видели одни хорошие примеры. Всякий день мы бывали по положению у обедни, и меня вовсе не тяготила эта обязанность. Набожность развилась было во мне даже до мистицизма. Помню, как перед выездом из родительского дома в Вильну знакомые удивились весьма продолжительной моей исповеди. Для меня теперь неудивительно, что духовник назначил мне тогда несколько лишь молитв вместо епитимии, – это были настоящие детские грехи. Между тем подобное расположение духа есть доказательство скорее похвальной, нежели неодобрительной скрупулезности в делах совести. Эта мелочная скрупулезность, это безотчетное чувство набожности усилились во мне еще более в Главной семинарии и едва около тридцатилетнего возраста умерились более ясным, разумным сознанием долга создания к своему Создателю.

Страсть к чтению не ослабевала во мне и в Главной семинарии. При всей обременительности уроков я умел выгадать время для чтения сторонних книг, особенно литературного и исторического содержания, в которых не имел уже недостатка. Здесь я даже положил начало собственной библиотеки. У меня любимейшим было времяпровождением рыться в книгах, которые подносили нам в свободное время услужливые жидки. Часто на свои медные деньги приобретал я отличные сочинения; и когда по окончании курса наук посетил родительский дом и сдавал отчет отцу в полученных деньгах – он не досчитался тринадцати червонцев, и все они, за малым исключением, оказались употребленными на весьма выгодное приобретение предъявленных мной книг. При обыкновенной покупке они стоили бы втрое дороже.

Если кто будет читать эти записки, то, вероятно, полюбопытствует узнать: какими чувствами, оставляя Главную семинарию, был я проникнут к Римской Церкви и Польше, к России и Православной Церкви? Как мог я не прилепиться к латинам, будучи в заведении римско-католическом, в смешении с римско-католическом юношеством, имея начальников и наставников из римских духовных, участвуя по большей части в римском богослужении? Как мог я не пристраститься к Польше при тогдашнем направлении известным Чарторижским воспитания юношества по Виленскому университету

и училищам, ему подведомственным? Как не истребилось во мне сочувствие к России и Православной Церкви – плод впечатлений детства и родины?

Действительно, я с благодарностью вспоминаю прекрасные отношения римско-католических начальников и профессоров Главной семинарии к греко-унитским воспитанникам оной – отношения эти, кажется, были даже рассчитаны, чтобы привязать их сердца к Римской Церкви. Между тем Бог судил иначе – там, где было искушение, явилось и противоядие. Не знаю, по какому поводу и по чьему распоряжению (кажется, это было случайно), профессора Виленского университета приняли тогда по богословским наукам в руководство учебники, употреблявшиеся в австрийских университетах. Они составлены под влиянием духа царствования Иосифа II и устремлены самым сильным образом против злоупотреблений папской власти. Любо было послушать уважаемого мной профессора Клонгевича: с каким он жаром восставал против этих злоупотреблений и как он по всем источникам приискивал подтверждения своих уроков в дополнение к руководству Клипфеля. С другой стороны, профессор канонических прав, родом итальянец, Капелли, светский человек, систематически и с каким-то наслаждением преследовал при всяком случае самыми едкими сарказмами злоупотребления римского духовенства, в особенности богатых прелатов. Думаю, ни в одной православной академии воспитанники не услышат о злоупотреблениях Римской Церкви того, что я слышал от сих двух наставников. Притом же нам ничего не говорили против Церкви Православной – вероятно, боялись. Неудивительно, если из Вильны выехал я без предубеждений против сей последней Церкви, а, напротив, с важными предубеждениями против Римской.

Что касается распространяемого тогда систематически Чарторижским полонизма и ненависти к России, то это не имело почти никакого действия внутри Главной семинарии, а со светскими воспитанниками Виленского университета мы не имели никаких сообщений. Впрочем, нельзя отвергнуть, что после прочтения нескольких сочинений в пользу Польши я сделался было к ней поласковее, тем более что не мог читать почти никаких русских книг.

Невероятно, как трудно тогда было иметь русские книги, и даже читать, имея оные. Помню, мой товарищ, бывший после Минским Преосвященным, Антоний Зубко, достал как-то номер старинного журнала «Улей». Мы его начали просматривать вдвоем в ботаническом классе до прихода профессора. Нужно было тогда посмотреть шум, который подняли светские ученики университета. «Разве такие нам нужны священники!.. Которые забывают мать Польшу… которые сочувствуют России…» – и мы должны были припрятать поскорее свой журналец. Но Бог и в этом отношении был ко мне милостив.

Профессором русской словесности в Виленском университете был тогда почтенный заслугами Чернявский. Если бы теперь в моей семинарии учитель преподавал так слабо словесность, как Чернявский, я бы его, вероятно, прогнал, но дело не в том. Добрый Чернявский был настоящая ходячая библиотека разнообразнейших сведений о России. Он едва, бывало, занимается с нами жиденькими своими записками о русской словесности; но любил старик ходить во весь урок по классу и рассказывать нам анекдотически, без всякого порядка, но занимательно, с чувством и душой, все, что ему приходило на мысль о России, о ее истории, о ее героях, о ее быте народном. Много бы нужно сочинений, чтобы узнать то, что узнал я тогда от него. Не помню, были ли ему благодарны за эти уроки весьма немногочисленные его слушатели; но я их пожирал и вечно останусь благодарен; кажется, он поселил в моем сердце разумное предпочтение и любовь к России.

Я неохотно расстаюсь с моими воспоминаниями о Главной семинарии – но пора уже на Волынь, в Жидичин, в семи верстах от Луцка, где было тогда местопребывание моего Преосвященного и Луцкой униатской консистории. Первое дело Преосвященного Иакова Мартусевича было склонить меня к рукоположению во священство неженатым, как это водилось часто между униатами по подражанию римлянам. Он не хотел было даже отпустить меня повидаться с родителями, пока на своем не поставит. «Там тебя матушки да тетушки *огадят*, то есть женят», – говорил он мне. Между тем отец мой был одного мнения с Преосвященным, кажется, в надежде на мое повышение. Меня как-то не занимали честолюбивые виды доброго

родителя; но я был дик для света, чужд всяких светских связей, а следовательно, равнодушен к женитьбе – и склонился к безженству. У меня было к тому более важное побуждение. Если женюсь, если займусь хозяйством, приходом, если придут семейные заботы, что тогда станется с моими книгами, куда обратится любовь моя к чтению и познаниям? Кажется, это меня порешило.

Как скоро Преосвященный узнал о моем намерении, то поспешил пресечь всякую прихоть к женитьбе и рукоположил меня немедленно во иподиакона, а вскоре – во диакона, и даже выпросил разрешение у митрополита, чтобы посвятить меня во иерея годом ранее положенного римскими законами двадцатичетырехлетнего возраста. Между же тем на двадцать втором году, еще в иподиаконском чине, определил меня заседателем Луцкой консистории и наставником приготовляемых к рукоположению ставленников. Это последовало в 1820 году.

Заседатели Луцкой консистории сидели постоянно на приходах и приезжали в присутствие по временам не столько для дел, как для подписи готовых уже журналов, протоколов и некоторых исходящих бумаг. Единственным и полным распорядителем дел был председатель консистории официал Гачевский, отличный и опытный делец. Вначале я играл роль моих сотоварищей и почти исключительно отдал себя наставнической должности. Однако ж тишком следил я с особенным участием и за консисторскими делами: все наблюдал, изучал – что вначале показалось мне весьма мудреным, вскоре сделалось ясным и легким. И кстати, официал Гачевский помер в течение года, и по необходимости я должен был приняться исключительно за дела. Сначала секретарь и мои сочлены улыбались, смотря на двадцатитрехлетнего дельца; но вскоре объявили, что в Луцкой консистории еще не было такого отличного заседателя, и безусловно подписывали составляемые мной приговоры и распоряжения. Бог наделил меня здравым смыслом и проницательностью, у меня было много доброй воли, а не уметь писать, кажется, было бы стыдно магистру. Помню, как, бывало, Преосвященный Мартусевич войдет тишком в мою комнату, станет за моим креслом и долго-долго следит за моим пером, а наконец

возьмет меня обеими руками за голову, поцалует ее, а висевшее передо мной зеркало отразит в моих глазах полную самодовольствия его улыбку. Да не сочтется все это пустой похвальбой, это скорее указание крайнего тогда недостатка в способных людях по униатскому ведомству – на безводье и рак рыба.

Жизнь моя в Жидичине не богата воспоминаниями. Труд, да труд постоянный; а развлечение состояло в кратких прогулках по окрестным полям и рощам. Исключением из этого была одна только поездка с Преосвященным в Почаевскую лавру, довольно для меня занимательная и поучительная. Жалованья получал я по консистории сто, а по наставнической должности – двести рублей ассигнациями, да стол у Преосвященного – и мне не приходило никогда на мысль считать это содержание скудным.

Двухлетнее пребывание в Жидичине и в консистории образовало меня в двух отношениях. *Во-первых*, я попривык писать по-русски, так как в консистории производилась переписка с гражданскими присутственными местами и высшим начальством на сем языке, хотя для внутреннего делопроизводства употребляем был язык польский. *Во-вторых*, я ознакомился ближайшим, так сказать, ощутительным образом с весьма затруднительным, если не бедственным положением униатов между Православной и Римско-Католической Церковью. На них православные нападали с явным ожесточением, тесня их по разным делам, часто, видимо, несправедливым; римляне ж брали от них все без огласки, под видом дружбы. Это заставляло меня часто призадуматься, и признаюсь, в сердце своем я извинял более православных, нежели римлян. Первые, по крайней мере, враги, и не без повода, думал я, униаты обыкновенно отплачивают им тоже враждой, но за что же их обижают *друзья*?

Сам Преосвященный Мартусевич, предобрый и достойный во всех отношениях, и не думая, предубеждал меня скорее против римлян, нежели против православных. Он был воспитанник полоцких и витебских иезуитов и до крайности преувеличивал все понятия в пользу Римской Церкви и папской власти – более, нежели сами паписты и иезуиты; о православных же не мог вспомнить без содрогания. Эти натяжки с самого начала делали меня недоверчивым

уже потому, что были противны учению моих виленских университетских профессоров, а наконец произвели на меня действие, совершенно противное тому, какого ожидал Преосвященный.

На двадцать четвертом году жизни поприще моего служения изменилось. Высшее управление Римско-Католической и Униатской Церкви в России зависело тогда от Римско-католической коллегии, в С.-Петербурге находившейся, разделенной на два департамента, римско-католических и униатских дел, под председательством в каждом особого митрополита; а члены в оную избирались по одному из каждой епархии Преосвященными или капитулами сроком на три года. С истечением такого срока заседателю коллегии Кириллу Сероцинскому Преосвященный Мартусевич избрал меня на его место – и я прибыл к своему назначению в августе месяце 1822 года.

В трехнедельном пути на долгих я испытал только одно важное впечатление. Известна скудость до невероятия храмов Божиих в западных литовских и белорусских губерниях. Я нашел одно и то же, пока не прибыл в Псковскую губернию. Тут поразило меня новое совершенно зрелище, начиная с Великих Лук; и я был особенно в восхищении, когда из одного нагорья по долине, орошаемой Ловатью, насчитал вдруг тринадцать сельских церквей каменных, чисто отбеленных, с железными крышами, раскрашенными под зеленый цвет. Этот вид возбудил в моем сердце неизъяснимое удовольствие, и Церковь Православная стала очень высоко в моем понятии. Что ж, когда я увидел великолепные храмы в С.-Петербурге, прекрасное в них богослужение, с отличным пением, столько мной любимым, стечение и благоговейное стояние многочисленного народа! С того времени впечатления детства вполне во мне возродились, и я сердцем применился к Церкви Православной – и часто, весьма часто в сюртуке в числе мирян посещал православные церкви вместо скудной беседки, где отправлялось униатское богослужение, и вместо латинского костела, где музыка представляла мне скорее театральное зрелище, нежели церковное богослужение.

В униатском департаменте коллегии дела производились на русском языке. Мои сотоварищи, избранные как-нибудь на три года, мало знали сей язык, не много имели и опытности в делах, а приоб-

ресть то и другое или ленились, или даже не могли по своим летам. Сам председатель наш, почтенный митрополит Булгак, по-русски едва понимал немного, а делами он всю жизнь мало занимался – на то были официалы. Таким образом, по предсказанию моего предместника Сероцинского, дела Униатской коллегии пали на меня одного. Докладная настольная тетрадь держалась поочередно и некоторыми другими членами, но каждая сколько-нибудь поважнее резолюция записывалась ими или под мою диктовку, или по моим черновым. Я не мог даже пользоваться их советами – по части формальностей должен был обращаться к секретарю, а по редким важнейшим юридическим вопросам прибегал к прокурору Кржижановскому, просиживавшему обыкновенно в римско-католическом департаменте коллегии.

Впрочем, число коллегиальных дел было довольно ограниченно, и я несравненно имел здесь более свободного времени, нежели в консистории. На что употребить это время? В начале пребывания в С.-Петербурге меня весьма много занимал обзор этой великолепной столицы. Для меня было здесь все почти ново, все поучительно. Мне часто случалось проходить в день десять часов внутри города и в его окрестностях. Любимым моим занятием было наблюдать за производящимися важными постройками – я часто по нескольку часов простаивал на одном месте, всматриваясь во все и недоумения свои объясняя вопросами мастеровым и архитекторам. Эти-то, вероятно, наблюдения, соединенные с теоретическими познаниями, из книг почерпнутыми, дали мне впоследствии возможность руководить весьма удовлетворительно постройками, производившимися по моему ведомству.

Но не все же свободное время можно мне было употреблять на прогулки да на строительные и артистические наблюдения, особенно в большую половину года северной зимы. Один из моих товарищей попробовал было ввести меня в общество. Если бы эта попытка удалась, вероятно, я бы рассеялся и изменил свой характер: но на первом шагу вышла неудача. Он меня привел на вечер к одному римскому прелату; там было два-три человека светских, очень неразборчивых; поднялся разговор, которому подобного я в жизни еще

не слышал; я краснел, как невинная девушка; я не понимал, чтобы подобные разговоры могли происходить в обществе духовных; наконец, все это показалось мне омерзительно – и меня больше уже не манили общества.

Тогда я бросился с жаждой на книги, доставлявшие мне всегда столько удовольствия. Я брал их из библиотеки по билету, стоившему ежегодно тридцать рублей ассигнациями, и могу уверить, что деньги мои не пропали, – в первый год я прочел из библиотеки Глазунова более четырехсот книг. Все отрасли человеческих знаний были предметом хотя быстрого и довольно поверхностного, но усердного и добросовестного изучения. В особенности я обратился к книгам русским, до того времени для меня неприступным. Я перечитал все, что только мог достать, и сроднился умственно с Россией и с Православной Церковью. Это чтение подвинуло меня также в знании русского языка, сколько это возможно без живого наставника. К сожалению, митрополит и все члены коллегии жили в одном доме. Между нами в разговоре всегда употреблялся язык польский. Все почти чиновники коллегии и наши служители говорили на том же языке. Вот почему, выучившись, наторившись довольно порядочно писать, я и до сих пор не без затруднения разговариваю по-русски, особенно по предметам общежития. Я тоже грешу доныне в произношении и в ударениях, и мне часто после разговора с русскими больно бывает подумать, что они по одному этому обстоятельству могут меня считать себе чуждым… меня, преданного всегда России сердцем и душой, может быть, более их самих. Я часто вспоминаю с благодарностью секретаря коллегии Климовича. Когда я, бывало, читаю в присутствии входящие бумаги, доклады и резолюции, добрый этот старичок, обыкновенно не вмешивавшийся в сущность дела, никогда, бывало, не вытерпит, чтобы не заметить ошибки в произношении, встанет у своего стола, поклонится и скажет: «*С позволения*, вот так нужно». Жаль, что он умер вскоре после моего приезда в С.-Петербург; а после не случилось уже мне подобного учителя – не хотели или не смели.

Кроме чтения и прогулок я весьма мало имел развлечений от служебных дел в Петербурге.

В первые три года в ненастные дни я обыкновенно сходился с одним из моих сочленов, пожилым и довольно бывалым протоиереем. Он хорошо рассказывал; мы пили вместе чай, и я слушал не без интереса его рассказы из общественной жизни, весьма мало мне известной. С тем вместе мы занимались очень невинной игрой в карты, называемой «ромельпикет». В шутку мы записывали выигрыш, и в течение трех лет на нем накопилось, кажется, до шести миллионов; в шутку я часто напоминал ему уплату этого долга, и в шутку же получал ответ: «Так и быть, выдам вексель на эту сумму, только пожалуйте денег на соответственную гербовую бумагу».

Достойно замечания, что во все игры, которым меня выучивали, я обыгрывал своих учителей. Я, не видав шахматов, в первый же раз после наставления выиграл партию у довольно бойкого игрока, моего соученика в Главной семинарии. Я обыгрывал, как сказано выше, моего учителя в ромельпикет; и в первый вечер обыграл наставившего меня в игре вист искусного в ней одного архимандрита и так далее. Точная математическая сообразительность, руководившая меня в делах важнейших, не оставляла меня и в мелочах. Однако ж, кроме нескольких раз, я никогда не играл на деньги. После поступления в епископство карты были для меня весьма уже редким развлечением; а вот уже шесть лет я их не брал и в руки – свободное от служебных занятий время посвящаю с некоторым пристрастием саду и хозяйству тринопольского моего загородного дома.

На другое трехлетие прибыл заседательствовать в коллегии мой соученик по Главной семинарии, прямой и честный человек, бывший после архиепископом Минским, Антоний. С того времени три года мы были неразлучны и в занятиях, и в развлечениях, и даже в продовольствии столом. И прежде я посещал иногда театр; но с новым моим товарищем я навещал оный довольно часто – это, кроме прогулок, было почти единственное наше развлечение. Знаю, что по церковным понятиям театральные зрелища не одобряются и даже считаются школой разврата; но для меня, признаюсь, они не показались таковыми. Произошло ли это от цензуры, которой огражден театр в России, или от умственного моего и душевного настроения, видевшего в театре только одну хорошую сторону, – не знаю; но я и до сих

пор не жалею, что посещал театр. Я даже думаю, что театральные представления и чтение романов Вальтер Скотта восполнили мою неопытность в житейских делах, от уединенной жизни происшедшую, и дали ту зоркость и проницательность в дальнейшей общественной жизни, которой я всегда довольно отличался. Впрочем, театр посещал я только в течение нескольких лет – он впоследствии сделался для меня незанимателен: потому ли, что меня уже озабочивали важнейшие дела, или потому, что из зрелищ исчерпал я все, что по умственному моему настроению было для души моей необходимой пищей.

Другим развлечением с моим товарищем были споры о логике и философии. Он преподавал сии предметы в семинарии и смотрел на них с пристрастием. Я же не любил вообще отвлеченностей, в которые облекают эти предметы, – по большему ли разнообразию моих сведений или потому, что в характере моем было более положительного, нежели мечтательного. Мы, бывало, после ужина спорим по нескольку часов о каком-либо вопросе и наконец с удивлением видим, что напрасно спорили, что мы согласны в сущности предмета, что не понимали друг друга лишь оттого, что спорили не на человеческом, а на философском языке. Это убеждение осталось у меня навсегда. Я гонял учителей семинарских более всего за неточность и неопределенность в объяснениях и до сих пор думаю, что главный недостаток философии состоит в том, что для нее немцы выдумали особый язык, которого многие не понимают из них самих, и что они любят болтать на целые томы о том, что на обыкновенном языке можно изложить на нескольких страницах.

Что касается жизни материальной, она меня очень мало занимала. В детстве и в училищах я не много заботился о деньгах на лакомства. В Главной семинарии из данных мне отцом денег я издержал лишь некоторую часть, почти исключительно на книги. В Жидичине два года я и не подумал, что жалованье по должностям заседателя консистории и учителя ставленников, выносящее на нынешние деньги едва девяносто рублей, было ничтожно. В С.-Петербурге на все содержание имел я шесть лет на нынешние деньги с небольшим триста рублей, или 1 200 рублей ассигнациями, из коих семьсот – коллегиального жалованья, а пятьсот – от епархиального капитула. В

первую половину года я было поиздержался, но сейчас привел дела в порядок. Начал записывать с точностью приход и расход, и тогда только издерживал в месяц более ста рублей ассигнациями, если в предыдущем месяце расход оказывался менее. У меня положено было в год: сто рублей служителю, данному мне Преосвященным, сто рублей на отопление и освещение, сто рублей на театральные зрелища, сто рублей на покупку книг и билет в библиотеку, четыреста с лишком рублей на кушанье и чай для меня и служителя, а затем оставалось менее четырехсот рублей ассигнациями на одеяние и все прочие издержки по столичной недешевой жизни. Между тем я не скучал этим довольно стеснительным положением – довольствовался двумя простыми блюдами кушанья и умел всегда сводить концы своим расходам, так что обыкновенно был еще в состоянии посылать родителям маленькие подарочки. Этот порядок, расчетливость и ограниченность в потребностях материальной жизни не оставляли меня впоследствии никогда – и я, слава Богу, никогда не был в нужде, никогда не имел и не искал сторонних доходов; а впоследствии, когда по милости государя имел обильнейшие средства содержания, то был в состоянии делать много-много добра.

Да извинится мне эта, может быть, пустая болтовня. Как-то заговоришься, когда посмотришь на давно прошедшее. Да впрочем, это обрисовывает человека. Если Бог позволит мне продолжать сии записки, то в них будет виден делатель на довольно важном общественном поприще, а не худо видеть в делателе – человека. Возвращаюсь к одному общественному делу первоначального моего поприща, которое довольно резко обрисует мои правила и мой характер.

С прибытием в Петербург я нашел там Полоцкого униатского архиепископа Красовского. Он вызван был для суда над ним по частному доносу о нетрезвой его жизни и несправедливых якобы поступках относительно некоторых подведомых ему духовных. Суд учредили в виде соборном из тогдашних униатских епископов. На лицо находились митрополит Булгак и епископ Яворовский; епископы ж Мартусевич и Головня, по невозможности прибыть в С.-Петербург, назначили вместо себя делегатами меня и другого заседателя коллегии Василия Маркевича.

Нужно знать, что униатское монашество состояло тогда большей частью из лиц римско-католического исповедания, что оно было образовано по видам Римско-Католической Церкви, что оно вполне содействовало сей Церкви к окончательному изменению и переходу в недра оной униатского народа. Нужно знать, что Красовский был первый архиерей из белого униатского духовенства, что он сочувствовал немногому числу самостоятельных умов между униатами, которые заботились о независимости своей Церкви от римского порабощения, что он действовал в сем духе и первый заботился о просвещении духовного униатского юношества. Нужно знать, что покойный митрополит Булгак считался тогда орудием униатского монашества и подозревался в намерении получить после Красовского богатую Полоцкую епархию. Нужно еще знать, что тогда убеждены были в личном нерасположении к Красовскому, по неизвестным мне поводам, тогдашнего министра духовных дел князя Голицына.

И действительно, дело против Красовского ведено было с таким пристрастием и натяжками, что и самый неопытный увидел бы в нем интригу и явную несправедливость. Архиепископ сей устранен от епархии еще до суда, и временное управление оной вверено епископу Мартусевичу; следствие по делу поручено личному недоброжелателю Красовского митрополиту Булгаку; свидетели приглашены были по указанию одного доносчика, несмотря на то, что их архиепископ показал личными своими врагами, – и при всем том открылись по делу лишь такие мелочи, за которые ныне я не решился бы устранить от должности и благочинного. Сама нетрезвая жизнь, в которой Красовского обвиняли, как я узнал впоследствии, не без основания, обнаружена по делу только некоторыми общими неопределенными показаниями, которых не принял бы я за решительные доказательства и в отношении какого-либо причетника, а не архиерея.

Несмотря на это, митрополит и епископ Яворовский присудили архиепископа Красовского к окончательному отрешению от епархии. Я не согласился с сим решением, несмотря на то, что меня стращали гневом министра, несмотря на то, что я подвергался немилости

главного своего начальника митрополита Булгака, – подал особое подробное и обстоятельное мнение и убедил своего товарища Маркевича подписать оное. Мнение сие я отыскал ныне вчерне между своими бумагами и прилагаю при сем под № 1 как доказательство труда, с которым владел я тогда русским языком, и немалого искусства в изложении самого предмета, в котором умел избежать явного оскорбления министра и митрополита и соблюсти полное беспристрастие, не закрывая по сущей справедливости того, в чем Красовский заслуживал порицание.

Это особое мнение удержало в нерешении участь архиепископа Красовского, пока не поступил в министры А. С. Шишков. Тогда по милости ныне царствующего государя получил он в управление Луцкую униатскую епархию.

Стойкость эта в собственном мнении и чувство справедливости, обнаруженные мной на двадцать пятом году, не оставляли меня во всех делах правительственных и судебных, в коллегии производившихся. Никакие побуждения, никакие виды не могли меня заставить отступиться от мнения, которое считал я законным и справедливым. В униатском департаменте коллегии вскоре ко мне привыкли, и мнения мои принимались обыкновенно бесспорно. Но не то было с делами общими римско-католическому и униатскому ведомству, которые решались в общем собрании обоих департаментов. Для подобных решений обыкновенно и не считали нужным приглашать членов униатского департамента, но приносили им для подписи уже готовые постановления, составленные в римско-католическом департаменте. Наш председатель, митрополит Булгак, был обыкновенно на стороне римлян, мои товарищи безмолвствовали, но я почти никогда не уступал, где видел пользы и права Униатской Церкви попранными преобладанием римлян, – и весьма часто заставлял изменять составленные самонадеянно в Римско-католической коллегии постановления, вредные униатам.

Помню в особенности одно дело, от которого было довольно шума в 1827 году. Известно, как легко латиняне совращали в свою веру униатов уже после возвращения Россией от Польши западных губерний. Часто это делалось по снисхождению униатского духовно-

го начальства, без огласки. В других случаях заводились дела, обыкновенно без всяких последствий, по преобладанию римлян. Но в коллегии было одно довольно серьезное дело о совращении в латинство более двадцати тысяч униатов, юридически обнаруженном по одной Виленской униатской епархии. Дело это продолжалось разнородными происками и изворотами с лишком двадцать лет, несмотря на высочайшие повеления и сенатские указы. Я налег всей силой на это дело; вынуждены были составить действительное общее собрание обоих департаментов, пригласили и престарелого митрополита Сестренцевича, никогда почти не заседавшего в коллегии; и однако ж, хотя-нехотя должны были подписать составленное мной в пользу униатов по этому делу определение. Оно отыскалось между моими бумагами в первоначальной черновой форме и прилагается при сем под № 2 как любопытное само по себе и обличающее весьма уже заметный успех мой в русском языке против прежде упомянутого мнения по делу архиепископа Красовского.

В это время имел я двадцать восемь лет – характер мой и образ мыслей вполне уже образовался и утвердился. Кто обратит внимание на обстоятельства моей жизни, до сего описанные, легко отгадает, каков должен быть этот характер и образ мыслей. Постоянно строгая и правильная жизнь должна была поселить во мне привычку к точности и порядку, а закон сделать для меня непременным правилом. Труд постоянный и уединение не могли меня слишком связывать с людьми в особенности; но тем более усилилось во мне участие к пользам целого общества, представлявшего в уме и сердце моем нераздельную единицу. Чтение по всем отраслям человеческих знаний, никем не направляемое, но перевариваемое силами собственного ума, в тиши кабинета, произвело во мне образ мыслей особенный, самостоятельный. Семилетняя привычка управлять собственным умом служебные дела при личной, однако ж, моей зависимости должна была образовать во мне характер твердый, но осторожный и благоразумный, смягченный опытностью. Наконец, простая, неприхотливая, ограниченная в физических потребностях жизнь должна была сделать меня независимым и равнодушным к случайностям житейского поприща.

Во мне образовалось что-то действительно стоическое.

Основания этого стоицизма, вероятно, нужно искать в самых юных моих летах. Для меня римская и греческая история, столько прославлявшая патриотизм и личное самопожертвование в пользу общества, была непреложной истиной. Я с особенным наслаждением читал Плутарха и Сенеку, Тацита и все сочинения, превозносившие добродетель и громившие пороки. Для меня изречения древних: «*Pereat mundus, fiat justitia*» или «*Si totus illabatur mundus, impavidum ferient ruinae*» – были не пустыми фразами.

Неудивительно, что я несколько уже лет был как-то недоволен и собой, и всем меня окружавшим, – и мной овладело меланхолическое расположение духа.

Я давно уже убедился в Православии Восточной Церкви посредством чтения и тщательного разыскания, а между тем принадлежал к Церкви Западной. Я был членом, и немаловажным, Церкви Русской, хотя и отложившейся от истинного учения, а между тем, по тогдашнему положению Униатской Церкви, должен был по необходимости служить орудием окончательного изменения оной в латинскую. Я сердцем и душой предан был России и с ней соединял выспренний идеал моего отечества, почерпнутый в чтении древних, а между тем считался для нее чуждым и принадлежащим неприязненной для нее Польше. Несправедливость и притеснения были для меня всегда невыносимы, а между тем я был часто бесполезным их свидетелем. Корыстолюбие, взятки были для меня чем-то самым презренным, а между тем они встречались на всяком шагу.

Вот мысли, которые более двух лет обуревали постоянно мою душу, не закалившуюся еще в море житейских тревог, и постоянно ее смущали мучительными сомнениями. Они разрешились наконец решительным намерением: оставить прежнее, невыносимое для меня положение и присоединиться к Православной Церкви.

Но переход в другую веру я считал весьма щекотливым – и вот я положил поступить в иноки Александро-Невской лавры без всяких видов на повышение. Меня сделали протоиереем (1822 г.), после каноником (1823 г.), после прелатом (1825 г.); передо мной был не-

пременно архиерейский сан и по ходу моей службы, и по тогдашнему недостатку в способных людях между униатами – авось после того не станут думать, что я присоединился из интереса. Сверх того, я взялся за сочинение, которое оправдало бы мой поступок, – прилагаемое при сем в подлиннике под № 3 со всеми заметками и выписками, служившими для него материалом. Это сочинение было уже готово почти в половине; но Провидению не было угодно, чтобы я кончил оное и чтобы совершил одиноко присоединение к Церкви Православной, – Бог призвал меня быть орудием воссоединения к оной полутора миллиона моих единоверцев униатов. Вот как это случилось.

В ноябре месяце 1827 года, не помню по какому делу, порученному мне Преосвященным Сероцинским, я был у директора департамента духовных дел иностранных исповеданий, умершего сенатором, Григория Ивановича Карташевского, весьма мало прежде мне знакомого. После дела частного у нас завязался как-то разговор о делах греко-унитских вообще, и нечувствительно коснулись всех обстоятельств сей Церкви. По-видимому, говоренное мной было для Карташевского ново, и он слушал все с особенным увлечением. Наконец просил меня: не могу ли я изложить сказанного мной на бумаге. Я не дал обещания; но, возвращаясь домой, был поражен этим обстоятельством – оно мне показалось как бы указанием свыше; я был в лихорадочном состоянии – и в одну ночь начертал записку о положении Униатской в России Церкви и средствах возвратить оную на лоно Православной Церкви. На другой день я ее поправил, после перебелил и 5 ноября отдал Карташевскому.

Предлогом для записки взял я недавно последовавший высочайший указ от 9 октября того 1827 года, которым воспрещено принимать римлян в униатское монашество и велено учредить училища для униатского духовного юношества. Записка эта находится между приложениями под № 4; но я помещу ее здесь целиком – она слишком тесную имеет связь и с униатским делом, и с моим дальнейшим поприщем. Вот она, слово в слово.

«С благоговением и искренней радостью внемля высочайшей воле, в именном от 9 истекшего октября указе изображенной, к ограждению целости греко-униатского исповедания и сохранению свойственного ему обряда богослужения клонящейся, не мог я не возыметь ревностного желания способствовать толь благим намерениям, сколько дозволят слабые мои способы. Между тем занимаемое мной место недовольно представляет удобства к откровенному изъяснению моих мыслей, а тем более свободному по оным действованию – само благоразумие требует осторожности в отношении мнений, коих неблаговременное обнаружение более вредных, нежели полезных могло бы иметь последствий, – и так я приемлю смелость единственно в качестве верноподданного и члена Греко-Униатской Церкви представить мои по сему предмету мысли благосклонному вниманию начальства, коего ближайшему попечению вверено благосостояние греко-унитского исповедания.

Народ отторженных в смутные времена Литвой от России и после к Польше присоединенных областей более двухсот лет сохранял беспрепятственно греческую восточную веру и священные обряды богослужения, на природном славянском языке отправляемого. Польское, однако ж, правительство не могло не знать, что единство веры, производя общее единодушие в народе, есть главным основанием государственного могущества, и, без сомнения, нечувствительными мерами заблаговременно приготовило унию, возникшую в царствование Сигизмунда III, толь известного своей ревностью к католичеству. Как скоро соединением Церквей устранена была преграда, оные разделяющая, то русские князья, потомки святого Владимира, единоверные им князья Литовского племени и прочие вельможи, увлеченные обнадеживаниями Двора и пронырствами иезуитов, оставив веру своих предков, оставили с презрением и саму унию, дабы в недрах господствующей Церкви удовлетворить свое любочестие. Но не столь легко было преклонить прочие классы народа и низшее духовенство. Полны благоговения к обрядам, веками освященным, равно подлежащие пастырям, римскому папе покорившимся, как и оставшиеся в повиновении Греческой Церкви, единодушно противоборствовали всяким нововведениям – и преемники Сигизмунда дорого заплатили опыт

повелевать насильственно совести народа, почти большую половину населения государства составляющего. Нужно было обдумать благоразумнейшие меры. Умножены римские монашеские училища – новообращенные вельможи усердно пособствовали, – и Русская земля наполнилась иезуитскими и прочих римских орденов монастырями. Униатское юношество, находя в сих единственно училищах способы к просвещению, привыкало нечувствительно к чуждому для себя римскому обряду – и вскоре в униатском исповедании остался простой только народ и его священники. Без участия духовенства невозможно действовать на умы простого народа – и сего не забыли.

Папы римские торжественно утвердили и обеспечили для униатов образ богослужения и права Греческой Церкви. Вообще думают, что сие поведение было искренним, и приводят благовидную тому причину, будто они могли надеяться таковым снисхождением подчинить своему скипетру и всю Россию. Не вхожу в опровержение сего мнения, но мне кажется, что оно не согласно с поступками римского Престола во все время существования унии и что политика оного Престола, всем векам известная, не изменилась и в отношении к униатам. Все перемены по униатскому или паче греческому обряду производились в действие на глазах папского, в Варшаве пребывающего нунция, часто с его ведома, а иногда с соизволения самих пап, – и разве гласные неудовольствия и нарекания исторгали у них от времени до времени ничтожные определения, частное своевольство обуздывающие.

Ежели самого акта об унии не считать главной причиной изменения в оной и образа правления, и обрядов богослужения Греческой Церкви, то, без сомнения, признать таковой должно допущение особ римского исповедания к униатскому монашеству, а тем самым и ко всем высшим достоинствам Униатской Церкви. Богатые фундуши монастырей, епископий и архиепископий привлекли немедленно в униатский обряд достаточное количество особ знаменитейших римско-католических фамилий. Добрые монахи, может быть, радовались толикой деланной им чести или же благодати Божией, толико душ ради спасения от света отторгающей; но вскоре, без сомнения, раскаялись – новые пришельцы исходатайствовали у правительства привилегию, чтобы на архимандрии и епископии никто, кроме дво-

рян, не мог быть возведенным; и ежели не совсем вытеснили из сих мест старых своих хозяев, то по крайней мере сделали оные совершенно от себя зависящими.

Таким образом, римляне, прибрав к своим рукам первейшие места и фундуши униатские, удобно действовали и в прочем. Монашеское звание с самых первых веков христианства было почитаемо – святость жизни, самоотвержение и другие христианские добродетели всегда доставляли самоважнейшее влияние на умы верных сему священному сану, толико полезному, ежели честолюбие и корыстолюбие не совращали оного с истинного пути. Дух сего достопочтенного сословия в унии уже изменился и через смешение с римлянами – но сего недовольно. Прежде в Литве, а после и в Короне монастыри исторгнуты из-под власти епископов и составлено общество базилианов. Оно под властью генералов (протоархимандритов), сперва митрополитам подчиненных, после же и сим противоборствовавших, изменило совершенно прежнее свое образование и кроме употребления в богослужении славянского языка ничего почти не оставило из древнего своего греческого обряда. Таким образом, униатские монахи из защитников обряда и прав своей Церкви стали виновниками преступного на оные посягательства и, подобно другим римским монашеским орденам, орудиями папской власти, посредством нунциев и пребывающих в Риме орденских, вместе с генералами избираемых прокураторов удобно действовавшей.

Преобразование монахов, кажется, считали достаточным средством к дальнейшему изменению униатского исповедания. Светское духовенство думали принудить силой власти: отняли у него знатнейшие фундуши, воздвигали из оных монастыри, поставили над оным из монахов не только первейших епархиальных начальников, но даже часто и деканов – и белое духовенство восстенало под тяжестью не уже внешнего, но внутреннего от своих братий угнетения. Сии, однако, средства, кроме взаимной, доныне продолжающейся между монашеством и светским духовенством ненависти, никакого не имели действия – презренные и угнетенные священники тем более держались обрядов, своим гонителям ненавистных. Нужно было изобресть другие способы – и оные нашлись.

Уже с давнего времени существовали в Риме, Вильне, Бронсберге и Лемберге для русского духовного юношества училища, учрежденные папами, иезуитами руководимые, а после их упразднения под непосредственным надзором папских нунциев находившиеся, – но ими пользовались только монахи. Определено затем посылать в Римскую пропаганду и Виленский папский алумнат светское духовное юношество, а дабы оно по могущественному влиянию базилиан не могло переходить в монашество, то и обязано было во время приема в училище произносить присягу, что не вступит ни в какой монашеский орден. В сих-то заведениях образованные белые священники, получив доверие своего духовенства, став оного начальниками и наставниками и найдя уже отчасти приготовленное духовное юношество, в римских монашеских и базилианских единственно училищах образование получающее, причинились найболее к распространению нововведений, униатское исповедание совершенно изменивших. И действительно, вторая половина прошлого столетия была главным театром таковых изменений. Тут волей и неволей обрили священникам бороды, сняли прежние их рясы, тут ввели некоторые римские обряды и праздники, тут учрежден папой крест для ревностных в унии белых священников, тут составлены наподобие римских униатские капитулы; словом, при конце прошлого века униатское исповедание стало в нынешнем положении ежели не по своему духу, то, по крайней мере, по внешнему образованию. Сии нововведения не имели довольно времени вкорениться и распространиться: загремело над Польшей оружие Екатерины и большая половина униатского народа обратилась к Греко-Российской Церкви.

Да дозволено мне будет вникнуть в чувствования католиков к нынешнему своему отечеству – к России. Существующий в присоединенных от Польши губерниях патриотизм к прежнему своему отечеству не может быть неизвестным правительству. Без сомнения, чувства, с младенчества влиянные и привычкой вкорененные, не могут называться преступлениями – но поддерживающие и распространяющие оные посредством направления, данного публичному воспитанию, или другими тайными, еще ненавистнейшими способами должны считаться врагами общего спокойствия. С другой стороны,

духовенство, в глуши монастырей или в епархиальных семинариях, от местных архиереев совершенно зависящих, и по книгам, в средних веках сочиненным или же злоупотреблениями сих веков предрассудками и сумасбродствами наполненным, воспитываемое[1], не может смотреть приязненным оком на народ (не скажу правительство) с верой, в течение толиких веков ненавистной, народ, не всегда дозволяющий пользоваться мнимыми его правами и препятствующий неугасимой жажде его к прозелитизму. Сии две пружины, ежели их так назвать, польский патриотизм и ложный католицизм, хотя не одним образом, но постоянно действуют к вящшему отдалению сердец обитателей польских губерний от нынешнего своего отечества. Юношество в публичных училищах (говорю о недавнем времени, когда я в оных находился) отзывается о России с презрением; не зная Россиян, не зная их истории, их обычаев, не зная их языка и литературных произведений, оно считает их народом варварским – и слово «москаль» осталось обыкновенным изъявлением презрения. Духовенство со своей стороны, хотя осторожнее, не щадит столь же презрительных сарказмов в отношении еретиков… схизматиков… простительными почитаемых. Простой народ, по словам и поступкам господ и пастырей своих обыкновенно рассуждающий, угнетенный более прежнего самими ж помещиками, отзывается ежечасно: «Не бывало этого за Польши – не бывало этого за унии».

---

[1] Те, которые полагают главной причиной восстания католического духовенства против существования Главной виленской семинарии складку 15000 руб. серебром, которую монастыри на содержание оной вносить обязаны, не совсем еще отгадали тайну. В сем плане участвует, хоть и не с толикой силой, и белое духовенство. Введенные в оной семинарии учебные книги, в австрийских католических университетах употребляемые, по коим истинные пределы папской власти приведены в надлежащую известность, с пренебрежением и опровержением правил неограниченного папизма, по сю сторону Альп и Пиринеев в одной только России оставшихся, возбудили общее опасение – нам выгодно подлежать власти, по отдаленности своей и политическим причинам на поступки наши надлежащего и бдительного внимания обращать не могущей, – и бедные виленские профессора ежели не в собственном руководствовании, то в публичном преподавании должны были оставить прекраснейшие и полезнейшие сочинения.

Теперь я должен сказать с прискорбием, что униаты почти в равной степени с римлянами участвуют в сем поистине преступном направлении умов. Униатское духовенство, во время Польши несколько римскому враждебное, ныне взаимностью польз почти с оным соединилось. Получая первоначальное воспитание в римских и (что все одно) базилианских училищах, будучи соединено с римлянами в главном своем духовном заведении[2], руководствуясь одними законами, одними учебными сочинениями, оно напоено теми ж правилами, теми ж предрассудками. Завися в получении приходов, всякой по оным помощи, а даже в помещении детей от римских помещиков; получая от совокупности богослужения значительные доходы по римскому исповеданию, в большей части из помещиков и достаточных людей составленному; занимая при римских костелах многие места в звании викарных, комендариев, алтаристов и капелланов; находя часто удовлетворенным верх своего честолюбия видеть детей своих в числе римского духовенства, ежели не именем, то силой мнения и своим богатством в тамошней стране истинно господствующего; словом, будучи обязано римлянам своим уважением и довольством, оно как бы необходимо участвует в одних и тех же мнениях, в одном и том же умонаправлении. Скажу более: униатское духовенство скорее низшим разрядом римского, как самобытным сословием, должно быть ныне почитаемо. Оно имеет то же самое одеяние, те же наружные знаки отличия; оно служит в одних церквах, на одних алтарях и в тех же священных облачениях; оно ввело вместо древних греческих обрядов – большую часть римских, вместо внятного для народа богослужения – тихо читанные мши; уже в большей части церквей не найдется иконостасов, по многим же вместо громогласного пения, столь ясно сердцу и уму говорящего, заведены немые

[2] Я всегда вспоминаю с восторгом свое в Главной семинарии пребывание – отлично добранное юношество, достойные учителя, превосходное преподавание наук, совершенное согласие и дружба, в подобном заведении редко случающиеся, навсегда приятным образом запечатлели в моей памяти четырехлетнее тамо пребывание; но я должен сказать истину: нигде униаты не соединяются толь тесно с римлянами – и посылаемые в Главную семинарию униатские клирики возвращаются, может быть, рассудительными римлянами, но не хорошими униатами.

органы. Остался единственной почти отличительной чертой славянский язык, в богослужении употребляемый, но и сей поставленными из римлян священниками, а даже природными униатами, ежедневно искажается и неохотно употребляется – я сам был свидетелем, как один из отличнейших священников Луцкой епархии приезжал из отдаленности к своему архиерею с усильной просьбой о дозволении ему отправлять латинскую обедню, и я слыхал, что многие желали уже этой чести, – в поучении народа по большей части употребляется польский язык, для него невнятный; я даже слыхал, что по многим местам учат его самым важнейшим молитвам на сем языке.

Итак, не имеется уже почти никакой преграды совершенному совращению униатов к римскому обряду – недавнее время показало, что жены не могут быть препятствием для униатских священников: некоторые из них живут еще и ныне в латинстве неразлучны с своими супругами. Римский обряд в западных губерниях возник и распространился на развалинах греко-российского и униатского – да и откуда столько римских епархий в коренных русских областях? Это русская кровь течет в сердцах, ныне России – матери своей – враждебных! Сия страсть к прозелитизму в римском духовенстве еще не охладела – никакие законы не могут положить существенной преграды действиям оной: униатское духовенство зависит от римских духовных и помещиков; архиереи и епархиальные начальства или не знают, или по духу своему либо подобной же зависимости кажутся незнающими. Не говорю о частных обращениях – это обыкновенно; но одного письма из Петербурга было довольно, и бесчисленное множество униатов целыми приходами и со своими священниками восприяли римский обряд. Не знаю, исполнена ли в точности высочайшая воля о обращении в унию сих перешельцев, – это по большей части покрыто мраком неизвестности; но до сих пор имеется неконченным в коллегии дело о возвращении более двадцати тысяч в оное время перешедших униатов по одной Виленской епархии, из трехсот только церквей состоящей. Я уверен, что мало отыщется в римском обряде крестьян русского происхождения, которые бы не присоединились к оному уже во время российского правления – может быть, довольно одного благоприятного случая

и полтора миллиона русских по крови и языку своему отчуждены будут навсегда от старших своих братьев.

Вот истинное состояние существующих в России римского и униатского обрядов! Без сомнения, всякое благонамеренное правительство долгом поставляет стараться насадить в сердцах подданных своих единодушие к общим пользам, любовь к общему отечеству. Я не намерен вникать в способы, могущие действовать на умы римлян – эта машина многосложнее и крепче, оной не легко управлять. Но униаты… стоит их только удалить несколько от римлян… стоит дать посредством воспитания надлежащее направление умам духовенства, 1 500 униатских приходов занимающего… и народ легко пойдет путем, пастырями своими указываемым. О! Да поспешит благосклонное начальство приведением в действо единственно к сему истинно благоразумной высочайшей волей указанной меры – учреждением училищ для униатского духовенства. Я столько уже видел распоряжений правительства по части католического исповедания, не достигших преднамеренной цели, что невольно опасаюсь, дабы и сие не осталось втуне по происках интереса, ревностью к вере прикрываемого, и недосмотру местных властей.

Дабы духовные училища произвели предполагаемую пользу, нужно обязать все униатское духовенство к воспитыванию детей своих в сих только училищах, подобно господствующему исповеданию, а дабы не дать причины к уклонению от сего правила или же к неудовольствиям, духовное юношество должно найти в сих училищах, равно и семинариях все удобства и способы к просвещению, какими ныне пользуется. Итак, духовные училища должны быть в довольном количестве, чтобы духовенство не затруднялось дальностью пути, а в отношении к преподаванию наук должны, кроме славянского языка и обрядов богослужения, заключать все те предметы, которые преподаются и в светских училищах, за исключением разве совершенно духовному званию ненужных. Для вящшего же поощрения назначить при всех училищах и семинариях соразмерное нужде количество учеников, на училищном иждивении воспитываемых и епархиальным начальством из сирот священнического звания или же детей бедных священников определяемых.

Ничто более не сближает людей между собой, как употребление в общежитии одного языка, а потому и следует завести во всех духовных училищах преподавание наук вместо польского на русском языке – вдруг или постепенно.

Низшие духовные училища должны остаться необходимо в совершенной зависимости от монахов, так по недостатку особ белого духовенства, как и потому, что смешение при нынешнем расположении умов могло бы произвести вредные распри, – но семинарии да будут свободны от всякого влияния монашеского ордена до совершенной перемены состава оного. А дабы духовное юношество не напитывалось в низших училищах под руководством нынешних монахов вредным духом, то ограничить оные тремя низшими классами так, чтобы остальное воспитание получалось в семинариях под влиянием здравших правил и бдительного присмотра.

Ежели белое духовенство приближено к римскому, то базилианский орден совершенно римским должен почитаться, а по своему внутреннему образованию и влиянию на умы народа гораздо обширнейшее или по крайней мере более к одной цели направленное может иметь действие. Известно это начальству, и намерение оного – сделать сей орден более полезным и менее вредным – обнаружено. Однако ж сие намерение едва ли исполнится без приведения в действо отдавна уже высочайшей волей предположенного уничтожения излишних монастырей. Базилиане не могли оных наполнить нужным количеством особ и тогда, когда принимали в половине римлян; из осьмидесяти монастырей довольно бы оставить двадцать – круг действия монахов таким образом стеснится, и начальство с большей удобностью возымеет влияние на преобразование оных. Скажу более: недвижимые имения в руках католического духовенства много способствуют отвращению оного от нынешнего правительства. Оно претерпевает по их предмету разные от местных начальств неприятности – и ропщет. Оно опасается лишиться оных по существующему в тех странах с самого присоединения к России мнению – и вопиет. Некоторые ими пользуются, другие сего надеются, а остальные следуют общему направлению, сами не зная для чего. Между тем какое управление! Сколько злоупотреблений! Сколько беспорядков при

всякой перемене сих временных владельцев! Сколько препятствий хорошему исполнению обязанностей своего звания!.. Мне кажется, что сии имения, некоторым только ныне особам пользу приносящие, при благоразумном учреждении и надлежащем присмотре начальства гораздо были бы полезнее и для государства, и для самого духовенства. Хорошее распределение всех бы удовольствовало – все бы с благоговением обращались к руке, из которой продовольствие и содержание получают, – и базилианские фундуши, в 11 435 мужеска пола крестьян и 858 152 руб. серебром капитала состоящие, на содержание 680 монахов ныне обращаемые, нашли бы употребление, более пользе государства и греко-унитского исповедания соответствующее.

Дабы ускорить преобразование базилианского ордена в истинно униатское монашество, нужно бы было нынешних базилиан униатского происхождения под предлогом духовных училищ поместить в монастырях, сии училища содержащих, прочих же перевести в другие монастыри; нужно бы уничтожить общее монашеское начальство и подчинить монастыри местным архиереям; нужно бы воспретить вступать в монашество малолетним, а наполнять оное кончившими уже воспитание в духовных училищах; нужно бы даже запретить принимать новициев в монастыри, римляно-базилианами занимаемые. Таким образом, римские монахи потеряли бы свое влияние; общее исключительное нынешнее направление исчезло бы; начальство легче могло бы обращать монашество к предположенной цели; и молодые люди не произносили бы безрассудных обетов, а что более, вступая в монашество, знали бы уже предварительно обязанности человека, гражданина и священника; тогда как дети в новициатах образуются единственно на монахов, своих родных, свое отечество, своего Царя, свое Небо в одном монастыре заключающих.

Совращению нынешнего белого духовенства к истинному духу Униатской Церкви много бы способствовало удаление местопребывания епархиальных начальств от римских кафедр и даже от мест, в коих римляне господствуют. Первостепенное униатское духовенство, не будучи на глазах римского и удалено от его влияния, легче бы склонилось к принятию необходимых преобразований – по его

же примеру последовало бы и низшее, за исключением разве занимающего места при римских костелах. В сем отношении положение Полоцкой и особенно Жировицкой кафедр довольно выгодно; но Жидичинская, а тем более Виленская совершенно неуместны. Ежели слух, будто Его Высокопреосвященство митрополит учинил представление об уничтожении Виленской епархии не без основания, то следовало бы сим воспользоваться. В городе Вильне, около оного и вообще во всей северо-западной части Виленской губернии униатов почти не имеется. Присоединив Курляндскую и часть Минской губернии к Полоцкой епархии, Виленскую же к Брестской, а от сей последней принадлежащие к ней церкви в Минской губернии отделив для Луцкой, Овручский монастырь был бы средоточием сей епархии и выгоднейшей кафедральной церковью.

Ежели бы обстоятельства благоприятствовали, то и сам второй департамент коллегии от первого совершенно отделить следовало бы. Как ни ограничен законом перевес мнений, от большинства членов происходящий, влияние всегда останется одинаким. Римляне в отношении к униатам господа – и редко кто отважится на сопротивление. Ежели бы и не было других пружин к действованию, то сами их канонические права навсегда будут нас удерживать в их подчиненности.

К вящшему отдалению белого униатского духовенства от римского могло бы послужить учреждение кафедральных штатов. Униатское духовенство на основании конституции Владислава III, во всех привилегиях с римским оное сравнивающей, всегда простирало желания к учреждению у себя римских капитулов. Между тем сии заведения восприяли некоторую правильность уже в исходе прошлого столетия, да и то не имеется ни одного униатского капитула, законно учрежденного, а даже основанного, кроме Супрасльского, во время Прусского правительства составленного, как сие усмотрит начальство из имеющего вскоре поступить из коллегии по сему предмету дела. Главным поводом звания каноников, в униатском духовенстве ныне общего, есть кресты, в 1784 году для 30 ревностных в унии священников папой учрежденные и подобие римских каноничьих имеющие. Сии кресты, властью митрополита раздаваемые, едва ли в

самой России не превышают уже вдвойне узаконенного количества – и все носящие оные именуются каноники. Как верноподданные из рук только своего государя награждения заслуг своих ожидать должны, то и следовало бы воспретить униатским митрополитам раздачу оных крестов. Ежели бы Высокомонаршим милостям благоугодно было пожаловать униатские епархии кафедральными штатами с назначением для каждой, например, по двенадцати протоиереев, украшенных крестами, в господствующем исповедании употребляемыми, и удостоенных какими-либо пенсионами, из общего церковного достояния легко отделиться могущими, то белое униатское духовенство, получая награждения из толико достославного источника, гордясь Высокомонаршими милостями, легко бы забыло пользы, от римского духовенства ныне получаемые.

В заключение я обязан прибавить, что в исполнении распоряжений, ко всем сим предметам относящихся, не можно совершенно положиться на архиереев – они все, сколько мне известно, будучи или по происхождению, или по духу римлянами, не захотят искренно содействовать мерам, их предубеждению противным. А для того следовало бы все определить подробными правилами, дабы не оставить ни одного пути к уклонению, и возложить смотрение за исполнением оных не только на архиереев, но и местные консистории и коллегию, под строгой ответственностью всех сих мест.

Изложив по возможности свои мысли, долгом поставляю просить извинения у благосклонного начальства за смелость, может быть слишком далеко простертую. Да простится сие тому усердию и ревности, с каковыми я желал бы видеть полтора миллиона истинно русского народа, ежели не соединенным, то по крайней мере приближенным, ежели не совершенно дружным, то и не враждебным к старшим своим братьям! Видеть сей народ усердным к вере своих предков, к пользам своего отечества, к службе общего отца-государя!»

Двадцать три года минуло со времени составления этой записки. Поспешность сочинения заметна и в слоге, и в русском языке, и в самой неполноте предположений, изъясненных только в общих чертах.

Между тем эти общие указания были действительным основанием всего униатского дела, развивавшегося уже впоследствии в частных мерах так, что правительство всегда возвращалось к сим основаниям после бывших некоторых попыток избрать другой путь по сторонним внушениям. Сведения, в сей записке изложенные и теперь по большей части малоизвестные, были тогда почти совершенно новы и обратили на себя полное внимание правительства.

Через два или три дня после подачи записки Карташевский приглашает меня к себе, везет к министру Шишкову, вводит в его кабинет – и почтенный сей старец показывает мне, а после читает вслух записочку к нему государя императора, на обеих сторонах восьмушки карандашом написанную, из которой остались мне в памяти некоторые только слова: «Я с особенным удовольствием читал записку, предоставленную мне вами… Я рад очень, что мы имеем такое орудие… Объявите ему все это и мое удовольствие…» Я всегда жалел, что после возвращения домой не записал вполне живых еще тогда в моей памяти этих драгоценных слов. Едва ли мне доставляли столько удовольствия все впоследствии полученные награды, как эти слова государя, нечаянно обратившие меня к поприщу, столь соответствовавшему тогдашнему моему намерению и душевному расположению.

Спустя два года после посвящения во епископа удостоился я с митрополитом и епископом Мартусевичем представления в царском кабинете и был удивлен самым приятным образом, когда государь император, излагая нам положение Униатской Церкви и намерение свое улучшить оное, повторял, почти слово в слово, целые места моей записки. Мои товарищи удивлялись также: откуда мог государь иметь все подобные сведения, им самим не вполне известные. Это одно обстоятельство указывает, сколько государь император принимал к сердцу униатское дело и оным занимался. Никто более меня не убежден, что он был истинным виновником сего дела. Сколько ни случалось в течение оного помешательств и остановок, всегда они были отстраняемы твердой волей государя, и дело получало новое движение.

Но здесь нужно остановиться. Если Бог поможет, то дальнейшая моя жизнь, уже более общественная, нежели частная, будет предме-

том Записок более обстоятельных, сопровождаемых документами, приводимыми ныне у меня в порядок. Но и настоящая первая часть Записок, кажется, достаточна убедить каждого, что Всевышний как бы руководил меня из детства к предположенной цели и готовил в орудие для служения Церкви Православной по делу, приспевшему уже к совершению в неисповедимых судьбах Его.

———

К сей первой части Записок не излишним считаю приложить:

Под № 5. Оставшиеся между моими бумагами восемь письменных упражнений: два еще из Немеровских училищ, два по классу польской словесности в университете, две проповеди, из которых одна произнесенная мной в университетском костеле, и две диссертации на латинском языке. Эти юношеские упражнения едва ли уже не указывают на будущий мой образ мыслей.

Под № 6. Собственноручную Записку, данную мной в ноябре 1827 года Карташевскому, которая читана была государем императором. Она была плодом заботливости моей пояснить главную записку, указанием на личные мои обстоятельства и образ мыслей. Она также может подтвердить и пояснить некоторые обстоятельства настоящих моих Записок.

Под № 7. Документы родовые, училищные, а также о рукоположении и повышениях по 1828 год – числом всех документов пятнадцать, № 15. Между ними есть один довольно замечательный, именно подлинная грамота царя Алексея Михайловича с сохранившейся совершенно печатью, данная шляхтичу Мстиславского уезда Ивану Семашке на владение деревнями в Мстиславском и Оршанском уездах. Не знаю, как эта грамота сохранилась между родовыми документами моей фамилии и вошла в решение Правительствующего сената о дворянском достоинстве этой фамилии, – замечательно, однако ж, что я посвящен во епископы, с наименованием Мстиславского викария Полоцкой епархии.

Иосиф, архиепископ Литовский

Опись документов, приложенных при первой части Записок Иосифа, архиепископа Литовского

№ 1. Мнение членов высочайше учрежденного над Полоцким архиепископом Красовским духовного суда, делегатов Луцкого епископа Мартусевича – Иосифа Семашки и Виленского суфрагана Головни – Василия Маркевича, по делу того ж архиепископа.

№ 2. Постановление Римско-католической коллегии в общем собрании обоих департаментов, составленное заседателем второго департамента Иосифом Семашко в 1827 году, по делу о совращении в латинство более двадцати тысяч униатов.

№ 3. Сочинение о Православии Восточной Церкви, начатое заседателем коллегии Иосифом Семашко в 1827 году, но только до половины конченное, а также некоторые оставшиеся к нему заметки.

№ 4. Записка, составленная асессором коллегии прелатом Иосифом Семашко 5 ноября 1827, о положении в России Униатской Церкви и средствах возвратить оную на лоно Церкви Православной.

№ 5. Некоторые собственные письменные упражнения:

а) два из Немеровских училищ;

б) два по классу польской словесности в Виленском университете;

в) две проповеди, из которых одна произнесенная в университетском костеле;

г) две диссертации на латинском языке, из них одна на степень магистра богословия.

№ 6. Записка в форме письма, данная Карташевскому в ноябре 1827 и читанная государем императором, с пояснением главной записки – указанием на личные обстоятельства и образ мыслей.

№ 7. *1) Родовые документы*:

a) Метрическое свидетельство о рождении и крещении, выданное 30 июля 1816.

b) Выпись из книг земских уезда Винницкого, о заявлении экстракта из киевского дворян. депут. собрания о дворянстве фамилии Семашков, выданная 25 августа 1808.

c) Выпись из книг земских Винницкого уезда, о заявлении дворянской грамоты фамилии Семашков, выданная 25 августа 1808.

d) Подлинная грамота царя Алексея Михайловича, данная шляхтичу Мстиславского уезда Ивану Семашке на владение деревнями в Мстиславском и Оршанском уездах от 20 августа 1654.

2) Учебные документы:

a) Похвальный лист от визитатора Добржанского из третьего класса Немеровского училища, выданный 28 июня 1813.

b) Свидетельство начальника Немеровского училища, об успехах в науках и поведении, выданное 12 февраля 1816.

c) Прошение священника Иосифа Семашко, о принятии сына его Иосифа в Главную семинарию с резолюцией на прошении, данной епископом Мартусевичем 8 мая 1816.

d) Аттестат, выданный об окончании наук в Немеровском уездном училище от 29 июня 1816.

e) Свидетельство, выданное регенсом Главной семинарии Лесневичем, о прилежании, успехах и поведении от 3 июля 1820.

f) Диплом, выданный правлением Виленского университета на ученую степень магистра богословия от 6 июля 1820.

3) Возведение в иерейский сан и иерейские чины и должности:

a) Ставленная грамота о рукоположении во иерея, выданная епископом Мартусевичем 29 декабря 1821.

b) Грамота на звание Луцкого благочинного, выданная епископом Мартусевичем 7 января 1822.

c) Грамота на избрание в асессоры коллегии, выданная епископом Мартусевичем 20 июня 1822.

d) Грамота о возведении в сан каноника, выданная епископом Мартусевичем 23 марта 1823.

e) Грамота при пожаловании канонического креста, выданная митрополитом Булгаком 26 июня 1823.

За исключением приложений в № 7, все остальные приложения с № 1 по 6 включительно писаны вчерне или набело собственной рукой архиепископа Иосифа.

Записки, собственноручно писанные Иосифом, митрополитом Литовским

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Писана в марте 1861 г.)

Вот уже минуло десять лет, а я не брался за продолжение моих Записок. Дела да дела, борьба да борьба, постоянная тревога, где не знаешь часто, больше ли от своих или от чужих должно защищаться. Стоять более тридцати лет одиноко против могущественной польской и римско-католической партии; быть постоянной целью ее неправедных происков; видеть холодность, а иногда недоброжелательство с той стороны, откуда следовало бы ожидать помощи, – право, наскучит хотя бы кому. Приходилось не раз сожалеть, что неоднократные усилия мои устраниться от дел не имели успеха в свое время. Думал и то, авось жизнь коротка. Но вот мне уже шестьдесят два года, а Господь не судил еще слечь в гробу, давно уже приготовленном под сенью святых Виленских мучеников. Да будет святая воля Его! А кажется, почему бы мне и не сойти уже с поприща? Дело, к нему же призван, совершено; здание сооружено и закончено; остается для моих преемников только сгладить некоторые шероховатости – стоит ли трудиться долее при столь тягостной обстановке? Поистине, ослабеваю иногда духом при постоянной борьбе, иногда делаюсь даже равнодушен к самой будущей о мне памяти, которой я всегда столько дорожил. Господь Бог, думал я в эти скорбные минуты, не попустит, чтобы память о добром деле, столь свято, столь усердно совершенном, пропала, чтобы добрые делатели были забыты или поруганы. Однако ж чувствую и на себе некоторую в сем отношении обязанность. Много фактов было бы потеряно, если бы не были мной записаны. Итак, полно тяготиться, полно скорбеть; возвращаюсь через десять лет к моим Запискам – будет ли только сил и времени исполнить дело удовлетворительно, особенно в настоящем моем болезненном состоянии.

Чтобы понять и оценить дальнейший ход униатского дела, нужно еще обратиться несколько к прошедшему.

Уния во все время ее существования действовала неодинаково и по времени, и по местности. Она была недвижна или даже сокращалась во время браней России с Польшей семнадцатого века и усиливалась, когда при благоприятных обстоятельствах Польское правительство могло ей содействовать. Она труднее действовала на энергическое малороссийское племя, нежели на белорусское. Она усиливалась и утверждалась преимущественно там, где римско-католическое духовенство и особенно иезуиты имели сильное влияние. Таким образом, ближе к Варшаве и Вильне уния с самого начала пустила глубокие корни и вполне временем утвердилась. Но дальше к пределам России, где население было почти исключительно русское, а латинское духовенство в малом количестве, уния восторжествовала с немалым трудом едва в последнее пятидесятилетие существования Польши. Я сам знал в детстве некоторых священников Киевской губернии, которые были рукоположены еще православными архиереями, впоследствии должны были подчиниться унии, и наконец, в 1794 году, возвратились со своими прихожанами на лоно Православия.

Сим объясняется столь легкое вначале обращение из унии в Православие жителей нынешней Киевской и отчасти Подольской, Волынской и Минской губерний в последние годы царствования императрицы Екатерины. Но чем оно подвигалось ближе к местностям, более утвердившимся в унии, – затруднения более и более усиливались, так что наконец для взятия униатских церквей отправлялись воинские команды с пушками. В сие именно время император Павел нашел необходимым прекратить эти действия с их вредными последствиями.

В числе сих последствий должно заметить:

1) Переход множества униатов в латинство, так что число римских католиков едва ли там не удвоилось. Я сам при первом осмотре епархии через сорок лет после того встретил местность около Пинска, где шесть церквей, взятых на Православие, гнили в запустении, а прихожане их или совратились в латинство, или обращались к нескольким униатским часовням.

2) Необходимость вызова с лишком семисот священников из других православных епархий для замены униатских, отказавшихся присоединиться. Как и должно было ожидать, прибыли по большей части самые дурные, которых безнравственное поведение еще и доныне отзывается дурными последствиями.

3) Решительное сближение прочих униатов с римскими католиками, так что они с того времени соединились для общей защиты, и униаты под влиянием взаимного сочувствия стали более и более перерождаться в латинян по образу мыслей и по наружности.

Здесь нелишним будет заметить, что при последнем в 1839 году воссоединении униатов и двух тысяч из них не совратилось в латинство, хотя они теперь более сроднились с римскими католиками, более чуждались православных, нежели во времена императрицы Екатерины.

С прекращением императором Павлом насильственного обращения униатов они оставлены совершенно под влиянием римско-католического духовенства и даже были подчинены Римско-католической духовной коллегии. Около 1806 года возникла вновь мысль возвратить и остальных в России униатов на лоно Православия. Я не имел случая узнать, родилась ли эта мысль в уме князя А. Н. Голицына или униатского митрополита Ираклия Лисовского. Известно, по крайней мере, что последний решился быть орудием сего дела и приготовил себя к оному путешествием в Иерусалим. Но старческие лета этого почтенного иерарха не соответствовали важности дела, а жадные родственники уронили его посягательством на церковное достояние. Через несколько лет митрополит Ираклий помер, и эта попытка принесла не пользу, а вред. Намерение правительства огласилось, и до пятидесяти тысяч униатов в 1807 и 1808 годах целыми даже приходами совратились в латинство. Нужны были неоднократные распоряжения правительства, чтобы приостановить это движение. С того времени униаты еще более сблизились с римлянами, подлежа одному главному управлению в Римско-католической коллегии и получая совокупно высшее духовное образование в Главной виленской семинарии.

Одна только мера митрополита Ираклия, поддержанная после него архиепископом Красовским, принесла некоторые плоды. Это – восстановление, хотя отчасти, обрядов правильного богослужения в Полоцкой епархии, состоящей в пределах Витебской и Могилевской губерний.

В этом положении находились униаты до 1828 года. Началом новой эпохи должно считать высочайший указ от 9 октября 1827 года, которым повелено:

«1-е) подтвердить сделанные Правительствующим сенатом в IX и X пунктах указа 25 октября 1807 года предписания и строго надзирать за точным оного исполнением; 2-е) сообразно с тем не дозволять ни в каком случае принимать в греко-унитское монашество людей другого обряда и из самого греко-унитского допускать к произнесению монашеских обетов только тех, коими будет доказано, что они имеют достаточные познания в языке славянском и чине греческого богослужения, доводя до сведения нашего о всех, кои на основании сих правил вступят в греко-унитское монашество; 3-е) учредить, где нужно, училища для наставления греко-унитского юношества духовного звания как в правилах веры, так и в обрядах богослужения на языке славянском».

Этот высочайший указ действительно был началом или, лучше сказать, поводом дальнейшего движения по униатскому делу. Но целью указа было, как показывает смысл его, отклонить дальнейший переход униатов в латинство и удержать их при славянском богослужении. Действительно, этой только цели и можно было им достигнуть при самых благоприятных обстоятельствах. Но тогдашние обстоятельства скорее могли дать указу исход совершенно противный предположенной цели, именно подвинуть униатов к переходу в латинство, подобно как около 1806 года, если бы не были приняты мероположения, истекшие непосредственно из записки моей, прописанной в конце первой части настоящих Записок.

Здесь будет нелишним бросить взгляд на личности, стоявшие в то время во главе униатов.

Митрополит Иосафат Булгак, семидесяти уже лет, кроткого и честного нрава, недальнего ума и учения. Он из римских католиков польской дворянской фамилии, поступил в базилианское монашество из видов фамильных, воспитание получил в Риме и возведен по протекции в епископы. По характеру он не был фанатик, но по убеждению был тверд в римском католицизме. Делами он никогда не занимался, предоставляя их другим, предан был молитве, и если имел слабость, то разве маленькое пристрастие к любостяжанию в пользу родных, которое, впрочем, скорее им повредило, нежели было полезно.

Архиепископ Иоанн Красовский, священнический сын, воспитывался в папском алумнате в Вильне. Он был русский духом, отстаивал самостоятельность униатов от латинян, действовал на восстановление правильного богослужения и образование духовного юношества, но догматически был римский католик. Он был отличных способностей и правительственной деятельности, но всему мешал несчастный периодический (кажется, фамильный) запой. На Красовского имели, кажется, виды как на продолжателя дела после митрополита Ираклия, и едва ли не уклонение от сего было поводом крутого поворота, бывшего о нем дела, кончившегося судом. Красовский помер перед самым началом униатского дела, переведенный из Полоцкой на Луцкую епархию.

Епископ Иаков Мартусевич, священнический сын, но иезуитский воспитанник, живший в постоянных с иезуитами сношениях до самого их изгнания и, кажется, принадлежавший к их внешнему братству. Это воспитание и эти сношения наложили решительную печать иезуитизма на прекраснейший характер. Жаль было смотреть на его превратные, однако добросовестные понятия и убеждения. Он был вполне фанатиком, ненавидел все русское и православное и при всей своей кротости не отказался бы от мученичества. Ему пришлось на Полоцкой кафедре перенести в течение пяти лет все преобразования по Униатской Церкви, которых он не мог одобрять, но которым не мог и противиться по неприкосновенности их к догмату.

Епископ Лев Яворовский, викарий Брестской епархии.

Епископ Адриан Головня, управлявший Виленской епархией.

Оба принадлежавшие базилианскому ордену. Оба выработанные сим орденом в духе и на пользу римско-католической иерархии, но по ничтожному характеру не могшие быть сами собой ни полезными, ни вредными.

Епископ Кирилл Сероцинский, викарий Луцкой епархии, священнический сын, но воспитанник папского алумната. Человек дельный и без лишних предрассудков, однако ж неподатлив.

Все прочие важнейшие места по Униатской Церкви к 1828 году заняты были лицами, воспитывавшимися в папском Виленском алумнате или в виленской Главной семинарии, и следовательно в духе и правилах, чуждых России и Православию, а решительными приверженцами римского католицизма и полонизма.

Странно было и подумать о возможности предложить всем этим людям присоединение к Православной Церкви.

Если вспомним, что к сему времени все помещики и зажиточный класс народа перешли уже в латинство, а в унии оставалось только миллион шестьсот тысяч бедного простого народа; что этот народ поставлен был в зависимость от латинян и посредством помещиков, и по преобладанию римского духовенства; что униаты подчинены были латинянам в Римско-католической коллегии; что униатское монашество (базилиане) переродилось почти совершенно в латинян, состоя на две трети из лиц латинского исповедания, то легко согласимся, что было бы безрассудно приступать без приготовления к возвращению униатов на лоно Православия.

Нужно было прежде изъять униатов из-под власти римлян, разорвать слишком тесную связь, возникшую между первыми и последними, дать униатам некоторую самостоятельность и особое направление, ввести воспитание духовенства, способное возродить понятия и убеждения, свойственные Восточной их Церкви. По сему-то приготовительному пути и направлены все правительственные мероположения.

Кстати, незадолго до сего времени возникло в коллегии дело, возродившее некоторую самостоятельность в униатах, нарушив общность их интересов с римлянами. Об этом деле упомянуто в первой части моих Записок. Оно касалось перешедших в латинство униатов в пер-

вые годы настоящего столетия. Сих совращенцев было множество; по двум только уездам – Дисненскому и Вилейскому – считалось до двадцати тысяч. По сенатскому указу 1810 года совращенцы сии должны были возвратиться в унию; но дело о том пролежало без движения до 1826 года и теперь только поднято моей настойчивостью, несмотря на сопротивление латинских членов. Назначены комиссии для приведения в известность совращенных и для возвращения их в унию. Хотя, по преобладанию на месте латинян, комиссии эти немного принесли пользы, однако произвели хорошее впечатление. С одной стороны, униатское духовенство увидело возможность бороться с латинянами и защищать от них свои паствы; с другой – духовенство латинское, в опасении потерять приобретенное, менее стремилось к дальнейшему прозелитизму, менее интересовалось последовавшими преобразованиями по униатскому ведомству. Это опасение старался я поддерживать в латинянах и впоследствии. Сколько раз ни ходатайствовали они у правительства, чтобы совращенных униатов оставить окончательно в латинстве, всегда успевал я убедить, хотя иногда и не без труда, во вредных последствиях такой меры. Раз как-то уже граф Протасов дал предложение с высочайшим повелением оставить в латинстве униатов, совращенных до 1832 года. Я отправился к нему немедленно и после жаркого спора заставил изменить редакцию высочайшего повеления, так что оно осталось бесполезным для латинян. Уже после выбытия моего из Петербурга они успели испросить для себя известное разбирательство, не столько вредное потому, что совращенные остались окончательно в латинстве, как потому, что римское духовенство развязалось с опасениями за прошедшее, ободрилось духом и приступило вновь к прозелитизму уже не над униатами, но над православными.

Но не будем заходить вперед; заметим теперь, что дело, только что упомянутое, произвело охлаждение и некоторого рода разрыв между униатами и римлянами; а впрочем, едва ли это дело не было поводом и самого выше прописанного указа от 9 октября. Но римлянам не то еще готовилось в униатах.

Ободренный высочайшим вниманием к моей записке, я смело приступил к делу. В униатском департаменте коллегии лежало восемь лет дело о упразднении базилианских излишних монастырей.

Это дело принято мной в основание всего. Составлен огромный и многосложный протокол, в котором решено коллегией упразднение излишних базилианских монастырей и обращение их достояния на многоразличные потребности Униатской Церкви, преимущественно же на учреждение семинарий и духовных училищ. Я трудился с таким усердием и деятельностью, что 17 января 1828 года по этому постановлению последовало уже из коллегии представление к министру Шишкову. Постановление подписали охотно члены коллегии из белого духовенства; и неудивительно – оно было благодетельно для Униатской Церкви. Митрополит Булгак был пасмурен, но не мог сопротивляться и подписал. Один общий прокурор Римско-католической коллегии католик Крижановский хотел было затруднить, но, получив предостережение, отступился.

Постановление это не может быть здесь помещено по его пространству. Само определение составляет тридцать четыре статьи на нескольких листах убористого письма. Оно находится в приложениях под № 1. А впрочем, главные черты оного будут здесь упомянуты, по мере того как приводились постепенно в действо.

В 26 день апреля 1828 года получено в коллегии предложение г. министра Шишкова,

«что Его Императорское Величество, рассмотрев представление греко-унитского департамента Римско-католической коллегии от 17 января и некоторые предположения его, министра, о мерах для лучшего устройства в управлении церквей сего вероисповедания и для доставления новых средств приличного воспитания духовному оных юношеству и одобряя оные вообще, в высочайшем рескрипте от 22 того ж апреля изъявил всемилостивейшее благоволение ему, министру, и всем участвовавшим в начертании сих предположений членам греко-унитского департамента и высочайше повелел главнейшие из них немедленно привести в исполнение».

Еще до того оказана мне лично особенная милость. Вот слова отношения министра Шишкова к митрополиту Булгаку от 17 декабря 1827 года:

«Я имел счастье докладывать государю императору, что Ваше Высокопреосвященство, отдавая справедливость усердной службе протоиерея Семашки по 2-му департаменту Римско-католической коллегии, где сей духовный в звании заседателя оказал отличные способности и ревность, ведя себя с приличным благонравием, совершенно вам известным, испрашивается ему награждения, соответственного его заслугам. Его Императорское Величество, во внимание к ходатайству вашему, всемилостивейше пожаловать изволил протоиерею Семашке наперсный крест, украшенный бриллиантами. При таковом особенном отличии сего духовного я поставил себе в обязанность довести до высочайшего сведения, что он получает на все содержание не более 1 500 рублей (ассигнациями), и Его Величеству благоугодно было явить протоиерею Семашке императорскую щедроту пожалованием ему на стол по сту рублей в месяц, пока не откроется для него духовная бенефиция, коей доходами мог бы он безбедно себя содержать. Высокомонаршую милость сию, последовавшую в 6 день сего декабря, предоставляю Вашему Высокопреосвященству объявить протоиерею Семашке и возложить на него препровождаемый при сем наперсный крест».

Отличие сие поставило меня вдруг на ноги и усилило мое влияние для дальнейшего служения. Оно тем было важнее, что последовало по представлению митрополита.

Последним действием министра Шишкова по униатскому ведомству было объявление высочайшего повеления: «Выбор новых заседателей во второй департамент Римско-католической духовной коллегии отложить впредь до повеления». Это последовало по моему ходатайству из опасения, чтобы при наступавшем тогда новом трехлетии Преосвященные не прислали новых заседателей по своему образу мыслей.

Засим адмирал Шишков 23 апреля уволен всемилостивейше от должностей министра народного просвещения и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий и главноуправляющим назначен (25 апреля) товарищ министра просвещения статс-секретарь Блудов. Впрочем, предваряю, что по моим докумен-

там я не всегда был уверен, выставляю ли в моих записках число высочайшего повеления, или сенатского указа, или распоряжения коллегии, в которых повеление прописано.

Тут деятельность моя должна была удвоиться. Я в жизни своей не помню времени, в которое имел бы более трудов и хлопот, как в течение этих двух лет (1828 и 1829). Не напрасно исхудал я за это время и казался толь болезненным, что при возведении меня в сан епископа говорили: «Напрасно его посвящают, ему жить недолго». Нужно было, кроме коллегии, трудиться ежечасно с директором Григорием Ивановичем Карташевским и главноуправляющим Дмитрием Николаевичем Блудовым. Нужно было составлять постоянно проекты правительственных и даже важнейших коллегиальных распоряжений для общего предварительного обсуждения. Нужно было составлять особые записки для убеждения в основательности сих проектов или в необходимости принятия тех или других мер. У меня нашлось между бумагами несколько черновых такого рода записок и проектов, которые прилагаю под № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Необходимость этого труда настояла особенно потому, что Карташевский и в особенности Блудов весьма малое имели понятие о делах униатских и римско-католических, преимущественно в их местных оттенках и подробностях. По сей причине поручались мне конфиденциально и римско-католические дела, в том числе и получаемые из Рима, для моего обсуждения и заключения – чем труды мои удвоивались.

Занятия мои затруднялись еще какой-то мнительностью и холодностью к делу главноуправляющего. Я слышал от Карташевского, будто Д. Н. Блудов сказал, что и не коснулся бы униатского дела, если бы предвидел, что оно ему поручено будет. Карташевский давал подразумевать: якобы Дмитрий Николаевич сказал это по недовольству, обманувшись в надежде быть после Шишкова министром народного просвещения, а не главноуправляющим только делами иностранных исповеданий. Я с своей стороны эту мнительность и холодность объяснял новостью для него самого дела, в котором должен был блуждать и теряться при всем своем светлом уме и способностях. Впрочем, впоследствии я убедился, что он не имел лично усердия к Православию, а только действовал как исполнитель воли

государя. Довольно напомнить один заключенный им впоследствии конкордат с Римом, которым столько упрочено и распространено положение в России римско-католического духовенства. Об этом направлении ума Дмитрия Николаевича упоминаю здесь не столько для разъяснения моих затруднений, сколько для указания причины, почему униатское дело неоднократно колебалось и останавливалось, почему нужны были с моей стороны постоянные настояния, перешедшие наконец в старание передать униатские дела в другие руки.

Первым действием при новом главноуправляющем был приготовленный, впрочем, еще при Шишкове высочайший указ от 22 апреля 1828 года, прилагаемый под № 11. По сему указу учреждена для униатских дел в России независимая от Римско-католической Грекоунитская духовная коллегия с новым штатом; приказано купить особый дом для помещения сей коллегии, который и куплен впоследствии у купца Бабкова; униатские церкви, вместо четырех епархий, распределены на две – Белорусскую и Литовскую, для каждой указано быть консистории, семинарии, низшим духовным училищам, а в Полоцке – духовной академии; при обоих кафедральных соборах назначено по шести старших и двенадцати младших соборных протоиереев, украшенных наперсными крестами и обеспеченных пенсией; базилианские монастыри и монашество подчинены епархиальным начальствам и консисториям; указаны фундуши, от которых следовало получать содержание всем этим учреждениям.

Этот указ заключает в себе все главные основания надежного действия на униатов в предположенной цели. Учреждение особой коллегии изъяло их из-под власти римлян. Упразднение двух епархий дало возможность заместить надежными людьми два остальные епархиальные начальства, находящиеся в местностях, менее подверженных влиянию римлян. Учреждение семинарий и училищ давало средства образовать духовное юношество сообразно цели. Назначение соборных протоиереев открыло возможность поощрять духовных, усердствующих на добром пути. Подчинение монастырей епархиальным начальствам делало безвредным переродившееся в римлян униатское монашество и дало возможность употреблять с пользой как монашествующих, так и монастырские средства.

Кто прочтет вполне указ 22 апреля, зная сколько-нибудь прежнее положение униатов, тот согласится, что это была совершенная ломка старого здания и сооружение нового. Исполнение указа тем более было затруднительно, что меры, указанные оным, должны были соображаться с преднамеренной целью воссоединения униатов к Православию. Вот почему не только самостоятельные меры, но и исполнительные подробности должны были быть обсуждаемы предварительными с моей стороны записками. Эти записки Дмитрий Николаевич обыкновенно докладывал государю императору и часто о том мне напоминал, иногда добавляя, что государь любил мой почерк. По всему было видно, что колебание и мнительность Дмитрия Николаевича происходили от неполного знания дела. Он посему не был вполне уверен в действительности и верности принимаемых мер и желал сложить с себя ответственность ссылкой на волю государя и на мои проекты.

Было бы слишком обременительно следить в настоящих Записках за всеми исполнительными распоряжениями по указу 22-го апреля; само содержание указа вообще на них указывает. Но нелишним будет привести другие правительственные меры и распоряжения для постепенного преобразования Униатской Церкви.

Для составления настоящих Записок у меня заготовлены давно материалы. Есть фолиант выписок из дел коллегии с 1827 по 1837 годы. Есть три фолианта выписок важнейших моих соображений и распоряжений за все время управления моего Литовской епархией, то есть за тридцать почти лет. Есть кипа подлинных бумаг и документов, а также собственноручных черновых. Мало здесь окажется недостатков для полных сведений. Удастся ли мне только привести эти материалы в хороший порядок? Кажется, не станет ни сил, ни времени.

Итак, в 1828 и 1829 годах состоялись следующие высшие важнейшие распоряжения и происшествия.

1) Повелено приостановить впредь до повеления избрание новых членов консистории.

2) Изменен порядок избрания членов в консистории, с той особенно целью, чтобы их определять не на три года, как было прежде, и не по одному усмотрению Преосвященных. Приложение № 12.

3) Назначены в консистории члены от монашества, на первый раз провинциалы, и составлена для них инструкция. Прил. № 13.

4) Учреждены три административные комиссии для управления общими имениями и капиталами греко-унитского духовного ведомства.

5) Воспрещено принимать в униатское монашество лиц римско-католического исповедания.

6) Монахам униатским из латинян предоставлено на волю возвращаться в римское исповедание, чем и воспользовалось более пятидесяти монахов.

7) Положено монахов униатских не посвящать в священство без предварительного рассмотрения и постановления консистории. Прилож. № 14.

8) Положено, чтобы десятина, собираемая в пользу латинского духовенства от греко-унитского народа, обращалась для униатского духовенства. Прилож. № 15.

9) Воспрещено отправлять униатских воспитанников в бывшую при Виленском университете Главную семинарию.

10) Запрещено печатание униатских богослужебных книг без разрешения коллегии.

11) Запрещено определять униатских священников к латинским костелам в звании викарных или под другими наименованиями.

12) Учреждена и открыта в Жировицах Литовская семинария. Белорусская существовала уже прежде в Полоцке.

13) Ректором Литовской семинарии назначен протоиерей Антоний Зубко, снабжен особой инструкцией и отправлен из С.-Петербурга в Жировицы.

14) Для руководства униатских академий, семинарий и училищ низших приняты уставы, существующие для подобных заведений господствующей Православной Церкви.

15) Сообразно сим уставам преобразовано учение в Полоцкой семинарии и заведено в Литовской.

16) Поощрена отдача духовенством детей своих в духовные училища.

17) Подарено униатским училищам от комиссии духовных училищ значительное число учебных и других книг – более тысячи экземпляров.

18) Распространены на детей униатских священнослужителей права и преимущества, дарованные по закону детям православного духовенства.

19) Назначены председатели в Литовскую и Белорусскую консистории протоиереи Тупальский и Слонимский.

20) Пожалованы несколько заслуженных униатских духовных в звание соборных протоиереев с украшением их золотыми наперсными крестами и назначением пенсий.

В то же время из упраздненных епархий передавались по принадлежности архивы и ризницы, в том числе перевезены из Вильны в Петербург митрополичья ризница и весьма важный митрополичий архив, ныне причисленный к архиву Святейшего Синода. В этом архиве нашлась подлинная булла папы Климента VIII о принятии под свою власть униатов и представлена тогда же из коллегии через Блудова государю императору.

Исполнение по всем частям шло быстро, деятельно. Белое духовенство и учебный состав горели ревностью. Не сделалось только то, что было свыше сил и что по своему существу и даже по правительственным предположениям предоставлялось времени. Почтенный митрополит, как и всегда, был в страдательном положении. Только добрый епископ Мартусевич маневрировал, но очень осторожно. Однако ж и с ним были осторожны. Между прочим, ему было поставлено в обязанность, чтобы доставлял в коллегию свои энциклики, которыми обращался он печатно иногда к своему духовенству.

Монашество, однако ж, базилианское делало порядочную оппозицию – и неудивительно, оно было духом и составом римско-католическое и отстаивало свою самобытность. У меня лежат перед глазами заметки о бывших неоднократных выговорах провинциалам Жарскому и Мудровичу за их противозаконные поступки в обуздание их своеволия и строптивости, Мудровичу даже угрожал суд, – а наконец воспрещено даже провинциалам отлучаться из местопребывания их без дозволения консистории. К счастью, базилиане не могли ссылаться на догма-

тические и канонические причины, а потому и не могли иметь явной поддержки от римских католиков. Против базилиан, как и в первых основных мерах униатского дела, действуемо было сообразно папским буллам и постановлениям. Притом базилиане не имели никакого влияния на белое униатское духовенство; напротив, были с ним в постоянном антагонизме. Потому оппозиция базилиан не имела почти никакого вредного действия, а через несколько времени и прекратилась совершенно, особенно по выходе в латинство более рьяных базилиан и после смерти в 1830 году провинциалов Билинкевича и Мудровича.

К сим двум годам (1828 и 1829) относятся и следующие факты.

Между бумагами нашлась у меня черновая с письма моего отца с переводом на русский язык и моими примечаниями. Она любопытна и прилагается под № 16. В этом письме отец описывает неприятности, переносимые от латинян по поводу новых преобразований и моего в них участия. Я не мог перенесть, чтобы не представить о том Дмитрию Николаевичу, – и по докладу письма государю императору пожалована отцу пожизненная пенсия в шестьсот рублей ассигнациями. Замечательно, что это была во всю жизнь единственная моя личная просьба к начальству. Сколько я ни получал впоследствии наград и отличий, я никогда о них не знал прежде получения. Не просить – называют иногда гордостью; напрасно, я от этого награды ценил еще более и вдвойне был благодарен и признателен за эту деликатность правительства – все мое поприще это подтверждает.

Другая черновая, прилагаемая под № 17, есть записка о церкви, принадлежавшей в Риме монахам-базилианам, во имя св. Сергия и Вакха. При сей церкви состояли прокураторы базилианского ордена и несколько монахов для орденских дел в Риме и для удовлетворения духовными требами прибывающих туда униатов. По случаю смерти прокуратора требовалось назначение другого. Я предложил и поддержал мысль, чтобы отказаться от сего заведения, в том убеждении, что оно запутывало бы ход униатского дела при новом его направлении. Так и поступлено.

Третья пространная записка, при сем прилагаемая под № 18, есть сильный и подробный ответ и опровержение бумаг и притязаний, полученных правительством от Римского двора, по поводу новых

распоряжений относительно униатов. К счастью, сведения, полученные папой из России, были по большей части сбивчивы и неосновательны, так что можно было ответить победно, почти вполне удовлетворительно, и даже употребить иногда насмешку.

Еще у меня нашлись три пространные записки, к сему времени относящиеся: 1) о тайне исповеди в Римской Церкви; 2) о власти римских епископов и их обязанностях к папе; 3) о римском катехизисе, приготовлявшемся к изданию. Они прилагаются при сем под № 19, 20 и 21.

К тому же времени относится участие мое в деле коронации государя на Царство Польское. Сам государь указал на меня, а Блудов свел меня с графом Потоцким, кажется гофмаршалом. Я перевел на польский язык с русского чин коронационного священнодействия и сделал замечания, что и в каком смысле следовало бы изменить.

Эти факты и правительственные меры, слегка упомянутые выше, довольно указывают на служебную мою деятельность в течение двух лет. Может быть, оценка каждой из сих мер и фактов стоила бы особой записки. Но деятельность моя не ограничилась служебностью.

В это самое время перевел я на польский язык сочинение митрополита Московского Филарета «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Греко-Российской Восточной Церкви». Сочинение это, может быть, слабое для православных, весьма впечатлительно для иноверцев. Я испытал это на себе, испытал после и на прочем униатском духовенстве. Я предложил его напечатать и распространить, как значится в черновой записке, прилагаемой при сем под № 22. О сем было совещание между митрополитом Филаретом, Д. Н. Блудовым и мной. Все устроилось по моей мысли; даже несколько фраз, прибавленных по желанию Блудова к сочиненному мной предисловию *от издателя,* были исключены. Не помню, было ли это первое мое свидание с митрополитом Филаретом или же установились уже тогда бывшие после постоянными общие наши совещания по важнейшим делам, по настоянию моему, чтобы меры, принимаемые по униатскому ведомству, принимаемы были в соображение и по управлению Православной Церкви. Достоин замечания секрет, соблюденный относительно этого перевода. Он напечатан по

моему указанию под именем инспектора академии, бывшего после знаменитого Херсонского архиепископа Иннокентия. Этот аноним утвердился вполне, и Преосвященный Иннокентий прослыл знатоком польского языка. В коронационное время, в Москве, 1856 года, сам Преосвященный Иннокентий говорил мне серьезно о переводе «Разговоров…» как о важнейшем действии первоначального своего служения – и, может быть, только из моих настоящих Записок откроется истина, если только Запискам этим суждено попасть в добрые, благородные руки. Впрочем, не одно это мое действие оставалось в свое время в неведении для лучшего успеха доброго дела – выдвинут ли Господь Бог и добрые люди из-под спуда и мои добрые дела?

Наконец пришло время возведения меня в сан епископа. И было пора, не только чтобы доставить надежного деятеля на пользу Православной Церкви, но и чтобы обеспечить необходимые потребности униатов в России при тогдашнем положении униатских епископов. Митрополит был уже семидесяти лет. Архиепископ Красовский умер в августе 1827 года. Прочие епископы были преклонных лет и ненадежного здоровья, так что вскоре скончались, именно: Головня и Сероцинский – в 1831, а Мартусевич и Яворовский – в 1833 годах.

В 21 день апреля 1829 года последовал высочайший указ о бытии мне викарным епископом и председателем консистории Белорусской греко-унитской епархии, с наименованием епископа Мстиславского, присутствуя и в коллегии, когда буду находиться в С.-Петербурге. Посвящение совершено в 8 день августа того ж года митрополитом Булгаком, епископом Мартусевичем и латинским епископом Гедройцем в Петербургском римско-католическом костеле св. Екатерины по неимению униатской церкви. Эта чуждая обстановка, признаюсь, была для меня весьма тягостна – но что же делать, это была необходимость, может быть даже небесполезная для дела. Я вознаградил себя тем, что изменил, не без ведома государя, латинскую архиерейскую присягу исключением из нее многого, что слишком было противно моей совести.

Посвящение меня в епископы происходило в отсутствие Блудова. Он с мая по октябрь месяц был на водах за границей, а

место его заступал тайный советник Дашков. Сей последний был для меня очень предупредителен. Я не могу упрекнуть и Блудова в нерасположении ко мне, однако ж мне было неприятно замечать в нем иногда какую-то холодность. Едва ли она не происходила от настойчивости моей по делам, иногда бесцеремонной; да я замечал еще, что мне старались вредить внушениями, будто я хвалюсь своими действиями и влиянием во вред Блудову, – а Бог видит, что я никогда не был самохвалом, а в то время я и не имел даже кому хвалиться.

После посвящения посвящавшие и я имели у государя аудиенцию 11 августа. У меня нашлась любопытная, тогда же составленная промемория* о сей аудиенции, прилагаемая под № 23.

Тогда же пожаловано мне и митрополиту по архиерейскому облачению в форме православных. Это облачение завещал я возложить на меня во гроб. Оно напоминает мне еще особенное ко мне монаршее внимание. Князь Волконский показывал лично ризницу, и государь, заметив приготовленную для меня плохонькую митру, приказал переменить и сделать такую ж, как для митрополита.

Еще прежде того, в звании протоиерея, в апреле 1828 года сопричислен я к ордену св. Анны II степени. Прилагаю при сем послужной мой список под № 24, чтобы далее не стесняться точным исчислением официального прохождения службы и полученных наград.

К сему времени относятся и при сем прилагаются:

1) Отношение ко мне Блудова от 3 мая 1829 года, о всемилостивейшем пожаловании мне 1 000 руб. серебром на первоначальное обзаведение. Прилож. № 25.

2) Отношение ко мне Дашкова от 20 мая 1829 года, о производстве мне жалованья по 1 000 руб. серебром, по случаю возведения в епископский сан. Прилож. № 26.

3) Отношение министра Шишкова от 17 декабря 1827, о награждении меня наперсным бриллиантовым крестом и пожаловании столовых по сту рублей в месяц. Прилож. № 27.

---

* Промемория – официальная бумага, памятная записка о чем-либо. – *Прим. ред.*

4) Три отношения ко мне Блудова, от 5 и 18 декабря 1829 и 24 января 1830 года, о пожаловании архиерейского облачения. Прилож. № 28, 29 и 30.

После посвящения меня в епископы я считал неотложной потребностью посетить лично епархию, дабы удостовериться, как приняты и исполняются новые правительственные меры; дабы узнать, какое они произвели впечатление и каковы надежды на успех; дабы видеть личный и вещественный состав всего ведомства; дабы собрать вообще материалы для верного действования к преднамеренной цели. Дмитрий Николаевич затруднялся меня отпустить, кажется, из опасения не иметь никого для дел в мое отсутствие, так как в августе 1829 года директор Карташевский поступил в должность попечителя Белорусского учебного округа. Наконец последовало в феврале 1830 года высочайшее соизволение отправиться мне на несколько месяцев на Белорусию и в Литву, преимущественно для обозрения семинарий и духовных училищ, – и в марте месяце отправился я в Полоцк и Жировицы, а в начале сентября возвратился в Петербург.

Сведения и замечания, собранные в это путешествие, изложены мной в отношении к Блудову от 30 сентября, прилагаемом при сем под № 31. Оно столь занимательно, что стоило бы быть внесено целиком в настоящие Записки; но этого заслуживали бы и многие другие из моих бумаг, а их прочтут и в приложениях, если кто пожелает. Эти сведения и замечания подтвердили верность направления, данного униатскому делу, и указали многое для будущих соображений и действий.

Путешествие это весьма благодетельно подействовало на восстановление моего здоровья. Все мне приносило истинное удовольствие – и успех новых правительственных мер, и надежда на хорошее будущее, и нелицемерная признательность белого духовенства, вызываемого к новой жизни, и доверенность, с которой принимались мои наставления, внушения и распоряжения. Одни базилиане несколько косились, да Преосвященный Мартусевич иногда досаждал своим: «*Timeo Danaos et dona ferentes*»; но и с их стороны не испытал я никаких неприятностей, – напротив, мне старались угождать. Довольно сказать, что Преосвященный по моему внушению

с немалыми для себя издержками построил в одно лето для семинарии каменный двухэтажный дом с восьмью просторными залами.

Посещение мое не ограничилось Полоцком и Жировицами. Я делал поездки и по сторонам, особенно чтобы видеть монастыри, в которых предполагалось открыть духовные училища. В одну из таких поездок был со мной случай, который врезался в мою память и который я позволю себе здесь рассказать, – и серьезному человеку можно улыбнуться. Это было на пути из Жировиц в Кобрин, в Картузской Березе. Там был богатый монастырь ордена картезианцев, руководящегося самыми строгими правилами. Я полюбопытствовал посмотреть этот монастырь, чего он и действительно стоил, особенно по великолепной церкви, напоминающей несколько своим устройством церкви восточные. Монахи пригласили меня откушать. За стол сели два начальствующие картезианца, бывший со мной протоиерей и я. Между прочими кушаньями мне подали борщ с весьма незавидной говядинкой, картезианцам же – суп с индейкой; мне подали жаркое из такой же говядины, а им жаркое из индейки. Мне пришло было на мысль, что надо мной подшучивают, но наконец спросил: «Отчего эта разность в кушаньях?» «Ведь мы обязаны к посту, – отвечал смиренно старший, – мясное нам запрещено, по правилам дозволяется только в пищу водяная птица; а как теперь трудно ее достать, то милостивое начальство дало разрешение и на другую птицу». Через полчаса я удостоверился, что добрые картезианцы отступают иногда и от этого строгого поста. В одной из келий я застал нечаянно монаха с трубкой во рту, а возле него лежал оставшийся от обеда кусок свиной говядины. Разумеется, этот случай не уменьшил моих предубеждений против римлян. Впрочем, этот богатый монастырь через год упразднен правительством за прикосновенность монахов к мятежу.

Кроме означенного выше донесения Блудову после осмотра, я представил донесения и коллегии о сделанных мной или требующихся еще распоряжениях по семинариям и училищам, и донесения сии не остались бесплодны.

Еще до моего выезда для осмотра назначены высочайше 28 000 руб. асс. для улучшения состояния Полоцкой семинарии и для

заведения при ней академических классов. Это штатное содержание оставалось после закрытого в Полоцке пиарского, бывшего прежде иезуитского, высшего учебного заведения. По представлению коллегии на счет сей суммы отправлены вскоре молодые люди греко-унитского исповедания для высшего образования: два в Петербургский и четыре в Московский университеты да четыре в Петербургскую духовную академию. Сия последняя мера поддержалась и на дальнейшее время, так что учреждение в Полоцке академии оказалось излишним – и к лучшему.

В 1830 году открыты духовные училища Толочинское и Кобринское, а в 1831 – Борунское; но это – исполнение прежних постановлений; важными же мерами сии два года, равно и 1832, довольно бедны. Из них можно отметить разве следующие:

1) Воспрещение иметь в римско-католических монастырях служителей православного и униатского исповедания.

2 Распоряжение о наблюдении в униатских монастырях восточного чина. Оно сделано вследствие замечаний самого государя в бытность в Уманском монастыре и прилагается при сем под № 32.

3) Закрытие светских училищ, содержимых базилианами в губерниях Киевской, Волынской и Подольской.

4) Передача Почаевского монастыря в православное ведомство.

5) Предписание, чтобы в западных губерниях, по иноверному ведомству, члены в консистории и священники к приходам назначались не иначе, как по сношению с начальником губернии.

6) Принятие особых мер к отвращению самовольных отлучек белого и монашествующего иноверного духовенства.

Но последние четыре факта не были необходимы по ходу униатского дела, а произошли случайно от обстоятельств польского мятежа.

Этот-то мятеж был причиной скудости фактов по униатскому делу и как бы остановки оного в течение почти трех лет. Я не беспокоился этим вначале, надеясь, что мятеж еще более убедит правительство в необходимости подавить полонизм в западных губерниях, а тем самым еще ускорить впоследствии униатское дело. Потому занимался я текущими делами, и только ужасная тогдашняя холера делала общее положение тягостным.

С этого времени оказался между моими бумагами только один экстренный труд мой, именно пастырские послания, по случаю мятежа, от имени митрополита Булгака и Самогитского епископа Гедройця. Оба они прилагаются под № 33 и 34, в печатных экземплярах, первое на польском и русском, а последнее на польском и самогитском языках. Сверх того, прилагаю два мои черновые проекта первого под № 35 и 36, один проект последнего под № 37 да черновую записку о первых двух проектах под № 38. Эти бумаги укажут на особый занимательный факт да обнаружат свойственный мне склад ума и сам способ неленостного труда, которого они образец и во всех других случаях.

Настало для меня время скорби, а для дела – опасное колебание. Я начал замечать видимую холодность Дмитрия Николаевича по всем обстоятельствам этого дела. Прежде всего я приписал эту перемену новому директору департамента Вигелю, университетскому товарищу Блудова, человеку светскому, ведшему жизнь салонную, не занимавшемуся вовсе и не могшему заниматься делами, но сдавшему их совершенно на одного подчиненного чиновника. Опасения мои увеличились, когда я узнал, что чиновник сей слыл взяточником; разумеется, недоброжелательствующие униатскому делу многим бы пожертвовали, чтобы оное уронить или, по крайней мере, остановить. Мои опасения усилились, когда я увидел яснее происки провинциала базилианского Иосафата Жарского.

Жарский вызван в Петербург в апреле 1831 года под предлогом объяснения по делам, настоящим же поводом было подозрение генерал-губернатора Храповицкого в соумышлении его с мятежниками. Храповицкий понуждал его к выезду; но он сделался больным и прибыл в Петербург в ноябре месяце, уже после совершенного укрощения польского мятежа. Жарский до мятежа ездил в Варшаву, за что получил строгий выговор. Справедливо ли подозрение, будто Жарский был в связях с мятежниками, не знаю. Я скорее готов полагать, что он ездил в Варшаву, чтобы выхлопотать у Новосильцова покровительство базилианскому ордену, а чиновники Новосильцова слыли продажными. Мне было известно, что Жарский и на месте, и из Петербурга постоянно понуждал монастыри, чтобы ему слали да

слали деньги. Я знал, что он неразборчив ни в целях, ни в средствах, и даже не фанатик, даже слыл вольнодумцем и скорее руководствовался интересом да полонизмом, нежели религиозностью. И этот-то человек под покровом Новосильцова, бывшего уже в силе в Петербурге, втерся в дела, и этого человека назначили членом коллегии, и ему поручили осмотр базилианских монастырей.

Я бы не беспокоился, если бы знал, что это поручение кончится только финансовой спекуляцией. Я уже впоследствии узнал, будто Жарский выжимал, что мог, из монастырей, даже возил с собой ювелира и прибирал будто к рукам драгоценные камни, заменяя их стеклышками. Но тогда я не знал этого и начал серьезно беспокоиться. Опасался, что Жарский увлечет митрополита, действительно, едва ли не более приверженного к базилианам, нежели к унии; что он во время всеместных объездов по монастырям рассеет вредные униатскому делу вести и внушения и спарализирует посеянное в мою поездку; что базилианское монашество возьмет верх и все пойдет по-прежнему в духе латинян, с которыми Жарский тоже мог согласоваться во время своего объезда.

Не быв в состоянии разведать о настоящей цели маневров Жарского, я принялся действовать по обстоятельствам. Прежде всего я в январе 1832 года просился через коллегию об увольнении меня к должности в епархию, имея целью или разъяснить положение дела, или противодействовать злому умыслу на месте. Не получая ответа на представление из коллегии, я просил о том же в феврале Дмитрия Николаевича довольно резким письмом, прилагаемым у сего под № 39; но получил от него только общие словесные приятные объяснения, которые меня мало успокоили.

В это время Дмитрий Николаевич сделан министром внутренних дел, так что униатские дела были только ничтожной частью его занятий. Дела эти были у него соединены в одном департаменте с римско-католическими, а следовательно, легко могли парализироваться прикосновением сих последних. Если припомнить холодность, с которой Дмитрий Николаевич взялся за униатское дело, если обратить внимание на мягкость его характера и щекотливость к общественному европейскому мнению, если внять его положению относительно

римских католиков, ему же подчиненных, то можно было предполагать, что он употребил Жарского в виде сделки с сими последними и что униатское дело пойдет в проволочку и наверно не достигнет предположенной цели. С того времени я убедился в необходимости для униатского дела быть переданным в руки менее связанные, более верные и надежные.

С сей целью подал я самому Блудову 26 июля 1832 года сильную, полную содержания записку. В ней изложен весь ход униатского дела, настоящее оного положение и опасения за будущее; и как средство верного исхода этого дела предложил подчинение Греко-унитской коллегии Святейшему Синоду. В другой записке, от 15 октября, я пояснил отдельно разные меры, которые следовало бы принять на основании первой записки, и даже приложил проект высочайшего указа о подчинении коллегии Святейшему Синоду. Эти две записки и проект прилагаются при сем под № 40, 41 и 42. Тем, кои удостоят обратить внимание на настоящее мое писание, советую читать и приложения. Они занимательнее самих сих Записок, которые служат как бы связью и целостным пояснением приложений. Большая часть этих приложений есть важные исторические документы, объясняющие вполне подробности и настоящий колорит времени и обстоятельств. Не помню, о записке ли под № 40 или о другой впоследствии государь Николай Павлович сказал Блудову: «Это обвинительный акт против меня и тебя», так, по крайней мере, утверждал передо мной сей последний.

Содержание только что приведенных трех бумаг затруднило бы и менее мнительного и нерешительного человека, чем Блудов. Потому я не слишком беспокоился тем, что они не имели непосредственных быстрых последствий. Однако ж я все полагал, что ожидают последствий данного Жарскому поручения, и боялся, чтобы не дали делу неправильного хода.

Донесение, полученное наконец от Жарского в коллегии, о последствиях осмотра успокоило меня несколько. Эта бумага оказалась бесцветной, безвредной и едва заслуживающей внимания. Коллегия беспощадно определила ее в постановлении от 1 марта 1833 года и мнение свое представила Блудову. Постановление это прилагается под № 43.

После сего я был вправе ожидать разъяснения дальнейших видов правительства по униатскому делу. Это для меня тем более было необходимо, что 2 апреля 1833 года я высочайше назначен Литовским епархиальным епископом с оставлением и членом Греко-унитской коллегии. Я чувствовал, что не вынесу этого бремени, если изменится принятое уже направление униатского дела; да я и не намерен был оставить это дело на произвол судьбы. А между тем намерения по проектам Жарского все от меня скрывали – я же им не мог не придавать важности, особенно по участию здесь Новосильцова, бывшего уже, кажется, тогда председателем государственного совета.

Тут молодое мое терпение лопнуло. Я решился присоединиться лично к Православной Церкви. Прилагаю при сем под № 44, 45 и 46 просьбу о том Святейшему Синоду от 15 мая 1833 года и заготовленные о сем донесения коллегии и Блудову. Но Бог судил мне совершить до конца общее дело воссоединения; означенные три бумаги остались без действия по следующему случаю. Я ездил лично в Святейший Синод с просьбой, но не застал обер-прокурора Нечаева и дожидался его более часа. Обер-секретарь предлагал принять от меня просьбу; но я желал быть представленным в синодальное присутствие и покончить все одним разом, а потому отложил до другого дня. Между тем Блудов узнал об этом и пригласил меня к себе. «Вы были в Синоде», – сказал он с видимым смущением. «Был», – отвечал я и все рассказал. Он повеселел и в свою очередь многое рассказал. Открылось, что действительно Жарский, покровительствуемый чиновниками Новосильцова, противодействовал ходу униатского дела; но против самой сущности оного действовать не смели, а косвенными мерами повредить не умели – и на том все остановилось.

Объяснения с Блудовым были откровенные. Уверения его в дальнейшем поддерживании униатского дела были самые положительные. Я ободрился, принялся вновь за дело, но все же остался в убеждении, что дела этого Блудову не кончить.

Тут место сказать о назначении меня Литовским епископом. Блудов предлагал мне Белорусскую кафедру, праздную по смерти Мартусевича (26 января), и даже сказал, что на это есть воля государя. Но я подумал, что сия кафедра старше и богаче Литовской, а следо-

вательно, поступить мне на нее значило бы обидеть старика митрополита, а может быть, и сделать его неприязненным делу. С другой стороны, Белорусская епархия, по своему положению и состоянию народа и духовенства, гораздо была ближе к Православной Церкви, нежели Литовская, изменившаяся совершенно от повсеместного соприкосновения с латинами и от могущественного их преобладания, а следовательно, здесь требовалось более заботливости, более усердия, более труда. Таким образом, митрополиту вверена кафедра Белорусская, а мне – Литовская. Между тем Полоцкая кафедра была архиепископия, Литовская же – епископия; первая имела архиерейское имение в 2 000, а с семинарскими в 4 000 душ крестьян, вторая же – только в 400 душ. Этот один факт может, кажется, удостоверить в моем самоотвержении – впрочем, самоотвержение и бескорыстие видны во всей моей жизни: я не уклонялся от тягостей, не хлопотал о себе перед начальством, никогда не брал, не давал взяток. Этому качеству приписываю я во многом успех всех начинаний трудного моего поприща. Не раз, бывало, Дмитрий Николаевич удивится моим предложениям, видя их противными личной моей пользе, – а между тем таким образом проводилась мной не одна важная мера для хода униатского дела.

Засим униатское дело, остановившееся было почти в течение трех лет, приняло быстрое движение.

Еще по случаю назначения провинциала Жарского членом коллегии в 1832 году звание провинциалов в греко-унитском монашестве отменено, а затем монашество это поступило окончательно в ведение епархиального начальства. В 1833 году состоялись следующие важнейшие меры.

Имения, предназначенные на содержание Полоцкой семинарии и собора, отделены от имений архиерейских и переданы в ведение правления семинарии. Таким же образом имения, назначенные на содержание Литовской семинарии, вместо административной комиссии, сданы правлению той семинарии.

Отменено относительно униатов латинское право ктиторства, по которому предоставлялось помещикам представлять в своих имениях кандидата на открывающиеся вакансии приходских священников.

Как помещики почти без исключения были римско-католического исповедания, то это право было решительно неуместным при настоящем ходе униатского дела.

Дозволение базилианам, происходящим из латинян, возвращаться в латинство ограничено шестимесячным сроком, и тем ускорено по возможности очищение монашества от вредных элементов и предотвращено в оном колебание на будущее время.

Положено приступить к упразднению базилианских монастырей по постановлению коллегии, состоявшемуся в декабре 1827 года, и многие из сих монастырей действительно закрыты.

Учреждены уездные и приходские духовные училища при пяти монастырях и на их иждивении с обязанностью содержать от десяти до двадцати казеннокоштных учеников. К беднейшим из сих монастырей причисляемы были имения других упраздняемых монастырей.

Заседатель коллегии протоиерей Василий Лужинский командирован в Полоцк и после назначен председателем тамошней консистории.

Я сам по высочайшему повелению отправился (с июня по октябрь) для осмотра Литовской епархии и обеих семинарий с училищами. О действиях моих во время осмотра по учебной части нечего отметить особенного. Они все были обращены с настойчивостью к утверждению прежде данного направления. Что касается действий моих по Литовской епархии, то я нахожу лучшим изложить их впоследствии отдельно, дабы не произвести запутанности раздроблением и смешением с общими мерами.

Теперь только попались мне под руку несколько бумаг экстренного моего труда, относящиеся, кажется, к предыдущему времени. Чтобы не затерялись, прилагаю их при сем под № 47, 48, 49, 50 и 51. Эти бумаги есть:

1-ая. Пространная записка по поводу папских притязаний по римско-католическим делам в России, полученных через Министерство иностранных дел.

2-ая. Проект устава римско-католической Виленской академии.

3-ья. Замечания насчет учреждения сей академии. Здесь я сильно отсоветовывал учреждение этой академии, но Дмитрий Николаевич

сильнее еще желал угодить римским католикам и европеизму – и мне жалко было слышать его впоследствии хвалящимся, что император Австрийский благодарил нашего государя за учреждение этой академии.

4-ая. Записка насчет выбора заседателей в Римско-католическую коллегию. Эта заметка как-то случайно сохранилась у меня из числа множества бумаг, коими участвовал я в римско-католических делах.

5-ая. Замечания насчет упразднения римско-католических монастырей. Это маленький отрывок большого труда. Помню, сколько мне стоило усилий, чтобы склонить и убедить Дмитрия Николаевича к осуществлению сей важной меры. Он имел от нее крайнее отвращение. Слава Богу, воля государя была за этой мерой – и за один раз упразднено почти двести латинских монастырей.

Но возвратимся к ходу униатского дела. Главным результатом моей поездки 1833 года было личное удостоверение о новой важной компликации, угрожавшей этому делу. Местное православное духовенство, догадываясь о намерениях правительства относительно униатов, начало и само действовать частно к их обращению. Это начинание приняло большие и крутые размеры с учреждением в Полоцке в июне того года православной епархии и с назначением на оную епископа Смарагда. Впоследствии дали мне уразуметь, будто этому учреждению и назначению причиной был мой отказ поступить на Полоцкую кафедру. Не понимаю этого, да почему бы о том не сказать мне вовремя: я бы, разумеется, не отказывался. Но дело было уже неисправимо. Я видел вред от действий православного духовенства отдельно от принятых уже мер по униатскому делу. Пронеслась тревога между униатами, и меры эти должны были парализироваться. Сам успех православного духовенства должен был ограничиться обращением некоторой только части униатов, самых близких к Православию, остальные отпали бы окончательно и невозвратно в латинство.

Все это изложено мной в записке от 25 октября 1833 года, прилагаемой под № 52. Здесь я вновь настаивал на подчинении Греко-унитской коллегии Святейшему Синоду и представил проект высочайшего о сем указа, прилагаемый под № 53. Эту меру я счи-

тал возможной, как подчинение коллегии Сенату, как подчинение Святейшему Синоду комиссии духовных училищ, в которых участвовали и иноверцы. Эту меру считал я вполне достаточной для того, чтобы обеспечить верный ход униатского дела с обеих сторон, униатской и православной. Но Дмитрий Николаевич и теперь не согласился. Не знаю, имел ли он с кем совещание или решился сам собой; но причины, им приведенные, показались мне плодом боязливого характера.

Нужно было искать другого обеспечения. С одной стороны, предстояло оградить униатов против отпадения в латинство вследствие фанатических действий православного духовенства; с другой – нужно было обеспечить присоединение их к Православию принятыми уже мерами, если бы действия православного духовенства оказались не вполне успешными – в чем я был уверен. В том и другом случае полезно было обеспечить существование униатской иерархической власти; а между тем вскоре я должен был остаться один епископ сего ведомства при глубокой старости митрополита Булгака. Я присоветовал посвятить еще три униатских надежных епископа и рекомендовал для этого: председателя Белорусской консистории протоиерея Василия Лужинского, члена коллегии архимандрита Иосафата Жарского и ректора Литовской семинарии протоиерея Антония Зубко. Писанная мной о том докладная записка государю, от 16 ноября 1833 года, прилагается при сем под № 54. От всех трех сих духовных взяты мной письменные обязательства, что они во всякое время готовы присоединиться к Православной Церкви. Эти обязательства прописаны в конце моей записки, указанной выше под № 52. Жарского мне не хотелось рекомендовать; но меня порешила надежда, что возведение его подействует благодетельно на униатское монашество; другого содействия я от него не ожидал и не имел.

Таким образом, в 11 день декабря последовал высочайший указ о бытии викарными епископами Лужинскому, Жарскому и Зубке, первому – Белорусской, а двум последним – Литовской епархии. Посвящение их совершилось в январе месяце 1834 года в имевшейся уже тогда униатской домовой церкви. Посвящавшие были митрополит Булгак, я да латинский епископ Павловский.

Присутствием в Петербурге всех униатских епископов с их митрополитом воспользовался я для весьма важной меры. В 7 день февраля коллегия совместно со всеми епископами положила: вместо печатания особого служебника для униатских церквей принять для них служебник и книгу молебных пений, печатаемые в Московской синодальной типографии; заняться устройством иконостасов, утварей и священных облачений для правильного богослужения и отпустить на сей предмет по пяти тысяч рублей на каждую епархию для вспомоществования беднейшим церквам. Постановление сие приложено под № 55. Оно соответствовало совершенно потребности униатов, где простой народ не понимал догматической и иерархической разности, а дорожил внешностью. Устройство церквей – для народа, а принятие служебников – для духовенства долженствовало, как показали последствия, быть оселком сближения с Православной Церковью. А между тем постановление это не могло быть оспариваемо, так как основывалось на самих униатских постановлениях и высочайших указах.

Нужно еще знать, что я ничего не сказал предварительно Дмитрию Николаевичу о сем постановлении из опасения, что он на него не согласится. И действительно, он очень встревожился; мы были на совещании у митрополита Московского; он также вначале усомнился, но скоро понял мои доводы – и все прошло. Даже так устроилось, что Святейший Синод пожертвовал для униатских церквей по тысяче пятисот служебников и книги молебных пений. Кому придется проследить ход униатского дела, тот увидит, что мера была верна и что если было какое сопротивление, то это наружным формам и обрядам, а не самому воссоединению к Православию.

Засим последовали другие, не менее важные меры. Под № 56 прилагается здесь весьма интересная, писанная мной, всеподданнейшая докладная записка от 25 апреля 1834 года, о настоящем положении униатского дела и о дальнейших по оному предположениях. В числе этих предположений все-таки имелось в виду подчинение коллегии Святейшему Синоду, но прежде решено: учреждение *секретного комитета по униатским делам* и *подчинение униатских духовных училищ комиссии духовных училищ.* Таким образом связаны, хотя отча-

сти, дела униатские с делами Православной Церкви. Первая из сих мер состоялась в июне того же года, последняя ж только в декабре 1835 года. В обоих сих учреждениях был членом и я.

В 1834 году отправился я, тоже с высочайшего соизволения, для осмотра своей епархии и всех учебных униатских духовных заведений. Ни одна моя поездка не представляет такой деятельности, как эта. Я все хотел видеть, во всем хотел удостовериться. Объехал, кроме Белорусии, всю свою епархию, видел почти все свое духовенство, собранное на определенных местностях в назначенные сроки.

На моих глазах лежит теперь пять донесений, поступивших от меня в коллегию в июне, июле и августе, об осмотре обеих семинарий и духовных училищ. О других распоряжениях сказано будет после. Любопытны мои письма к Блудову во время путешествия, которые прилагаются при сем под № 57, 58 и 59. Кстати, прилагаю при сем найденные между моими бумагами: 1) записку касательно упразднения малоприходных церквей под № 60, 2) записку об улучшении положения Литовской консистории и ее председателя Тупальского под № 61, 3) заметки на статью, напечатанную в «Gazette de France», касательно православных служебников, введенных между униатами, под № 62 и 4) проект журнальной статьи по поводу философических писем, напечатанных в «Московском телескопе», против России и Церкви, под № 63. Эти письма привозил ко мне товарищ министра Строганов, и я после отвечал, что они не заслуживают лучшей критики, как эта статья.

После возвращения в Петербург я вновь подал 25 октября 1834 года записку, прилагаемую под № 64, о состоянии униатского ведомства. Изложить содержание записки значило бы выписать ее целиком. Лучше сослаться на подлинник да прибавить, что в конце записки прописаны объявления, данные мне десятью важнейшими лицами из униатского духовенства, что они готовы присоединиться к Православной Церкви.

После сведений, доставленных мной в сей последней записке и в письмах к Блудову из путешествия, униатское дело вновь оживилось. Вышеупомянутый *секретный комитет*, решенный волей государя в прошлом году, открыт наконец в 1835 году; о сем прилагается под

№ 65 и 66 новая докладная записка государю и проект высочайшего о том повеления. Для комитета составлены мной пространный обзор предыдущих действий по униатскому делу и записка о том Блудова, прилагаемые при сем под № 67 и 68. О действиях комитета у меня не оказалось других заметок, кроме прилагаемых под № 69 и 70, мной первоначально составленных, – записки Блудова с предначертанием действий после открытия комитета и наставления от Синода православным архиереям, как поступать относительно униатов, под заглавием «Мысли и советы…». От сего последнего ожидалось укрощение порывов православного духовенства к прозелитизму, весьма уже вредно действовавших.

Приложения, находящиеся при настоящих моих Записках, хотя составляют только небольшую часть личного моего труда, могут, однако ж, дать некоторое понятие о требовавшихся от меня усилиях. У Блудова я составлял и даже часто переписывал набело все важнейшие бумаги по униатской, а иногда и по латинской части. Директор Вигель решительно ничем не занимался, а его канцелярия скорее мне вредила, нежели помогала. Если к тому присоединить занятия по коллегии, почти исключительно на мне лежавшие, если прибавить епархиальные дела, по исключительному их положению требовавшие необыкновенной деятельности и сообразительности, то неудивительно, что я часто выбивался из сил, иногда приходил в уныние.

Это уныние было естественно. Сколько я ни трудился, дело в главных основаниях не продвигалось, а, напротив, временем и сторонними обстоятельствами запутывалось. Поляки и латиняне, пользуясь временем, начали всюду сеять ковы* и противодействие. Православное духовенство продолжало частные обращения униатов средствами вовсе неразборчивыми и поставило себя в отношении к ним как бы враждебным станом. Поставленные между сими враждебными силами униатские духовные начальства не могли действовать успешно, и меры, ими принимаемые, или не достигали своей цели, или даже обращались иногда во вред благого дела и в торжество для римлян.

---

* Ков – тайный злой умысел, коварное намерение. – *Прим. ред.*

Признаюсь, меня лично очень печалила и какая-то упорная нерасположенность православного духовенства западных епархий. Вражда и недоброжелательство со стороны римлян и поляков вовсе меня не удивляли – они были естественны. Но я ожидал более справедливости со стороны православных. Я посещал дружелюбно тамошних Преосвященных, был с ними откровенен насчет цели и средств, исполнял по возможности их желания – а между тем не у всех их заслужил расположение: иные хитрили и во зло употребляли мою доверенность, иные награждали меня обидными подозрениями, так что Преосвященный Смарагд явно говорил: «Семашко обманывает».

Между тем единственное средство прекратить эту путаницу и тревогу, именно подчинение униатов одной власти с православными, не состоялось. Подчинение Святейшему Синоду Греко-унитской коллегии, одобренное высочайше уже несколько лет, не приводилось в действо, несмотря на частые мои письменные и словесные настаивания. Блудов или не мог, или не хотел, а может быть, ему было неприятно выпустить это дело из своих рук. Переходные меры: секретный комитет для униатских дел и подчинение комиссии духовных училищ униатских учебных заведений – тоже мало действовали. В них была партия, предпочитавшая частные обращения униатов общему присоединению, – и поборник этой партии был, кажется, обер-прокурор Святейшего Синода Нечаев. Кажется, с ним был не в ладах и Блудов.

Вот положение, в котором находилось униатское дело к концу 1836 года. Остановка, шаткость, колебание в самых существенных основаниях, так что часто нельзя было сделать верного шага в делах управления. Это меня выводило из терпения, несмотря на благосклонность правительства, – в конце 1833 я удостоился ордена св. Анны I степени, а в начале 1836-го получил бриллиантовую панагию. Не ездил в 1835 и 1836 годах в епархию, находя это бесполезным, а наконец вновь решился присоединиться лично к Православной Церкви, чтобы избежать двусмысленного положения, для меня весьма тягостного, а для общего дела бесполезного. Прилагаемым при сем под № 71 письмом от 24 сентября 1836 года просил я митрополита Петербургского Серафима распорядиться самому или через

Святейший Синод о присоединении меня к Православной Церкви и для сего приложил просьбу Святейшему Синоду, выше уже упомянутую, с которой я был безуспешно в Синоде три года тому назад.

Не помню, последствием ли этого письма была смена обер-прокурора Нечаева, или это случилось прежде, но я уже вошел в сношения с графом Протасовым. Он потребовал именем государя сведения о причинах моей решимости – и я изложил их в записке от 8 октября, прилагаемой при сем под № 72. Записка имела полный успех. В ноябре составлена мной от имени Блудова прилагаемая при сем под № 73 всеподданнейшая докладная записка с проектом высочайшего указа о передаче униатских дел из Министерства внутренних дел в ведомство обер-прокурора Святейшего Синода – и с началом 1837 года эта важная мера совершилась; дружное действование со стороны православной и униатской обеспечилось одной властью, и я по-прежнему остался делателем по униатскому ведомству до близкой уже развязки дела благополучным исходом.

На этой новой эпохе нужно приостановиться с настоящими Записками до более свободного времени, чтобы посвятить себя обыкновенным делам моего сана, которые несколько отстали. Если Бог позволит, то возвращусь вновь к этим Запискам и приведу до конца в порядок имеющиеся у меня материалы, относящиеся к ходу униатского дела и к моему служению. Чувствую, что моим Запискам недостает многого. Но я имел в виду составить только канву для прилагаемых материалов, которые все представляют в надлежащем виде. Притом написать что получше мешает мне и недуг, полтора уже года меня удручающий: после упорной трехмесячной лихорадки оказалось общий упадок сил, до сих пор продолжающийся, да притом у меня ослабели глаза и открылось маленькое онемение в правой руке – я писал, думая о недальней кончине.

Но я довел ход униатского дела до 1837 года только в общих и главных чертах. За последние три года я почти не касался подробной деятельности. Быстрым очерком этой деятельности нужно восполнить картину. У меня лежит перед глазами один фолиант выписок из протоколов коллегии да три фолианта выписок из собственных моих протоколов за все управление Литовской епархией, то есть почти

за тридцать лет, – здесь заключается все, что поважнее. Не знаю, случится ли попасть в добрые руки этим материалам и займется ли кто дельной их разработкой. Пока они будут теперь для меня руководством в нижеследующем кратком обзоре действий по униатской части за четыре года, предшествовавшие 1837-му. Эти действия будут преимущественно относиться к Литовской епархии, так как действительно они только здесь развились в полной силе и часто даже были применяемы к епархии Белорусской по моим ли частным внушениям или по предписаниям коллегии. В сей последней епархии самостоятельная деятельность не могла развиться. Преобразования по униатской части были не по сердцу митрополиту Булгаку, а викарный его, Преосвященный Василий, был стесняем и начальником епархии, и фанатическими действиями тамошнего православного духовенства.

После поступления в мое управление Литовской епархии первой моей заботой было обеспечить епархиальное управление и семинарию надежными деятелями. Я долго не решался оставить при делах председателя консистории Тупальского по причине склонности его к злоупотреблениям. Но он более двадцати лет управлял епархией при митрополите Булгаке, имел огромный авторитет и навык к повиновению начальству. Я его оставил при месте, выпросил ему митру и обеспечение в тысячу рублей серебром годового содержания – и имел прекрасное навсегда орудие; злоупотреблять же он не мог, так как я сам занимался всеми делами; да притом я устранил вице-председателя, бывшего агентом его по части взяток, и сию последнюю должность заменил нынешним архиепископом Минским Михаилом. В семинарии я устранил инспектора и двух наставников и заменил совершенно надежными. Этого оказалось достаточно. Меня Бог наделил особенной зоркостью и проницательностью. Часто одним взглядом я отгадывал и характер, и расположение человека – и этот-то дар Божий был верным руководителем в моих действиях и в выборе людей. Помню, как раз удивился моей проницательности нынешний архиепископ Рижский Платон; он, еще архимандритом, представлял мне в Вильне своих иноков, которых я видел в первый раз, а между тем я определил ему верно характер и наклонности каждого.

При этой проницательности мне легко было знать свое духовенство. Но я не жалел и труда. Я собственноручно сделал извлечение из послужных списков всего духовенства – а в нем было 1 200 священников да 300 монашествующих. Таким образом, у меня была под рукой тетрадь, где в алфавитном порядке о каждом из духовных моей епархии значилось: имя и фамилия, лета от рождения, место служения, поведение, образование и особые качества. Такая ж тетрадь составлена мной собственноручно и о всех церквах Литовской епархии с означением: названия церкви, числа прихожан и их благосостояния, количества и качества священнической земли и расстояния соседних церквей своего и других исповеданий. Я сделал тоже собственноручно ведомость и римско-католическим церквам всех епархий с означением числа прихожан каждой из них. Этот кропотливый труд обогатил мою память да и доставил на будущее время необходимую справочную ведомость. Но я не довольствовался этими мертвыми сведениями. В 1833 году я видел некоторую часть епархии, но летом 1834-го я ее обозрел почти всю, хотя она состояла тогда в пяти губерниях. Я предписал духовенству собраться в назначенные сроки в восемнадцати определенных мной местностях. Таким образом, в течение двух месяцев я видел лично более восьмисот священников, беседовал с каждым из них, узнал и увидел многое, преподал, и не без успеха, нужные внушения и наставления. Стоит замечания, что я нигде не опоздал к назначенному сроку; но подобная правильность во всех действиях моей жизни была в моем характере – я не помню, чтобы меня ожидали когда в церкви к богослужению.

По таким материалам я мог уже верно действовать и распоряжаться. Но исполнение распоряжений своих обеспечил я тоже особым образом. Форма протокола для исходящих бумаг составлена мной самая простая. Вносились в него последовательно все мои письменные распоряжения и дела с означением только числа и номера. Этот протокол часто был мной просматриваем; неисполненные номера отмечались мной на особом листе, который находился у меня всегда под рукой, и по нему я делал частые напоминания и подтверждения, так что дела у меня не залеживались. Этих собственных моих протоколов наберется теперь до тридцати фолиантов.

Занимаясь постоянно делами более десяти лет в главном управлении, то есть в коллегии, я знал уже хорошо общее положение Литовской епархии и замечательнейших из ее духовенства. Теперь по собранным лично и письменно сведениям я мог наверно распоряжаться и в подробностях. Главной моей заботой было обеспечить приходы благомыслящими и достойными пастырями. В первом отношении это была почва почти нетронутая, но и во втором предстоял труд немалый. Я не раз говорил: «Если бы не было грешно, то я просил бы у Господа, дабы принял от меня по крайней мере сотню пьяниц священников». Для устранения неблагонадежных и недостойных священников самым лучшим средством оказалось закрытие малолюдных приходов, разрешенное высочайше, как я упомянул выше. В течение четырех или пяти лет из восьмисот приходов в епархии закрыто и причислено мной к соседним более ста тридцати приходов; так что удалось большую часть ненадежных или недостойных священников оставить без действия заштатными при церквах приписных, а достойным предоставить и больше деятельности, и больше выгод.

Таким же образом поступал я с благочинными. Ненадежных оставлял без дела, а их церкви присоединял к другим благочиниям. Когда впоследствии Бог наделил меня обильно добрыми духовными, я вновь образовал мелкие благочиния, чтобы многими делателями обеспечить многое делание.

Сделать благоразумный разбор между монашествующими помогло мне также упразднение монастырей. Но я воспользовался и другим обстоятельством. Монастыри базилианские Киевской, Подольской и Волынской губерний, называемые русскими, сохранили лучше и монашескую дисциплину, и чин богослужения славянского, нежели монастыри литовские, наполненные по большей части латинами. Между первыми и последними монастырями существовало исстари какое-то взаимное нерасположение. Потому довольно было перевести инока из одного в другой монастырь, чтобы сделать его безвредным. Притом же в русских базилианах я имел надежных руководителей к обучению прочего духовенства в правильном богослужении.

Обучение правильному богослужению было настоящим оселком для испытания благонадежности духовенства. Жировицкий кафедральный собор с самого начала обеспечен надежным священством. При нем состояло также для богослужения десять избранных иноков. Здесь-то в течение шести лет перебывало почти все духовенство Литовской епархии. Каждый священник, в каком-нибудь отношении сомнительный, вызывался сюда поочередно для обучения правильному богослужению и здесь в здравой среде при благонамеренных наставлениях и примерах получал совершенно другое направление. Монашествующие для сей же цели помещаемы были временно при соборе в число означенных выше десяти иноков.

Каждый поймет, сколько здесь нужно было упорного, внимательного труда. Но зато через шесть лет духовенство и паства Литовской епархии были готовы к воссоединению с Православной Церковью, тогда как епархия Белорусская, издавна лучше к сему приготовленная, едва ли не сделала обратного шага.

Изучение богослужения было как бы средством удостовериться в благонадежности духовенства, но настоящим для сего оселком было устройство церквей и принятие служебников московской печати.

Из восьмисот церквей Литовской епархии только восемьдесят были с иконостасами, остальные имели вид латинских костелов. Преобразование их в православные церкви было и тягостно, и неприятно как для священства, так и для народа. А между тем мера эта была необходима: без нее не могло совершаться правильное богослужение, да она же указана высочайшей властью. Благодаря Господа, эта самая решительная мера относительно народа прошла благополучно. Сопротивление оказалось в весьма немногих местностях, и оно поборено самой духовной властью. Закрыл временно несколько церквей; остальное сделано самими священниками, опасавшимися ответственности. В несколько лет все церкви епархии снабжены иконостасами. Разумеется, это устройство было неблагообразно, иногда даже безобразно: иконостасы как-нибудь сколочены на первый раз из прежних образов и церковных украшений – но главное сделано; а с того времени церкви одеваются постепенно в большее и большее благолепие.

Более для меня было хлопотливо принятие духовенством служебников московской печати. Хотя в постановлении коллегии и сказано, что они преподаются для порядка богослужения, но нельзя было отрицать и догматического здесь элемента. Таким образом, много было протестов и единичных, и в виде просьб за подписью многих священников. Слава Богу, что большая часть из них боялись только учиться сызнова богослужению; с такими скоро покончено – они вызывались поочередно в Жировицы и, с обучением правильному богослужению, перестали пугаться и служебников. Слава Богу также, что после принятия служебников случился мой объезд епархии 1834 года, где я видел лично более восьмисот священников и весьма многое направил или предупредил. Вот хотя два из тогдашних случаев.

Первый был в Новогрудке. Прибыв в церковь, где по моему распоряжению собралось более шестидесяти священников, я с первого взгляда заметил какой-то умысел. Благочинный подносит мне просьбу от всего духовенства, я ее принимаю со словом: «Прочитаю после». Между тем обращаюсь к духовенству, что я прибыл узнать, каково у них служение, а прежде всего попробую, как они читают. Даю Псалтирь тому, другому, даю Евангелие тому, другому; читают плохо, из рук вон. Тут я всем высказал горькие истины, а наконец прибавил: «Не думаю, чтобы поданная просьба заключала что умное, когда ее писали не знающие даже читать». Возвратившись на квартиру, я увидел, что догадка моя была справедлива: просьба была об увольнении от служебников. Зову к себе благочинного, даю ему строгий выговор и предваряю, что будет отрешен и пойдет в монастырь, если через три дня не привезет мне письменного отречения шестидесяти подписавшихся на просьбе священников. В назначенный срок привезена мне от них новая просьба, в которой торжественно отрекаются от прежней, обвиняя в умысле и подстрекательстве шестерых зачинщиков. Тем дело и кончилось.

Другой случай был еще более комичен. В Клецке собралось тоже по назначению более сорока священников. Входя в церковь, я заметил что-то преднамеренное. Подходит ко мне принявший на себя роль исповедника здоровый краснощекий священник и с лицемер-

ным смирением начинает: «Может быть, уже близка моя смерть…» «Что?.. – прервал я его. – Разве от апоплексического удара…» Тут разразился неудержимый хохот духовенства, возбужденный, вероятно, известным характером исповедника... «Дайте Евангелие… – продолжал я. – Как-то читает этот опасно больной?..» Оказалось неумение, которое разделяли и многие другие, так что все кончилось одним стыдом затейников – и заготовленной просьбы даже не осмелились показать из кармана.

Подобная демонстрация духовенства была еще на двух или трех собраниях; но она не принесла никакого вреда, напротив, обратилась на пользу дела. Я всюду представлял зачинщиков действующими по интриге, а не по религиозному убеждению – и они сами помогли убедить всех в истине слов моих. Дюжина этих зачинщиков назначены были мной на епитимию, как интриганы. Девять из них, в том числе клецкий исповедник, отправились тогда же в Минск к Преосвященному Евгению, присоединились к Православию и вышли в светское звание. С того времени подстрекатели лишились между духовенством всякого кредита – и я в дальнейших распоряжениях моих не находил уже почти никакого сопротивления. Дела здесь пошли так успешно, что воссоединение униатов могло бы совершиться тремя годами ранее, если бы епархия Белорусская более была подготовлена и правительство было решительнее.

Таким образом оправдалась принятая первоначально система: приготовить прежде униатов наружными, так сказать, преобразованиями, а после уже приступить к религиозному воссоединению. Возможное сопротивление притупилось безвредно на первом, так что последнее совершилось по Литовской епархии почти беспрепятственно.

А сколько заботы и трудов стоил этот успех! О том судить может верно разве тот, кто просмотрит все распоряжения того времени в моих протоколах и в делах консисторских. Да недовольно и официальной переписки – может быть, интереснее и полезнее была переписка моя конфиденциальная с доверенными духовными, особенно с викариями моими, прежде Антонием, а после Михаилом. Здесь я, в отсутствие из епархии, исписывал к ним на скорую руку целые листы

наставлений и указаний по разнороднейшим текущим делам и обстоятельствам. Получавшие эту корреспонденцию обязаны были мной ее уничтожать и, вероятно, ее не осталось следов – разве у Преосвященного Михаила, как мне показалось впоследствии. Нужно еще знать, что все черновые, а весьма многие и набело, писал я собственной рукой – этого требовала сама сущность дела, – и не напрасно у меня теперь открылось дрожание трех пальцев, которыми держится перо: лекарь приписывает это ослабление усиленной работе.

Благодарение Богу, что труд был ненапрасен! Господь, избравший орудие для совершения благого дела, одушевил его непреоборимой ревностью и дал ему силы побороть все препятствия. Здесь нелишним будет сказать несколько слов о некоторых качествах, которыми наделил Господь это орудие; сказание это неизлишне для уразумения самого успеха дела.

Закаленный с детства, я всю жизнь почти не подвергался болезням. Это способствовало и напряженному труду, и усиленной беспрерывной деятельности. С шестидесяти только лет силы у меня заметно ослабели.

Я был довольно благовидной наружности и мягок в обращении, особенно с низшими; но с провинившимися я был весьма энергичен в выговорах, обыкновенно весьма метких, так что меня и любили, и боялись. Эти меткие и энергичные выговоры весьма важное производили впечатление на виновных и на их исправление; и я, благодарение Богу, имел менее нужды прибегать к более строгим взысканиям. С душевным удовольствием могу похвалиться, что при необыкновенном положении Литовской епархии в ней было менее пострадавших, чем в иных епархиях, бывших в нормальном положении. С высшими я был неискателен, а особенно неуступчив, где дело требовало, – и потому меня иные считали гордым; правда, что этому могла способствовать и непривычка к смиренным манерам православного духовенства. Я был также мастер на шутки, насмешки, даже до сарказмов, – ими я много успевал там, где бесполезно было употреблять власть или убеждение.

Кажется, сказано уже выше, что я в жизнь мою не брал взяток. Это меня охранило от влияния богатой иноверной польской касты в

западных губерниях. Я не любил никаких подарочков, и они скорее вредили, а не помогали искателям. На меня не действовала лесть, ни другие увлечения, и вообще мало есть людей, которые были бы менее меня требовательны для себя от других. Вскоре убедились, что самое верное средство выслужиться мне и понравиться есть исполнять свои обязанности, – и, разумеется, дела пошли успешно.

Справедливость была во мне как бы врожденна. Я старался быть справедливым и к чужим, и к своим. От этого первые, хотя меня и не любили, бывали обезоружены, вторые ж видели бесполезными всякие происки. Я чужд был барской замашки делать милости коленопреклоненным по одному владычнему усмотрению. Мерилом этих милостей были у меня правда, несчастье или существенная потребность; но оно сопровождалось всегда справедливостью и уважением к заслугам. Этой разборчивости обязан я доверенностью ко мне духовенства. За малыми исключениями к местам я назначал по собственному усмотрению, а не по просьбам; а между тем редкие выпрашивались – обыкновенно были уверены или в справедливости, или в необходимости, и в сем последнем случае надеялись воздаяния. Эта справедливость избавляла меня и от жалоб. Меня уверяли, что ни на одно епархиальное начальство не поступало менее жалоб, как на Литовское, находившееся в столь трудном положении. Правда, в первые годы моего служения начали было поступать доносы из темных источников, по жандармской части; но довольно было два-три раза выказать эти доносы в настоящем виде, безобразном и невероятном до смешного, обнаружить явную близорукость или недобросовестность доносивших – и я навсегда избавился от переписки по этой части.

Уже довольно было говорено о моей настойчивости. Разумеется, она происходит от твердости характера. Но в этом характере было и упрямство, и податливость, было и хладнокровие, и восприимчивость. Когда у меня зарождалась мысль или намерение, я его обдумывал с самой мучительной заботливостью, долго, во всех возможных отношениях; то шел мыслью вперед, то обращался вспять; но когда уже на что решался, я исполнял предпринятое неуклонно, хладнокровно. Я был хладнокровен и к кривым толкам, и к осуждениям.

Правда, что во мне всегда болезненно отзывалась несправедливость русских православных; но к другим я был совершенно равнодушен, находя это необходимым по самой природе вещей. Вначале бросились было на меня с безыменными и ругательными письмами. Но я не обращал на них никакого внимания. «Когда на меня собаки лают, – говаривал я иногда, – я не обращаю на них внимания, и они сейчас отстают»; так случилось после двух-трех лет и с безыменными ругательными письмами: их я более не получал. Впрочем, я полагаю, что и мои недоброжелатели убедились со временем в добросовестности моих действий и убеждений, – а добросовестность ценится каждым, кто только не ослеплен бессмысленным фанатизмом.

Хладнокровие и твердость относительно собственной безопасности доходили во мне до совершенной беззаботности и невнимательности. Мне не раз случалось слышать удивление, что я решался на разъезды; а между тем меня никогда не смущали ни боязнь, ни опасения. Я разъезжал всюду, являлся всюду и между всеми без всяких предосторожностей, без всяких сомнительных мыслей. При известных политических обстоятельствах были предостережения, что русских в Вильне перережут во время праздничного богослужения, – я и не подумал отменить оное. При посвящении мной в Вильне кафедрального собора был донос, будто под него подложен порох; нельзя было увериться в противном за накоплением в подвалах огромного количества мусора; на жандармском генерале и некоторых других, знавших о доносе, при входе в церковь лица было не видно – я же был совершенно хладнокровен и совершил богослужение, как бы ни о чем не знал. Достойно замечания, что при всем недоброжелательстве ко мне местных иноверцев я в течение тридцати лет не испытал от них никакого личного оскорбления. Бог, видимо, хранил меня; но и я поступал в отношении иноверцев безобидно, справедливо – стоял только твердо за свое. Мою как бы беззаботную твердость иные называли фатализмом; а между тем она происходила от глубокого убеждения в правоте дела, от всецелого посвящения себя довершению оного, от твердого упования на помощь Всевышнего, от полной преданности воле Провидения. Когда мне случалось слышать намеки о возможной опасности моей жизни: «Боже мой, – говорил я

не раз, – неужели вы не понимаете, что запечатлеть кровью доброе, святое дело было бы для меня самым большим счастьем!»

Еще достойно замечания, что во всю жизнь я не употреблял шпионства и не нуждался в нем. Я его считал всегда и безнравственным, и бесполезным. Зато начальствующие подо мной обязаны были все знать по своей части и обо всем нужном мне доносить. При хорошем выборе начальствующих и при врожденной мне зоркости я всегда имел необходимые сведения и верный взгляд на дела.

Но довольно на этот раз говорить о себе. Если Бог мне позволит продолжать настоящие Записки, то с очертанием дальнейшего хода униатского дела еще лучше обозначится мой личный характер. Теперь нужно поспешить восполнением настоящей второй части Записок. Приведу хотя некоторые более заметные отдельные действия, с 1833 по 1837 год, следя бегло по моим и коллежским протоколам за сие время.

1833 год

С началом управления моего Литовской епархией я воспретил употребление органов в кафедральном Жировицком соборе и для первого раза испросил разрешение коллегии на продажу оных. Как продажа скоро не случилась, то я велел их разобрать и продать уже впоследствии. Таким же образом упразднены по моему распоряжению органы и во всех прочих церквах епархии; чтобы скорее покончить делом, я приказывал их всюду разбирать, если не оказывалось сейчас покупщиков. В 1836 году органов уже не было.

Тогда же упразднил я и бывшую при соборе инструментальную музыку и музыкантов распустил, за исключением тех, которые годились в певчий хор.

Вместо того заведено в Жировицах при семинарии дьячковское училище для образования к церквам хороших дьячков. Между тем усилено мной обучение в семинарии церковному пению, так что вскоре богослужение могло совершаться правильно по чину Восточной Церкви.

Тогда же закрыто мной училище для ставленников. В нем приготовлялись как-нибудь к посвящению во священство образовавшиеся

прежде в других училищах или даже без всякого училищного образования. Это училище было уже излишним, как скоро семинария начала доставлять для священства хороших кандидатов.

Ставленные грамоты выдавались моим предместником по образцу латинских на польском или латинском языках. Без отлагательства я заменил их грамотами на славянском языке по образцу употребляемых православным духовенством, только без упоминания о Святейшем Синоде. Сии грамоты напечатаны на мой счет и доныне на мой же счет приобретаются, хотя в иных епархиях это составляет важный доход архиерейского дома. Впрочем, у меня не было никогда и доныне никаких поборов для архиерея или для его канцелярии. Вместе с новыми ставленными грамотами заведено мной принимать от рукополагаемых присягу не папе, как было прежде, но государю.

Дела по консистории и переписка с подчиненными властями производились до меня на польском языке. Я с самого начала давал предложения консистории и предписания подчиненному духовенству на русском языке. На сем языке постепенно получались мной и ответы, лучше даже, как я мог ожидать; и через несколько лет эта важная мера принята всеми без особого предписания. Таким образом, вводились мной и многие другие меры без официальных настояний, а только косвенными внушениями, примером и силой личного нравственного влияния.

В сем же году испрошены мной 5 000 рублей ассигн. на устройство в Жировицах семинарских зданий и обращение викариатской, после епископа Яворовского, суммы 2 000 талеров на ежегодное улучшение содержания Литовской консистории и ее председателя.

После польского мятежа состоялось правительственное распоряжение, чтобы на все священнические места и чиноначалия по римско-католическому ведомству представляемо было на утверждение генерал-губернатора по два кандидата. Это распоряжение распространено после на униатов, и я его уже нашел при поступлении на Литовскую епархию. Оно было по административной части для меня только стеснительно, но оказалось решительно вредным по влиянию гражданского чиноначалия, вообще приверженного латино-польской партии. Я сделал несколько небеззатруднительных попыток, а после

решился замещать священнические и другие вакансии временными администраторами, то есть исправляющими должность, без сношения с генерал-губернатором. Эта полумера была для меня весьма полезна. Всех священнослужителей сомнительных мог я оставлять в выжидательном положении, пока не удостоверялся в благонадежности администратора или не заменял его другим. Так мне Бог помогал часто и неблагоприятные обстоятельства обращать на пользу дела.

В сем же году я распорядился, чтобы в Литовской семинарии обучалось шесть молодых базилиан для направления и монашества по одному пути.

Не будет излишним приложить при сем под № 74 донесение мое коллегии от 28 июля, о состоянии Белорусской и Литовской семинарий. О прочем ссылаюсь на мои протоколы.

1834 год

В этот год, самый деятельный в моей жизни, важнейшей моей заботой было введение служебников московской печати и устройство по церквам иконостасов. О служебниках сказано уже довольно. Об иконостасах велась огромная переписка. Мне теперь попались на глаза пропасть тогдашних моих распоряжений и отношений к гражданским властям. Для указания характера этой переписки прилагаю при сем под № 75 донесение мое по этому предмету к министру Блудову от 24 декабря. Самое лучшее содействие как в сем, так и в других отношениях оказал мне гродненский губернатор М. Н. Муравьев, ныне министр государственных имуществ.

В сем же году начата мной другая операция, которую объясняет приложенное при сем под № 76 донесение мое коллегии от 14 марта. Священную утварь по образцам и потребностям латинским, бывшую в кафедральном Жировицком соборе, препроводил я на Петербургский монетный двор и на вырученные по оценке деньги приобрел утварь, свойственную Православной Церкви и православному богослужению. Таким образом три или четыре года поступал я и в отношении всех церквей епархии, так что, с одной стороны, народ забывал свойственное латинству, а с другой – привыкал к православ-

ному. В иное время этой одной операции было бы достаточно, чтобы поглотить экстренную деятельность епархиального начальства. Она же дала некоторые материальные средства для необходимого преобразования церквей, и средства сии, вместе с отпущенными тогда на епархию 5 000 рублей ассиг., дали возможность удовлетворить первым потребностям в сем отношении.

В тот же год распоряжением от 5 мая, прилагаемым под № 77, учредил я в Жировицах комитет из шести надежнейших духовных сановников, названных экзаменаторами. К их обязанности относилось испытывать всех вызываемых для сего священников, а также готовящихся к священству в познаниях, относящихся к правильному восточному богослужению. Впоследствии этому ж комитету поручено также испытание в сем отношении причетников. Комитет сей принес всю ожидавшуюся от него пользу. Сюда можно отнести и распоряжения мои от 16 апреля и 22 августа, об образовании и пристроении к местам священно- и церковнослужительских детей, прилагаемые под № 78 и 79.

В сем же году отменен мной по Литовской епархии сбор на святое миро, бывший поводом разных злоупотреблений.

Нелишним будет приложить здесь: 1-е) под № 80 распоряжение мое от 4 мая, об устройстве церквей и наблюдении греко-восточного богослужения; 2-е) под № 81 донесение мое в коллегию от 2 июня, о состоянии Белорусской семинарии; 3-е) под № 82 таковое ж донесение от 26 июня о Литовской семинарии. В том же году было от меня еще пять подобных донесений об осмотренных мной духовных училищах, учрежденных при монастырях.

1835 год

В сем, как и в последующем, году продолжалось устройство церквей, обучение духовенства богослужению и борьба с помещиками и латинским духовенством, а иногда и с православным. Переписка велась огромная с разнородными ведомствами.

В этом и в наступающем году я не отлучался из Петербурга в епархию. Вместо того поручал осмотр церквей и монастырей обоим

викариям моим и другим важнейшим и влиятельнейшим, но благонадежным духовным. Осмотр этот принес непосредственную пользу самой усердной распорядительностью ревизоров; но еще важнее, что донесения их были поводом разнообразнейших распоряжений моих как по частным, так и по общим делам епархиального устройства.

К октябрю месяцу сего года устроены уже иконостасы в 226 церквах Литовской епархии, а к ноябрю наступающего года было их уже 509. Этому успеху способствовал и отпуск с высочайшего соизволения по 300 рублей на каждую церковь в казенных имениях.

Малоприходных церквей Литовской епархии упразднено в сем году 29, а в наступающем – 83.

Вместе с иконостасами устраивались и престолы по чину Восточной Церкви, вместо бывших у стен по латинскому обыкновению. Упразднялись также латинские исповедальницы и амвоны. Выводились из употребления маленькие колокольчики, которыми звонили кстати и некстати во время обедни по подражанию латинам.

В сем году восстановлен мной чин Восточной Церкви: посвящать в протоиереи, а также в стихарь, равно награждать набедренниками.

Снабжались церкви правильными крестами, дароносицами и другой утварью, а также Апостолами и Евангелиями. Прежние священные облачения, изменившиеся уже по большей части в латинские, переделывались по образцу православных.

Неизлишним будет приложить здесь хотя два бывшие в сем году донесения в коллегию: первое под № 83 от 7 октября, о мерах, принятых к образованию церковнослужителей; второе под № 84 от 9 того ж октября, о мерах, принятых для восстановления по церквам правильного богослужения по греко-восточному обряду.

1836 год

После сказанного выше останется на сей год едва несколько заметок.

В сем году введено мной по Литовской епархии ведение метрических книг на языке русском вместо польского.

В сем же году сгорел случайно в Жировицах в марте месяце деревянный дом, в котором помещалась Литовская консистория, и с ним истреблена большая половина дел. От сего возникли большие затруднения, но в некоторых отношениях я мог действовать свободнее.

В конце июля поручил я викарию своему, Преосвященному Антонию, принять участие под главным моим распоряжением в управлении епархией и семинарией. Эта мера обеспечивала правильное течение епархиальных дел на случай преднамеренного тогда мной личного присоединения к Православной Церкви.

Нелишним будет приложить при сем под № 85 и 86 донесение мое в коллегию от 25 и предложение в консисторию от 27 ноября, об упразднении по церквам амвонов и боковых престолов.

Тоже нелишним будет приложенное под № 87 ответное отношение мое к генерал-лейтенанту Головину от 28 июня, о распорядительных мерах при введении по церквам Литовской епархии служебника московской печати. Это факт, указывающий на бывшее в Царстве Польском намерение действовать на тамошних униатов, как в империи. Только не понимали цели и духа распоряжений, а потому не вышло ни успеха, ни пользы. Я несколько раз хотел просить о введении польских униатов в круг общего униатского дела, тем более что ко мне отзывалось несколько тамошних духовных; но боялся, и не напрасно, затруднений со стороны польского правительства – и сами бы ничего не сделали, и наверно нам бы помешали. Впоследствии князь-наместник Паскевич, посетивший меня лично, сказал, что польских униатов можно будет присоединить, когда возникнет война с Францией. Но вот до сих пор ничего не состоялось; а между тем вместо четырехсот тысяч униатов, считавшихся в Царстве Польском в 1820 году, ныне показывается только двести сорок тысяч. Дай Бог, чтобы и этот небольшой остаток древних галицких православных не был вскоре поглощен латинством.

Но пора остановиться. Материалов, которые у меня под рукой, не исчерпать, хотя бы я решился писать и втрое долее. Чувствую, что этой части Записок многого недостает; но для слабого тела, для слабых глаз, для слабой руки и того довольно. Дай Бог еще хотя не-

сколько сил и досуга, дабы продолжать эти Записки и не дать погибнуть фактам, ко многим из которых ключ находится у одного меня.

Прилагаются еще оказавшиеся у меня четыре документа, принадлежащие к сей части Записок: под № 88 копия указа Правительствующего сената от 10 ноября 1832, о назначении меня членом Греко-унитской коллегии, под № 89 копия указа коллегии от 19 мая 1833, о производстве мне содержания по случаю назначения Литовским епархиальным епископом, под № 90 отношение министра Блудова от 29 мая 1835, об учреждении комитета по униатским делам и о присутствовании мне в оном, и под № 91 отношение министра Блудова от 22 декабря 1835, о подчинении греко-унитских училищ комиссии духовных училищ и о присутствовании мне в оной.

Опись документов, приложенных при второй части Записок Иосифа, митрополита Литовского

№ 1. Определение, состоявшееся в Римско-католической духовной коллегии во 2-м департаменте 1827 года в декабре, об упразднении излишних базилианских монастырей и обращении достояния их на многоразличные потребности Униатской Церкви.

№ 2. Записка о требующихся издержках по учреждаемым двум униатским епархиям.

№ 3. Записка от 20 июня 1828 года, о базилианских монастырях, обращаемых в приходские белого духовенства церкви.

№ 4. Черновая с проектом распоряжений к исполнению высочайшего указа о новом устройстве Греко-Унитской Церкви.

№ 5. Черновая по тому ж предмету.

№ 6. Замечания по поступившему из коллегии представлению об уничтожении излишних базилианских монастырей.

№ 7. Черновая насчет нового устройства униатских епархий.

№ 8. Черновая с замечаниями к поступившему из коллегии мнению об упразднении излишних базилианских монастырей.

№ 9. Черновая от 18 января 1828, по предмету нового устройства Греко-Униатской Церкви.

№ 10. Черновая о распоряжениях к исполнению высочайшего указа, касательно учреждения двух униатских епархий.

№ 11. Печатный экземпляр сенатского указа от 8 мая 1828, по именному указу, об учреждении Греко-унитской духовной коллегии.

№ 12. Копия постановления Греко-унитской коллегии от 31 октября 1828, по высочайшему указу, о порядке выбора членов в греко-унитские консистории.

№ 13. Копия постановления Греко-унитской коллегии от 7 ноября 1828, с проектом инструкции для провинциалов базилианских монастырей.

№ 14. Копия постановления Греко-унитской коллегии от 28 августа 1828, о дозволении переходить в римский обряд происходящим из оного монахам базилианского ордена.

№ 15. Печатный экземпляр сенатского указа от 27 августа 1828, о десятинном сборе для греко-униатского духовенства.

№ 16. Выписка из письма отца Его Высокопреосвященства от 16 ноября, о неприятностях, переносимых им от латинян.

№ 17. Черновая записка о церкви, принадлежавшей в Риме монахам-базилианам во имя св. Сергия и Вакха.

№ 18. Записка от 6 апреля 1829, с опровержением притязаний, полученных правительством от Римского двора, по поводу новых распоряжений относительно униатов.

№ 19. Записка от 24 ноября 1827, о тайне исповеди в Римской Церкви.

№ 20. Записка, с тремя приложениями, о власти римских епископов и их обязанностях к папе.

№ 21. Записка о римском катехизисе, приготовлявшемся к изданию.

№ 22. Черновая записка об издании в польском переводе сочинения митрополита Филарета «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Греко-Росс. Восточ. Церкви».

№ 23. Промемория о бывшей 11 августа 1829 года у государя императора аудиенции.

№ 24. Послужной список Иосифа, митрополита Литовского, составленный в марте 1861 года.

№ 25. Отношение Д. Н. Блудова от 3 мая 1829, о пожаловании 1 000 руб. сер. на первоначальное обзаведение.

№ 26. Отношение Д. Дашкова от 20 мая 1829, о производстве жалованья по 1 000 руб. серебром.

№ 27. Копия отношения А. Шишкова от 17 декабря 1827, о награждении наперсным бриллиантовым крестом и пожаловании столовых.

№ 28. Отношение Д. Н. Блудова от 5 декабря 1829, о пожаловании полного архиерейского облачения.

№ 29. Отношение Д. Н. Блудова от 18 декабря 1829, с препровождением епитрахили к архиерейскому облачению.

№ 30. Отношение Д. Н. Блудова от 24 января 1830, с препровождением митры и посоха.

№ 31. Черновое отношение к Блудову от 30 сентября 1830, об осмотре греко-унитских семинарий и духовных училищ.

№ 32. Указ Греко-унитской коллегии от 9 июля 1830, о наблюдении в униатских монастырях восточного чина.

№ 33. Печатное пастырское послание митрополита Булгака от 16 декабря 1830, по случаю польского мятежа.

№ 34. Печатное пастырское послание Самогитского епископа Гедройця от 5 апреля 1831, по случаю того ж мятежа.

№ 35, 36. Два проекта послания митрополита Булгака, по случаю того ж мятежа.

№ 37. Проект послания епископа Гедройця, по случаю того ж мятежа.

№ 38. Черновая записка, о двух проектах послания митрополита Булгака, по случаю того ж мятежа.

№ 39. Черновое отношение к министру Блудову от 17 февраля 1832, об увольнении к должности в епархию.

№ 40. Записка от 26 июля 1832, о ходе униатского дела.

№ 41. Черновая записка от 15 октября 1832, о разных мерах, которые следовало бы принять по униатскому делу.

№ 42. Проект высочайшего указа о подчинении коллегии Святейшему Синоду.

№ 43. Список с постановления коллегии от 1 марта 1833, по донесению провинциала Жарского, об осмотре им базилианских монастырей.

№ 44. Копия прошения в Св. Синод от 15 мая 1833, о желании присоединиться лично к Православию.

№ 45. Копия донесения в коллегию, о том же.

№ 46. Копия донесения министру Блудову от 15 мая 1833, о том же.

№ 47. Записка от 1 сентября 1832 по поводу папских притязаний относительно римско-католических дел в России.

№ 48. Проект устава Виленской римско-католической духовной академии.

№ 49. Замечания насчет учреждения той академии.

№ 50. Записка от 4 декабря 1841, насчет выбора заседателей в Римско-католическую коллегию.

№ 51. Отрывок из замечаний насчет упразднения римско-католических монастырей.

№ 52. Записка от 25 октября 1833, о ходе униатского дела и о частном присоединении униатов православным духовенством.

№ 53. Проект высочайшего указа о подчинении Греко-унитской коллегии Святейшему Синоду.

№ 54. Докладная записка от 16 ноября 1833, о возведении в епископы Лужинского, Жарского и Зубки.

№ 55. Список с постановления коллегии от 7 февраля 1834, о принятии для униатских церквей служебника и книги молебных пений, печатаемых в Московской синодальной типографии, и об устройстве иконостасов, утварей и священных облачений.

№ 56. Докладная записка от 25 апреля 1834, о положении униатского дела и о дальнейших по оному предположениях.

№ 57, 58, 59. Черновые письма к министру Блудову, посланные из путешествия по епархии в мае, июне и августе 1834 года.

№ 60. Записка от 14 ноября 1833, касательно упразднения малоприходных церквей.

№ 61. Записка от 15 ноября 1833, об улучшении положения Литовской консистории и ее председателя Тупальского.

№ 62. Заметка на статью, напечатанную в «Gazette de France», касательно православных служебников, введенных между униатами.

№ 63. Проект журнальной статьи по поводу философических писем, напечатанных в «Московском телескопе», против России и Церкви.

№ 64. Записка от 25 октября 1834, о состоянии униатского ведомства.

№ 65. Докладная записка, составленная в мае 1835, об учреждении комитета по униатским делам.

№ 66. Проект высочайшего о том повеления.

№ 67. Записка, составленная в июне 1835 года, с обзором предыдущих действий по униатскому делу.

№ 68. Черновая записка, составленная в июне 1835, от имени Блудова, по тому ж предмету.

№ 69. Записка, составленная 20 февраля от имени Блудова, с предначертанием действий после открытия комитета по униатским делам.

№ 70. Записка «Мысли и советы для православных архиереев, которых паствы сопредельны с разномыслящими в вере и уклонившимися от Православия».

№ 71. Копия письма к Серафиму, митрополиту С.-Петербургскому, от 24 сентября 1836, о личном присоединении к Православию.

№ 72. Черновая записка от 8 октября 1836, о причинах решимости присоединиться лично к православию.

№ 73. Черновая докладная записка, составленная в ноябре 1836, от имени Блудова, с проектом высочайшего указа, о передаче униатских дел из Министерства внутренних дел в ведомство обер-прокурора Св. Синода.

№ 74. Копия донесения в коллегию от 28 июля 1833 за № 65, о состоянии Белорусской и Литовской семинарий.

№ 75. Копия с донесения министру Блудову от 24 декабря 1834 за № 750, о сделанном распоряжении к устройству по церквам иконостасов.

№ 76. Копия с донесения в коллегию от 14 марта 1834 за № 94, о приобретении для Жировицкого кафедрального собора церковной утвари на деньги, вырученные от продажи излишнего для него старого церковного серебра и проч.

№ 77. Копия с предложения викарному епископу Антонию от 5 мая 1834 за № 169, об учреждении в Жировицах комитета для испытания священно- и церковнослужителей.

№ 78. Копия с предложения в Литовскую консисторию от 16 апреля 1834 за № 148, об образовании и пристроении к местам священно- и церковнослужительских детей.

№ 79. Копия с предложения правлению Литовской семинарии от 22 августа 1834 за № 396, об учреждении при семинарии дьячковского училища.

№ 80. Копия с предложения в Литовскую консисторию от 4 мая 1834 за № 165, об устройстве церквей и наблюдении греко-восточного богослужения.

№ 81. Копия с донесения в коллегию от 2 июня 1834 за № 223, о состоянии Белорусской семинарии.

№ 82. Копия с донесения в коллегию от 26 июня 1834 за № 255, о состоянии Литовской семинарии.

№ 83. Копия с донесения в коллегию от 7 октября 1835 за № 670, о мерах, принятых к образованию церковнослужителей.

№ 84. Копия с донесения в коллегию от 9 октября 1835 за № 678, о мерах, принятых для восстановления по церквам правильного богослужения по греко-восточному обряду.

№ 85. Копия с донесения в коллегию от 25 ноября 1836 за № 991, об упразднении по церквам амвонов.

№ 86. Копия с предложения в Литовскую консисторию от 27 ноября 1836 за № 997, об упразднении по церквам боковых престолов.

№ 87. Копия с секретного отношения к генерал-лейтенанту Головину от 28 июня 1836 за № 571, о распорядительных мерах при введении по церквам Литовской епархии служебника московской печати.

№ 88. Копия с указа Правительствующего сената от 10 ноября 1832, о назначении Преосвященного Иосифа членом Греко-унитской коллегии.

№ 89. Копия с указа коллегии от 19 мая 1833, о производстве Преосвященному Иосифу содержания, по случаю назначения его Литовским епархиальным епископом.

№ 90. Отношение министра Блудова от 29 мая 1835, об учреждении комитета по униатским делам и о присутствовании в оном Преосвященному Иосифу.

№ 91. Отношение министра Блудова от 22 декабря 1835, о подчинении греко-унитских училищ комиссии духовных училищ и о присутствовании в оной Преосвященному Иосифу.

За исключением № 11, 12, 13, 14, 15, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 43, 55, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, все остальные приложения, здесь поименованные, писаны вчерне или набело собственной рукой митрополита Иосифа.

Записки, собственноручно писанные Иосифом, митрополитом Литовским

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

(Писана в апреле 1861 г.)

В первой части Записок заключается 28 лет начала моей жизни, период, так сказать, приготовительный к будущей деятельности. Вторая часть простирается почти на десять следующих затем лет. Это самое хлопотливое время униатского дела, с его неверным и колеблющимся направлением, с его остановками, с его борением против разнородных противодействий. В третьей части это дело будет уже следовать к верной цели, верно определенным путем, совершится благополучно и утвердится окончательно. Если мне достанет сил и досуга, то для четвертой части Записок отделю период со времени переселения моего в Вильно вместе с епархиальным управлением. Материалов будет довольно, и последний период интересен не менее предыдущих – это настоящее учреждение и устройство Литовско-Виленской православной епархии.

Настоящий период начинается соединением униатского ведомства с православным в лице синодального обер-прокурора графа Протасова и направлением к одной цели обоюдной деятельности вместо бывшего разъединения и даже противодействия.

Я не без сожаления расставался с Блудовым. Личные отношения наши были очень удовлетворительны. Это был человек благородного характера, обширного и светлого ума, только излишне мягок и подвержен стороннему влиянию. Его положение, а может быть, и убеждения мешали ему отдаться всей душой униатскому делу. С моей стороны, убежденный вполне в великой пользе для Церкви и государства от достижения цели этого дела, связанный с сим делом всем сердцем, всей душой, я не мог колебаться. Прежде, как видно

из предыдущей части Записок, употреблял я возможную настойчивость для успеха дела, а после старался без обиняков о переходе оного в другие руки, может быть, к неудовольствию Дмитрия Николаевича.

Граф Протасов был не менее благородного характера, и ежели не столь обширного ума, как Блудов, то более живого и деятельного. Он принялся с полным рвением за униатское дело и заботился о нем всю жизнь свою – его не нужно было подгонять. Отношения мои к Протасову, как прежде к Блудову, были всегда хороши. Да впрочем, я всегда мало заботился о личностях – была бы ко мне справедливая доверенность, было бы во мне доброе участие, как в общественном деятеле доброго общественного дела. Сначала мне была неприятна в Протасове какая-то хитроватость, но это вскоре кончилось. Кого-то он назвал хитрым. «Для нас, кажется, не должно быть хитрых людей», – заметил я, и с того времени был он со мной прямым, откровенным. К хитростям было во мне какое-то врожденное отвращение – не по боязни обмана, я для сего был слишком проницателен, но по самой безнравственности порока. Мои подчиненные приучились по большей части со мной к прямоте и чистосердечию – они знали, что у меня хитростями ничего не выиграют, а напротив проиграют. Довольно, кажется, этих Записок и приложений при них, чтобы удостоверить в прямоте и откровенности собственного моего характера. Я не изменял ему при всей затруднительности пройденного мной поприща. Я был молчалив, где это было нужно, но никогда не хитрил, никогда не обманывал, никогда не был причастен к каким-либо интригам. Но возвратимся к дальнейшему ходу повествования.

Здесь прежде всего нужно прочесть прилагаемую при сем под № 1 записку от 4 января 1837 года, составленную мной для графа Протасова и бывшую у государя. Из нее видно в общих чертах тогдашнее положение униатского дела и способы доведения оного до предположенной цели. Принято продолжать прежнюю систему по униатскому управлению.

Приложение под № 2 есть всеподданнейшая докладная записка от 18 февраля, составленная мной от имени Протасова, о назначении для Литовского епископа Виленского базилианского Свято-Тро-

ицкого монастыря. Тогда уже было в виду основать в Вильне епархиальное православное управление для лучшего противодействия римлянам. Вообще, предположения у меня зарождались благовременно, зрело обдумывались и были небезуспешны.

Приложение под № 3 есть два конфиденциальные письма мои к графу Протасову от 12 и 26 июня, писанные во время моего путешествия. Это живой очерк тогдашнего положения обеих униатских епархий, очерк, очень хорошо поясняющий официальные донесения.

Приложение под № 4 есть записка, поданная Протасову от 13 октября, о противодействии униатскому делу белорусских помещиков. Это образчик бывшей постоянной борьбы с польско-латинскими помещиками.

Приложение под № 5 есть весьма пространная подробная записка, поданная тоже графу Протасову от 3 октября, о состоянии обеих униатских епархий во всех отношениях. Если бы из всех документов по униатскому делу осталась одна только эта занимательная записка, то и тогда можно бы иметь самое верное понятие о ходе униатского дела за все предыдущее время.

Приложение под № 6 есть записка от 13 октября, дополнительная к предыдущей записке. Она относится преимущественно к отставшей Белорусской епархии.

Приложение под № 7 есть собственноручный журнал моих действий во время визитации 1837 года. Этот журнал исполнен занимательных подробностей и лучше других бумаг рисует и мою деятельность, и своеобразность моих действий.

Одних этих семи приложений достаточно, чтобы иметь понятие о ходе и положении униатского дела в 1837 году. Не будет, однако ж, излишним восполнить их некоторыми отдельными фактами и сведениями за этот год, замечательный особенной деятельностью моей по случаю высочайше возложенного на меня осмотра обеих униатских епархий и духовных училищ.

Задушевной моей мыслью в это путешествие было двинуть дело как можно ближе к воссоединению указанием на готовность к сему униатского духовенства. В Белорусской епархии для этого не было у меня достаточных способов, но по Литовской дело пошло успешно.

Еще из Петербурга сделаны мной некоторые распоряжения, между прочим, чтобы к моему приезду в Жировицы вызваны были туда все благочинные и другие начальствующие духовные. Важнейших я сам убеждал и принимал подписки «о готовности их присоединиться к Православной Церкви», от прочих поручал взять таковые подписки другим доверенным духовным. Таких подписок взято мной во время этого путешествия по Литовской епархии 114, по Белорусской только 21. Эти подписки препровождены мной к графу Протасову вместе с указанным выше приложением под № 5 – и вместе с доверенностью к давшим подписки начальствующим духовным утвердилась доверенность правительства и к самому ходу дела. Подобные подписки легко уже брались впоследствии от прочего духовенства моей епархии посредством благочинных и других начальствующих и присылались мне в Петербург в течение двух лет. То же делал по моему внушению Преосвященный Лужинский в Белорусской епархии, хотя и не с таким успехом. Сим образом, ко времени воссоединения положение дела ясно определилось, так что можно уже было действовать наверное.

В этом году обращено мной внимание на священно- и церковнослужительских униатских жен и на самих причетников, принадлежавших во множестве к римско-католическому исповеданию. О таковых женах и причетниках составлены не без затруднения ведомости. Первой мерой моей было воспрещение кандидатам во священство и на причетнические места жениться на латинянках. После испрошено высочайшее повеление на свободу присоединяться таким женам и причетникам из римского обряда в униатский, прежде некоторым лично по их просьбе, после же всем вообще. Причетники вскоре обратились на лоно своей Церкви, но жены их и священнические оказали более упорства, так что дело о них продолжалось многие годы, а о некоторых и доныне производится.

В этом же году воспрещено крестить униатских младенцев посредством римско-католических ксендзов и записывать их в метрические книги при латинских костелах.

В этом же году сделан мной новый шаг сближения с Православной Церковью – шаг довольно смелый, но он прошел благополучно,

благодаря приготовленному уже расположению умов по Литовской епархии. Я разрешил служить православному священнику в особом приделе Кобринской монастырской церкви. В том же году я дал подобное ж разрешение служить православным священникам в церквах Пружанской и Молодечнянской, в сей последней с высочайшего соизволения.

В том же году испрошено мной производство восемнадцати благочинным моей епархии ежегодного пособия от пятидесяти до ста рублей серебром.

В предыдущей части Записок упомянуто мной о бывшем намерении действовать и на польских униатов. Теперь нашлись между моими бумагами: записка, представленная о том 3 октября 1837 года, и письмо ко мне двадцати тамошних священников. Прилагаю их при сем под № 8 и 9. Записка эта была поводом вызова в Петербург епископа Холмского с его ректором семинарии, а также упомянутого выше разговора моего с князем Паскевичем и другой моей записки, прилагаемой при сем под № 10. Это случилось уже после воссоединения униатов в империи – и мне было неловко брать на себя это дело. Я только указал в сей последней записке, каким образом по оному можно было бы действовать.

В сем году, как и в наступающем 1838, продолжалось устройство церквей и снабжение их священными облачениями, утварью и церковными книгами. Тогда же начато мной изъятие из употребления служебников униатских, замененных уже служебниками московской печати. К сожалению, эта операция не могла скоро совершиться, по бывшему у униатов недостатку в Евангелиях и Апостолах; так что вытребование служебников униатских и предание их сожжению продолжалось несколько лет. В униатских служебниках печатались на ряду на всякий день приходящиеся Евангелия и Апостолы.

Нелишними будут еще следующие приложения:

Под № 11 предложение мое от 15 апреля, о предании суду римско-католических ксендзов, совращающих униатов.

Под № 12 отношение мое к правителю Белостокской области Гунаропуло от 7 июля, о внушении шести его совратившимся чиновникам возвратиться к собственному их униатскому обряду.

Это маленькое указание на бывшую постоянную борьбу с латинами.

Под № 13 предложение, данное мной Белорусской консистории от 31 мая, о небрежении тамошнего духовенства в устройстве по церквам иконостасов и о шестимесячном сроке, назначенном для восполнения сего.

Под № 14 предложение той же консистории от того ж числа, насчет снабжения церквей книгами Евангелия и Апостола.

Под № 15 предложение той же консистории от 5 июня, о данном мной поручении Преосвященному Лужинскому по делам Белорусской епархии.

Эти три распоряжения принадлежат к числу многих мер, которыми старался я двинуть отставшую Белорусскую епархию.

Под № 16 донесение в коллегию от 5 июня, о состоянии Белорусской семинарии и уездного при ней училища.

Под № 17 такое ж донесение от 27 июля, о состоянии Литовской семинарии и училища при ней.

Под № 18 такое ж донесение от того ж числа, о состоянии духовных училищ Вербиловского, Оршанского, Ляденского, Супрасльского и Кобринского.

Кому для обозрения действий за 1837 год недовольно было бы настоящих Записок и приложений к ним, тот должен обратиться к моим протоколам за этот год. Это замечание, впрочем, может относиться и ко всем другим годам.

В 1838 году случилось происшествие, долженствовавшее необходимо двинуть униатское дело к развязке. В начале сего года скончался митрополит Булгак на восьмидесятом году от роду. Я тогда сам был болен и не знаю, кто подал мысль похоронить тело его в православной церкви Сергиевской пустыни. Погребение совершал Преосвященный Лужинский, случившийся тогда в Петербурге. Этим погребением хотели представить покойника православным и благоприятно подействовать на умы. Но едва ли не последовало противного. Все знали покойного как твердого латинянина, и погребение его в Православной Церкви равнодушные приняли как фарс, ревнители же латинства – как верный знак готовящегося воссоединения

униатов. Действительно, с этого времени возникло по Белорусской епархии большее против прежнего противодействие униатского духовенства всем преобразованиям, а противодействие это, как известно, возбуждалось и поддерживалось латинскими помещиками и ксендзами.

В одно почти время с митрополитом Булгаком скончался и викарный епископ Иосафат Жарский, возведенный в сей сан, как сказано прежде, по уважению сторонних обстоятельств. На столе у него после смерти найдена бумага, в которой он объявляет себя непричастным всем действиям по Униатской Церкви.

Таким образом, само время устранило по униатской иерархии два бывшие препятствия делу воссоединения. Остались одни надежные деятели, которым суждено совершить это воссоединение, именно: епископы Антоний Зубко и Василий Лужинский и я, недостойный. Эти деятели изволением Господним при всех тягостных испытаниях прожили вот уже двадцать два года после воссоединения, видимо, для поддержания и утверждения оного.

Во 2 день марта 1838 года именным высочайшим указом, по случаю кончины председателя Греко-унитской духовной коллегии митрополита Иосафата, повелено мне председательствовать в оной – приложение под № 19. В сем же году удостоен я ордена св. Владимира II степени, а мой викарий Антоний Зубко ордена св. Анны I степени. Удостоились тогда же наград и многие из моих подчиненных, по прилагаемой при сем записке под № 20, а в особенности по записке под № 21, в которой пояснено, что необходимо ободрить униатское духовенство к предстоящей развязке униатского дела и усердному в сем споспешествованию.

В этом году особенных мер не было принимаемо – я даже не выезжал в епархию. Продолжалось по-прежнему устройство церквей, обучение богослужению и удостоверение о личной благонадежности духовенства. Главной теперь было заботой час от часу более усиливавшееся противодействие с разных сторон униатскому делу.

Латинское духовенство с помещиками делалось смелее и смелее. Оно вредило наветами и внушениями. Оно совращало униатов и келейно, и даже устраиваемыми для сего миссиями. Оно строило свое-

вольно церкви и часовни, где надеялось повредить униатам. Оно употребляло в свою пользу, и часто удачно, отпущенных к ним базилиан, происходивших из латинян. Оно иногда доходило до особенной дерзости. Например, управлявший Виленской епархией Микуцкий письменно опубликовал выдуманное им высочайшее повеление, якобы совращенным униатам дозволено оставаться в латинстве. Этот циркуляр велено вымарать из церковных книг, запрещено производить миссии, запрещено строить латинские часовни без ведома униатского духовного начальства. Принимаемы были при всяком случае и другие меры; но многое оставалось без действия, а многое ускользало от самого бдительного внимания, так что все же оставалось от латинян много вредных последствий. Совершенное их обуздание было невозможно, особенно по нерадению и недоброжелательству местных гражданских чиновников, принадлежащих по большей части к латинскому исповеданию. Да и на саму переписку не ставало сил.

Наущаемые латинами и ободряемые потворством гражданских начальств, неблагонамеренные или колеблющиеся еще духовные из униатов тоже становились смелее и дерзновеннее, особенно по Белорусской епархии. Здесь многие священники выходили прямо из повиновения Преосвященному Василию, так что в ноябре месяце воспоследовало высочайшее повеление, чтобы строптивых священников отправлять в великороссийские монастыри.

Православное духовенство хотя не с прежней деятельностью, но все же таки пользовалось подготовлением униатов и обращало их отдельно на Православие. О том были частые дела, тревожившие ход униатского дела. У меня был подобный случай даже после состоявшегося воссоединения, но прежде объявления оного. Один священник, бывший под судом в консистории, вздумал избавиться от беды переходом к другому начальству; он снесся с православным священником Минской епархии и приступил уже было к обращению мотольских прихожан; но сношение мое с Преосвященным Минским положило конец этому фарсу.

Даже у графа Протасова прорывались иногда вредные несообразности. Для примера прилагаю при сем мою записку от 10 июня под № 22. Двух простых строптивых иеромонахов вытребовали по

высочайшему повелению для увещания в Петербург. Это значило придать им вес и поощрить других к сопротивлению. Каждому захотелось бы похвастать своим упорством, сделать на чужие издержки приятное путешествие, посмотреть даром столицу. Само командирование летом сего года в западные губернии по высочайшему повелению состоящего за обер-прокурорским столом камергера Скрипицына было небезвредно. Командировка его имела прекрасную цель, именно внушить благоразумие гражданским и православным епархиальным начальствам. Но он сам не слишком был благоразумен и выболтал слишком многое не только чиновникам, но и латинским помещикам. Таким образом, направление униатского дела, бывшее еще у многих сомнительным, сделалось для всех ясным и угрожающим катастрофой. Сим объясняется возникшее с осени, после путешествия Скрипицына, решительное сопротивление униатского духовенства по некоторым местностям Белорусской епархии.

Все прописанное выше не могло меня не тревожить. Я настаивал неоднократно, чтобы положить конец этим волнениям и их неблагоприятным последствиям решительным общим воссоединением униатов. Наконец в 1 день декабря 1838 года подал я записку, прилагаемую при сем под № 23. В ней изложено живо настоящее положение дела и способы порешить оное окончательно. При записке приложены: проект просьбы униатского духовенства к государю императору и проект именного высочайшего указа по сему делу. Прилагается при сем под № 24 и составленный мной в наступающем месяце проект акта, подписанного старшим униатским духовенством, о присоединении униатов к Православной Церкви.

Эта записка побудила наконец правительство к решительным окончательным мерам по униатскому делу. Приступаем к достопамятному 1839 году.

Положено отправиться мне в Полоцк. Для сего объявлено мне высочайшее повеление по случаю поданного государю императору прошения от значительного числа духовных, жаловавшихся на белорусское епархиальное начальство, чтобы разобрать и успокоить это дело.

Между тем по вышеупомянутым проектам заготовлены набело акт о воссоединении униатов и два прошения о сем государю им-

ператору. Акт отправлен по почте в Жировицы при письме моем к Преосвященному Антонию от 24 января для подписи тамошним духовенством, просьбы взял я с собой в Полоцк. Письмо к Преосвященному Антонию прилагается под № 25, а под № 26 прилагается письмо мое к графу Протасову от 8 февраля из Полоцка.

В Полоцке я имел много хлопот с тамошним заблуждшим духовенством – но об этом после. Главное дело прошло совершенно благополучно. Акт и просьбы подписаны 12 февраля в Неделю Православия – первый двадцатью четырьмя начальствующими духовными, последние только епископами. Документы сии с возвращением моим в Петербург и приведением дела в порядок препровождены к графу Протасову при отношении моем от 26 февраля. Но это отношение и сами документы следует выписать здесь вполне, как венчающие дело.

Отношение к графу Протасову
от 26 февраля 1839 года:

«Слава во вышних Богу! Благое дело довершается. В 12 день настоящего февраля месяца, в Неделю Православия, подписан окончательно всеми греко-унитскими епископами и начальствующим духовенством соборный акт о воссоединении униатов к Православной Греко-Восточной Кафолической Церкви. В сей день служил я торжественно в Полоцком Софийском кафедральном соборе и причастил лично как наставников и воспитанников семинарии, так и довольно значительное число прихожан. Во время служения, вместо папы, поминал я всех православных патриархов, митрополитов, архиепископов и епископов. После литургии отслужен мной вместе с Преосвященными Василием и Антонием благодарственный молебен о здравии и благоденствии государя императора и всей августейшей фамилии. Во время обеда, на котором находились важнейшие духовные и гражданские лица, в Полоцке бывшие, после тоста за здравие всемилостивейшего государя был кубок за благоденствие и преуспеяние Православной Церкви. Для сохранения на месте официального следа о бытности в то время в городе Полоцке всех трех греко-

унитских епископов записано по журналу консистории и правления семинарии о посещении ими сих присутственных мест.

Имею честь препроводить при сем к Вашему Сиятельству для представления на высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение:

1. Помянутый выше соборный акт о восприсоединении униатов к Православной Греко-Восточной Кафолической Церкви, подписанный тремя епископами и прочими начальствующими лицами, в числе 24.

2. Всеподданнейшее прошение, подписанное теми же тремя греко-унитскими епископами, о том же предмете.

3. Всеподданнейшее прошение, подписанное теми же епископами, об оказании униатам снисхождения относительно некоторых обыкновений, временем вкоренившихся, но единству Церкви не противных.

4. Именную роспись духовенства Литовской епархии, давшего собственноручные объявления о готовности присоединиться к Православной Греко-Российской Церкви, в числе всего 938, а также сами подлинные объявления. Объявления сии сшиты в 27 тетрадей, и впереди каждой из них находится именная роспись лицам, давшим объявления. Объявления духовных, показанных в начале каждой росписи, прежде уже мной представлены и находятся у Вашего Сиятельства. В первой тетради помещены объявления духовенства монашествующего, а также наставников духовных училищ и некоторых других лиц, по благочиниям не показанных; в следующих 25 тетрадях находятся объявления духовенства, по благочиниям при церквах состоящего, а в последней тетради объявления семинаристов, кончивших курс наук в прошлом году.

5. Именную роспись духовенства Белорусской епархии, давшего также собственноручные объявления о готовности присоединиться к Православной Греко-Российской Церкви, в числе всего 367. Объявления сии находятся у Вашего Сиятельства, за исключением четырех, оказавшихся у меня между подписками духовенства Литовской епархии. Таковые четыре объявления: благочинного Августиновича, вице-благочинного Копчинского, а также иеромонахов Войновского и Кофинского – прилагаются при сем.

Засим духовенства, давшего обязательства присоединиться к Православной Церкви, состоит *по Литовской епархии*: белых священников 834, иеромонахов и монахов 62, секретарь консистории и светских наставников по духовным училищам 7, семинаристов, кончивших курс наук в истекшем году, 35; *по Белорусской епархии*: белых священников 330, иеромонахов и монахов 17, секретарь консистории и светских наставников духовных училищ 20. А всего по обеим епархиям духовных, давших письменные обязательства присоединиться к Православной Греко-Российской Церкви, состоит тысяча триста пять, № 1305.

Духовных, не обязавшихся еще присоединиться к Православной Церкви, состоит *по Литовской епархии*: 116 белых священников и 95 монашествующей братии; *по Белорусской же епархии*: 305 белых священников и 77 монахов. Духовных, однако ж, сих должно считать по большей части скорее сомнительными, нежели неблагонадежными. Из них *по Литовской епархии* считается 59 безместных священников, а остальные по большей части престарелые, которых, как и безместных, не признано нужным тревожить требованием подписок, так что едва ли остается и 20 священников, коих настоит надобность или устранить, или приобресть для Православной Церкви; *по Белорусской епархии* считается безместных священников 136, от которых, как и от прочих, не обязавшихся присоединиться к Православной Церкви, по большей части не требованы еще подписки; и хотя по епархии сей оказалось до полутораста священников, обнаруживших сопротивление в даче помянутых подписок, но, по всей вероятности, после расстройства ныне бывшей здесь интриги и высылки зачинщиков оной, весьма также малое окажется число действительно неблагонадежных.

АКТ ВОССОЕДИНЕНИЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Мы, благостию Божией епископы и Священный Собор Греко-Унитской Церкви в России, в неоднократных совещаниях приняли в рассуждение нижеследующее.

Церковь наша от начала своего была в единстве Святой Апостольской Православно-Кафолической Церкви, которая самим Господом Богом и Спасом нашим Иисусом Христом на Востоке насаждена, от Востока воссияла миру и доселе цело и неизменно соблюла божественные догматы учения Христова, ничего к оному не прилагая от духа человеческого суемудрия. В сем блаженном и превожделенном вселенском союзе Церковь наша составляла нераздельную часть Греко-Российской Церкви, подобно как и предки наши по языку и происхождению всегда составляли нераздельную часть русского народа. Но горестное отторжение обитаемых нами областей от матери нашей России отторгнуло и предков наших от истинного Кафолического единения, и сила чуждого преобладания подчинила их власти Римской Церкви под названием униатов. Хотя же для них и обеспечены были от нее формальными актами восточное богослужение на природном нашем русском языке, все священные обряды и сами постановления Восточной Церкви, и хотя даже воспрещен был для них переход в римское исповедание (яснейшее доказательство, сколь чистыми и непреложными признаны были наши древние восточные уставы!); но хитрая политика бывшей Польской республики и согласное с ней направление местного латинского духовенства, не терпевшие духа русской народности и древних обрядов православного Востока, устремили все силы свои к изглаждению, если бы можно было, и самих следов первобытного происхождения нашего народа и нашей Церкви. От сего сугубого усилия предки наши, по принятии унии, подверглись самой бедственной доле. Дворяне, стесняемые в своих правах, переходили в римское исповедание, а мещане и поселяне, не изменяя обычаям предков, еще сохранившимся в унии, терпели тяжкое угнетание. Но скоро обычаи и священные церковные обряды, постановления и само богослужение нашей Церкви стали значительно изменяться, а на место их вводились латинские, вовсе ей не свойственные. Грекоунитское приходское духовенство, лишенное средств к просвещению, в бедности и унижении, порабощено римским и было в опасности подвергнуться наконец совершенному уничтожению или превращению, если бы Всевышний не прекратил сих вековых страданий, возвратив Российской державе обитаемые нами области – древнее до-

стояние Руси. Пользуясь столь счастливым событием, большая часть униатов воссоединилась тогда же с Восточной Православно-Кафолической Церковью и уже по-прежнему составляет нераздельную часть Церкви Всероссийской, остальные же нашли по возможности в благодетельном русском правительстве защиту от превозможения римского духовенства. Но отеческим щедротам и покровительству ныне благополучно царствующего благочестивейшего государя нашего императора Николая Павловича обязаны мы нынешней полной независимостью Церкви нашей, нынешними обильными средствами к приличному образованию нашего духовного юношества, нынешним обновлением и возрастающим благолепием святых храмов наших, где совершается богослужение на языке наших предков и где священные обряды восстановлены в древней их чистоте. Повсюду вводятся постепенно в прежнее употребление все уставы нашей искони Восточной, искони Русской Церкви. Остается желать только, дабы сей древний боголюбезный порядок был упрочен и на грядущие времена для всего униатского в России населения, дабы полным восстановлением прежнего единства с Церковью Российской сии прежние чада ее могли на лоне истинной матери своей обрести то спокойствие и духовное преуспеяние, которого лишены были во время своего от оной отчуждения. По благости Господней мы и прежде отделены были от древней матери нашей Православно-Кафолической Восточной, и в особенности Российской, Церкви, не столько духом, сколько внешней зависимостью и неблагоприятными событиями; ныне же, по милости всещедрого Бога, так снова приблизились к ней, что нужно не столько уже восстановить, сколько выразить наше с ней единство.

Посему в теплых, сердечных молениях, призвав на помощь благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (который един есть истинная глава единой истинной Церкви) и Святого Всесовершающего Духа, мы положили твердо и неизменно:

Признать вновь единство нашей Церкви с Православно-Кафолической Восточной Церковью и посему пребывать отныне купно*

---

* Купно – вместе, совместно. – *Прим. ред.*

со вверенными нам паствами, в единомыслии со святейшими восточными православными патриархами и в послушании Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода.

Всеподданнейше просить благочестивейшего государя императора настоящее намерение наше в свое августейшее покровительство принять и исполнению оного к миру и спасению душ высочайшим своим благоусмотрением и державной волей споспешествовать, да и мы под благотворным его скипетром, со всем русским народом, совершенно едиными и неразнствующими устами и единым сердцем славим триединого Бога по древнему чину апостольскому, по правилам святых Вселенских Соборов и по преданию великих святителей и учителей Православно-Кафолической Церкви.

В уверение чего мы все, епископы и начальствующее духовенство, сей соборный акт утверждаем собственноручными нашими подписями и в удостоверение общего на сие согласия прочего греко-унитского духовенства прилагаем собственноручные же объявления священников и монашествующей братии, всего тысячи трехсот пяти.

Дан в богоспасаемом граде Полоцке лета от сотворения мира семь тысяч триста сорок седьмого, от воплощения же Бога Слова тысяча восемьсот тридцать девятого, месяца февраля в двенадцатый день, в Неделю Православия.

Смиренный Иосиф, епископ Литовский.
Смиренный Василий, епископ Оршанский,
управ. Белорусск. епархией
Смиренный Антоний, епископ Брестский,
викарий Литовской епархии
Заседатель Греко-унит. духовн. коллегии
соб. прот. Игнатий Пильховский
Заседатель Греко-унит. духов. коллегии
соб. прот. Иоанн Конюшевский
Заседатель Греко-унит. духов. коллегии
соб. прот. Лев Паньковский

Председатель Литовской консистории
соб. прот. Антоний Тупальский
Председат. Белорусской консистории
ректор сем. соб. прот. Михаил Шелепин
Вице-председат. Литовской консист. соб. прот. Михаил Голубович
В должн. ректора Литовской семинарии
соб. прот. Фердинанд Гомолицкий
Вице-председатель Белорус. консистории
прот. Константин Игнатович
Член Литовской консистории и эконом семин. крест.
иг. Иоасаф Вышинский
Член Белорусской консист. игумен Иосиф Новицкий
Инспектор Белорус. семин. соб. прот. Фома Малишевский
Инспектор Литовск. семин. крест. иером. Игнатий Желязовский
Ключарь Полоцкого Соф. каф. соб. с. прот. Михаил Копецкий
Эконом Белорусск. семин. соб. прот. Иоанн Щенснович
Засед. Литов. консист. соб. прот. Плакид Янковский
Засед. Белорус. консист. протоиерей Иоанн Глыбовский
Засед. Литов. консист. иерей Григорий Куцевич
Засед. Белорус. консист. иерей Иоанн Щенснович
Засед. Белорус. консист. иерей Фома Околович
В долж. секретаря при Литовск. Преосв. крес. иером. Фавст
В долж. секретаря при Преосвящен. Антонии иеромонах Петр

Первое всеподданнейшее прошение

Всеавгустейший монарх,
всемилостивейший государь!

С отторжением от Руси в смутные времена западных ее областей Литвой и последовавшим затем присоединением оных к Польше русский православный народ подвергся в них тяжкому испытанию от постоянных усилий польского правительства и Римского двора отделить их от Церкви Православно-Кафолической Восточной и присоединить к Западной. Лица высших состояний, стесняемые все-

ми мерами в их правах, совратились в чуждое для них римское исповедание и забыли даже собственное происхождение и народность. Мещане и поселяне были отторгнуты от единения с Восточной Церковью посредством унии, введенной в конце XVI столетия. С того времени сей народ отделился от матери своей – России; постоянные ухищрения политики и фанатизма стремились к тому, чтобы сделать его совершенно чуждым древнего отечества его, и униаты испытали в полном смысле всю тягость иноплеменного ига.

По возвращении Россией древнего ее достояния большая половина униатов воспринесоединилась к прародительской своей Греко-Российской Церкви, а остальные нашли покровительство и защиту от преобладания римского духовенства. В благословенное же царствование Вашего Императорского Величества при благодетельном воззрении Вашем, всемилостивейший государь, у них уже по большей части восстановлены в прежней чистоте богослужение и постановления Греко-Восточной Церкви; их духовное юношество получает воспитание, соответственное своему назначению; они могут уже быть и называть себя русскими.

Но Греко-Унитская Церковь в отдельном своем виде среди других исповеданий не может никогда совершенно достигнуть ни полного благоустройства, ни спокойствия, необходимого для ее благоденствия, – и многочисленные принадлежащие к ней жители западных губерний, русские по языку и происхождению, подвергаются опасности остаться в положении, колеблемом переменчивостью обстоятельств, и несколько чуждыми своих православных собратий.

Сия причина, наипаче же забота о вечном благе вверенной нам паствы, побуждают нас, твердо убежденных в истине догматов Святой Апостольской Православно-Кафолической Восточной Церкви, припасть к стопам Вашего Императорского Величества и всеподданнейше молить Вас, державнейший монарх, упрочить дальнейшую судьбу униатов дозволением им присоединиться к их прародительской Православной Всероссийской Церкви. В удостоверение же общего нашего на сие согласия имеем счастье поднести составленный нами, епископами и начальствующим духовенством Греко-Унитской Церкви в городе Полоцке, сего числа соборный акт и при оном соб-

ственноручные объявления тысячи трехсот пяти лиц остального греко-унитского духовенства.

Всемилостивейший государь,
Вашего Императорского Величества верноподданнейшие:

Иосиф, епископ Литовский.
Василий, епископ Оршанский, управляющий Белорусской епархией.
Антоний, епископ Брестский, викарий Литовской епархии.

12 февраля 1839 г.»

Второе прошение государю императору
от того же числа и подписанное теми же тремя епископами

«Во всеподданнейшем прошении нашем с приложением соборного акта о намерении Греко-Унитской Церкви восприсоединиться к Православно-Кафолической Восточной Церкви мы изложили подробно побудительные к тому причины и главное желание наше – составлять по-прежнему часть нашей прародительской Всероссийской Церкви. Вместе с сим не дерзаем покрывать молчанием, что, за исключением немногих духовных лиц, из числа изъявивших письменно сие желание, почти все прочие в объявлениях своих изложили и просьбу о дозволении им не переменять нынешних, привычкой вкорененных местных обычаев, непротивных* сущности Православия. Мы, будучи убеждены, что нынешнее неслужебное одеяние греко-унитского духовенства, бритье бород, употребляемая во время постов пища и некоторые молитвенные обыкновения, не нарушающие догматов святой восточно-кафолической веры, от долговременной привычки к ним духовенства и самого народа не могут быть в скором времени изменены без важных неудобств, и, между прочим, скорая перемена в наружном виде священников может даже их лишить полезного влияния на паству, осмеливаемся всеподданнейше испраши-

* Непротивный – не противоречащий чему-л. – *Прим. ред.*

вать, дабы по приведенным нами причинам оказано было воссоединяемому духовенству и народу в отношении к таковым местным обычаям снисхождение, и в сем обстоятельстве полагаем все наше упование на отеческое сердце Вашего Императорского Величества, всеавгустейший монарх, – источник благоденствия вверенных Богом высокому скипетру Вашему народов.

Все это поднесено государю императору, и в 1 день марта последовало высочайшее повеление Св. Синоду положить сообразное с правилами Святой Церкви постановление. Постановление это сделано Синодом в 23 день того ж марта, а в 25 день, в праздник Благовещения Господня, последовало высочайшее оного утверждение словами: «Благодарю Бога и принимаю». Вслед за тем приглашен я в присутствие Св. Синода в мантии, объявлено мне означенное высочайше утвержденное постановление, преподана мне особая синодальная грамота воссоединенным епископам с паствой, дано мне братское лобзание от всех синодальных членов, совершено ими вместе со мной благодарственное молебствие в синодальной церкви, принесена мной там же архиерейская присяга. Все это лучше усмотреть из прилагаемых при сем под № 27 и 28 синодального указа от 14 апреля и синодальной грамоты от 30 марта. Я не участвовал в совещаниях о всех сих распоряжениях, только граф Протасов просил меня написать синодальное постановление вместо начертанного митрополитом Московским. Я отказывался, не смея коснуться столь важного авторитета, но таки должен был исполнить – постановление Преосвященного Филарета было действительно самое приказное.

Известно, что на воссоединение униатов выбита особая медаль. Прилагаю под № 29 отношение о том ко мне графа Протасова от 28 марта 1841 года. Прилагаю еще под № 30 отношение ко мне его ж, графа Протасова, от 30 апреля 1839 года, о высочайшем соизволении на облегчение воссоединенным некоторых местных обычаев. Впрочем, таковое ж облегчение дано и Святейшим Синодом.

Мне попалось под руку несколько бумаг о представлениях ко Двору – не худо сказать о том несколько слов. Еще при жизни ми-

трополита Булгака мне назначено, в дни выхода при Дворе, быть с ним в церковном алтаре и после богослужения приносить поздравление. В 30 день марта 1838 года велено мне представиться вместе с синодальными членами в праздник Пасхи, а в 12 день следующего апреля это повеление распространено навсегда. Кажется, следующее случилось в самый год воссоединения. Я как-то толковал с графом Протасовым о неприличии представляться мне в моем латинском одеянии, но что и не следует мне самому одеваться вдруг в костюм православного духовенства. В Страстную субботу, вечером, граф Протасов привозит мне от государя форменную ряску и клобук и объявляет высочайшую волю явиться мне в них для поздравления в церкви. За этот сюрприз государь же и поплатился: не зная приемов, я не уклонил клобука при обыкновенном целовании рука в руку и порядочно-таки стукнул его в чело – но он и не поморщился, напротив, благосклонно улыбнулся моей неловкости.

В день воссоединения возведен я в сан архиепископа.

Изображение серебряной медали, выбитой в память воссоединения униатов в 1839 г.

Здесь место сказать, что вместе с просьбами о воссоединении подал я 26 февраля и о себе следующую просьбу государю императору.

«По высочайшей воле Вашего Императорского Величества удостоился я быть одним из орудий спасительного дела, ныне к окончанию благополучно приводящегося. Судя по обстоятельствам, участие мое в сем деле окажется вскоре бесполезным, а может быть, даже вредным; и затем пребывание мое в западных губерниях будет для меня весьма тягостным. С другой стороны, чуждое воспитание, привычки, из детства вкоренившиеся, слабое знание русского языка делают меня мало способным занять соответственное моему сану место среди коренного православного греко-российского духовенства; так что служение мое на сем поприще было бы, по всей вероятности, поводом соблазна для многих, а для меня – бесполезных неприятностей.

Отеческому сердцу Вашему, всемилостивейший государь, весьма понятно, что одна минута слабости, в которую мог бы я сожалеть об участии в священном деле, бывшем до сих пор единственной целью моих действий и помышлений, отравила бы счастье всей остальной моей жизни.

Для предупреждения сего осмеливаюсь ныне же припасть к стопам и прибегнуть к милости и великодушию Вашего Величества, чтобы, по миновании во мне надобности на нынешнем поприще моего служения, мог я прожить остаток дней моих частно, по моему избранию, но не в монастыре».

Государь будто сказал графу Протасову на эту просьбу: «Не понимаю», а мне казалась она очень понятной. Двенадцать лет такой удручающей работы, какой я подвергался, двенадцать лет таких беспокойств и тяжкой ответственности утомят хотя бы кого. Я же ничего не добивался. Идеалом счастья, который мне единственно представлялся, было иметь домик с садиком да комнату с книгами. Притом же, испытав до того столько затруднений и недоброжелательства, я не мог не видеть того же и в будущем. Особенно меня пугало предвидимое нерасположение с той стороны, откуда бы мне ожидать благодарности, именно со стороны православных. Естественно, что мне

хотелось избежать этой будущности после двух-трех лет служения, еще тогда необходимого. Но вот минуло с того времени более двадцати лет, а я не добился ни покоя, ни идеала моего счастья. Кажется, однако ж, моя просьба не осталась без последствия. Граф Протасов допытывался у меня, не нужно ли мне еще чего; и я сказал наконец, что для меня была бы успокоительна пожизненная пенсия. Он совершенно это одобрил и предоставил мне самому назначить сумму. Я указал на сумму 6 000 рублей, сказав, что отрешенным униатским епархиальным епископам назначена была при Екатерине такая сумма. Он присылал ко мне директора Новосильского с запросом: не нужно ли более. Я сказал, что довольно, – и 18 апреля вышла мне пенсия в 6 000 рублей ассигнациями.

Отведя душу на радостном событии воссоединения униатов, событии столь долго ожиданном, столь тяжело добытом, мне приходится вновь обратиться к рассказу о тяжелых и неприятных обстоятельствах. Предстояло устранить еще оставшиеся неприязненные воссоединению элементы, утвердить это благое дело и как бы водворить его повсеместно взамен унии. Настоящий 1839 год, после 1834, был самый деятельный в моей жизни, а может быть, даже более сего последнего хлопотливый и тревожный.

Оставшиеся еще неприязненные воссоединению элементы лучше всего можно оценить из прилагаемого при сем под № 31 отношения моего к графу Протасову от 26 февраля. В нем изложена сущность дела об интриге, породившей всеподданнейшую просьбу, поданную по доверенности ста одиннадцати священников Белорусской епархии, против воссоединения, и о мерах, употребленных мной для расстройства сей интриги. Несколько зачинщиков отправлено в великороссийские губернии, до двадцати священников выслано в мою Литовскую епархию, об остальных приняты меры на месте – и постепенно все успокоилось, даже задорнейшие, то есть высланные вдаль, по большей части вскоре покорились Православию. Таким же образом поступаемо было и с другими духовными, не принадлежавшими к помянутой интриге, но оказавшими неблагонамеренное сопротивление по Белорусской и Литовской епархии. Около пятнадцати священников выслано в великороссийские епар-

хии, из них большая половина обратилась вскоре на добрый путь. Для неблагонадежных иноков учреждена в Курске временная обитель, которая тоже оказалась вскоре излишней и закрыта после вразумления многих из них. На остальных сомнительных еще духовных действуемо было неослабно кротким убеждением или другими административными мерами – и все Господь благословлял добрым успехом. Выше сказано, что к акту воссоединения приложено было более 1 300 подписок от священников и монашествующих. До конца того ж 1839 года препровождено мной разновременно еще до ста таковых подписок от духовных, бывших до того сомнительными, так что к последующему времени мало уже осталось дела в сем отношении. Некоторое число униатских священников, не пожелавших принять Православия, но оказавшихся смирными, оставлены в покое доживать свой век, а иные и до сих пор живут безвредно среди воссоединенного населения. Уже в записке, данной графу Протасову 26 сентября, приложенной при сем под № 32, я мог дать удовлетворительно-успокоительное сведение о последствиях воссоединения. На одном листе с сей запиской есть другая записка, от 28 того ж сентября, о предположении взять в казну церковные имения с крестьянами – вследствие оной оставлены таковые имения пожизненно за приходскими священниками, которые того пожелают.

Кажется, не нужно прибавлять, что это дело приобретения воссоединению остального духовенства было не так-то легко. Нужны были особые соображения и распоряжения почти о каждом священнике и иноке, соответственно местным и личным обстоятельствам каждого. Работа была утомительная. Независимо от приобретения воссоединению духовенства само объявление синодального указа и грамоты о воссоединении не обошлось без забот. Нужно было сообразоваться, где и когда сделать объявление, судя по мере благонадежности местного духовенства и народа, – так что дело это довершилось окончательно едва в течение года. Затем нужно было наблюсти о поминании во время богослужения Святейшего Синода, вместо папы, и об исключении из Символа Веры слова «и Сына». Зная, как трудно искореняются привычки всей жизни, я лично сам наблюдал за этим делом и, кроме распоряжений через консисторию,

я действовал непосредственно на благочинных и настоятелей монастырей частыми запросами: поминается ли у них уже Святейший Синод, вместо папы, и исключаются ли из Символа слова «и Сына». Таким образом, прежняя привычка заменилась новой. А что причиной случавшихся иногда вначале отступлений была привычка, а не злонамеренность, я сам неоднократно удостоверялся. В первое мое посещение епархии после воссоединения, во время литургии в Жировицком кафедральном соборе, семинаристы, певшие Символ Веры, прибавили слова «и Сына». Другой принял бы это Бог знает как, я же из самого замешательства певших видел только ошибку. После литургии вышел к певшим на клирос, сказал, что они обмолвились по привычке языка, велел им пропеть правильно этот член Символа несколько раз – они это исполнили не только охотно, но и с видимой радостью; и никогда уже не было подобных обмолвок. Впоследствии я имел часто случай и потребность предостерегать в сем отношении ревнителей не по разуму.

С Белорусской епархией вообще мне было более заботы, нежели с собственной Литовской. Здесь я сам был строителем, а там должен был поправлять расстроенное уже другими. При распределении униатов на две епархии к Белорусской причислены униаты Киевской губернии, а также Житомирского и Овручского уездов Волынской губернии. Этих отдаленных униатов начальство Белорусской епархии оставило совершенно без внимания и приготовления до самого воссоединения. Тут тамошнее духовенство оказало решительное неповиновение, тем более тревожившее, что прихожане оного, принадлежавшие по большей части к шляхте (мелкопоместным дворянам), приняли непосредственное участие в таком сопротивлении. Найдено необходимым всех сих униатов перечислить к моей Литовской епархии – и Бог помог устроить благополучно это дело. Нескольких священников настращал высылкой в отдаленные места, нескольких ободрил добрым словом и добрыми внушениями, назначил для осмотра тамошних церквей отличного по характеру и образованию архимандрита, Леонтия Скибовского, снабдил его соответственной инструкцией – и все прекрасно уладилось при добросовестном содействии тогдашнего киевского генерал-губернатора Бибикова, так

что через два года тамошние воссоединенные были уже готовы к перечислению в ведение Киевской и Волынской епархий.

И не здесь еще кончились мои заботы по тягостному наследству от расстроенной Белорусской епархии. Через несколько лет перечислен от сей епархии к моей, Литовской, Дисненский уезд, столь расстроенный и запущенный, что он и до сих пор не приведен еще в совершенный порядок и состоит у меня на худом счету. Но возвратимся к ходу происшествий 1839 года.

Несмотря на труды, несмотря на заботы, этот год, которого лето провел я в разъездах по обеим епархиям, был для меня радостным торжеством. У меня нашлись черновые шестнадцати писем к графу Протасову, писанных в это лето, и проект газетной статьи. Прилагаю их здесь в таком виде, как нашлись, на шести особых листах под № 33, 34, 35, 36, 37, 38. Эти бумаги исполнены любопытных подробностей, которые лучше представят и время, и дело, нежели мог бы я их здесь описать.

Положено было заявить воссоединение униатов совокупными, в разных местностях, служениями древлеправославного и воссоединенного духовенства. Первым таким служением было служение проезжавшего в свою епархию митрополита Киевского Филарета с епископами Полоцкими, древлеправославным Исидором и воссоединенным Василием, в городе Витебске в одной из воссоединенных церквей. Все было мирно, все было прекрасно, однако ж это служение оставило у меня неприятное воспоминание. Осенью, по возвращении в Петербург, посетил я Киевского митрополита. Было довольно большое общество. Кто-то спросил: «Зачем вы ездили?» «Присоединил униатов», – отвечал, не запинаясь, митрополит. «Вот кто присоединил униатов», – подумал я не без скорбного чувства. Подобные маленькие несправедливости случалось мне испытывать не раз и впоследствии, но я был на них готов заблаговременно и потому переносил благодушно.

Мое совокупное служение было в Полоцке с теми ж Преосвященными Исидором и Василием, а в Минске – с тамошним архиепископом Никанором. Все было прекрасно, все было мирно, все было торжественно. Но настоящее торжество готовилось к осени

в совокупном служении древлеправославных с воссоединенными в Жировицком кафедральном соборе и в самом центре латинства – Вильне. По причинам, изложенным в записке, прилагаемой при сем под № 39, положено поставить из воссоединенных викария Литовской епархии Пинского епископа Михаила Голубовича. Наречение происходило в Жировицах, а посвящение в Вильне мной с Преосвященными Исидором Полоцким и Антонием, викарием Литовской епархии. По этому случаю устроили мы в Жировицах и Вильне несколько совместных и отдельных архиерейских богослужений со смешанным обоюдным духовенством в церквах обоих ведомств и придали им возможную торжественность. Желающих знать более отсылаю к помянутым выше шести приложениям. Здесь довольно сказать, что эти совокупные служения вполне достигли предположенной цели: поставили рука об руку древлеправославных с воссоединенными, сделали воссоединение наглядно гласным для своих и для чужих, главное ж, успокоили правительство и всех других насчет мирного исхода униатского дела, чего не могли вполне достигнуть все прежние мои уверения – опасались волнения и беспокойств. Эти опасения были столь сильны, что под благовидным предлогом откомандировано пятьсот казаков в места, более тревожившие. Я был невозмутимо покоен совершенной уверенностью в успехе; хотя граф Протасов и сказал мне, что государь решился на окончательные меры единственно по доверенности к моему мнению. Действительно, моя спокойная уверенность, кажется, всех успокоивала.

Никто меня, думаю, не осудит, что в Записках сих 1839 году дано более места, нежели другим – здесь исход и осуществление всего дела воссоединения униатов. Нужно еще восполнить происшествия этого года некоторыми отдельными фактами, сколько-нибудь выдающимися из числа распоряжений, столь многообразных в сем году.

Выше было сказано, что назначение униатского духовенства во все должности и даже на священнические места подлежало согласованию с начальниками губерний. Это отменено в мае месяце по моему представлению.

Между униатами весьма многие при крещении принимали имена святых, свойственные Латинской Церкви. Это мной воспрещено

распоряжением от 3 июня, прилагаемым при сем под № 40. Тогда же попросили меня о перемене их имен ректор семинарии Фердинанд на Ипполита, а рукополагавшийся во священника диакон Генрих на Иоанна. Просьбы их, как и других, иногда внушаемые, были удовлетворяемы. Латинские имена всех семинаристов и учеников духовных училищ заменены православными за один раз особым постановлением. И чуждый обычай вскоре извелся.

Под № 41 прилагаю отношение мое к Киевскому митрополиту от 29 апреля, которым поручаю его вниманию и покровительству свое духовенство Киевской губернии, с приложением и ведомости оному. Это отношение сделано известным тому духовенству и было первым шагом предстоявшего подчинения местным православным архиереям воссоединенных, находящихся в пределах их епархий. Впоследствии писал я подобным образом и к Преосвященным Волынскому и Подольскому.

Под № 42 прилагаю распоряжение от 28 июня о разрешении священникам древлеправославным и воссоединенным поручать друг другу исправление духовных треб своим прихожанам по местному удобству.

Вслед за воссоединением назначено было высочайше воссоединенному духовенству единовременное пособие – во сколько именно, нет у меня показания на глазах, раздавалось же на священника от ста до трехсот рублей ассигнациями. Это пособие облегчило несколько участь этих воссоединенных священников, стесняемых польско-латинскими помещиками, и доставило им терпение ожидать предстоявшего штатного обеспечения.

В том же году воссоединенное духовенство снабжено безмездно Святейшим Синодом проскомидийными листами, царской и патриаршей грамотами, пространными катехизисами и историей Российской Церкви.

Неизлишним еще будет приложить:

Во-первых. Для точнейшего сведения о временной Курской обители под № 43 отношение мое к графу Протасову от 15 марта.

Во-вторых. Для сведения о порядке объявления актов о воссоединении под № 44 тоже отношение к графу Протасову от 4 мая.

В-третьих. Для сведения о бывшем сопротивлении воссоединению по Овручскому уезду под № 45 предписание игумену Скибовскому от 22 июля, под № 46 отношение к генерал-губернатору киевскому Бибикову от 24 августа и под № 47 отношение к графу Протасову от 10 ноября.

В-четвертых. Для сведения о числе неблагонадежного духовенства Литовской епархии, оставшегося после воссоединения, впрочем, вскоре изменившемся, под № 48 отношение к графу Протасову от 8 июля.

Но всего не рассказать. Перейдем к 1840 году.

В этом году главное занятие по духовному управлению состояло во взаимном перечислении древлеправославных и воссоединенных приходов к епархиям, в пределах коих они действительно состояли. Успешное воссоединение в прошлом году придало силы моим советам, и теперь легко согласились на перечисление.

Прежде всего, Минского архиепископа Никанора переместили на Волынскую епархию, в пределах которой было более ста тысяч воссоединенных и требовался архипастырь благоразумный. Затем Минским епископом назначен в январе мой викарий, Преосвященный Антоний, давно уже отрастивший бороду и приготовленный для сей цели путешествием в Москву. Вместе с назначением Преосвященного Антония воссоединенные церкви Литовской епархии, в Минской губернии состоявшие, отчислены к Минской епархии, а церкви древлеправославные Минской епархии, расположенные по Гродненской губернии и Белостокской области, перечислены к Литовской епархии. В апреле месяце такое ж перечисление церквей состоялось от Белорусской и Полоцкой епархий. Воссоединенные церкви Минской губернии перечислены от Белорусской к Минской епархии, так что в сей епархии оказалось воссоединенных церквей почти вдвое более против древлеправославных, чем и объясняется назначение туда воссоединенного епископа. Древлеправославные церкви, состоящие в Виленской губернии, перечислены от Полоцкой к Литовской епархии; и мне назначено именоваться Литовским и Виленским, иметь кафедру в Вильне и быть священноархимандритом Виленского Свято-Троицкого монастыря. Полоцкая

епархия ограничена Витебской губернией и вверена воссоединенному епископу Василию. Преосвященный Исидор перемещен из Полоцка в Могилев, и с тем вместе перечислены к Могилевской епархии воссоединенные, состоявшие по Могилевской губернии. На Преосвященного Смарагда, наделавшего столько суматохи в Полоцке, не полагались и перевели из Могилева, как прежде из Полоцка.

Распоряжения по этим перечислениям церквей поглощали большую часть моей деятельности в сем году. В особенности я старался воспользоваться древлеправославным духовенством, перечисленным ко мне от Минской и Полоцкой епархий. Многих из оного назначил благочинными почти над третью всех воссоединенных церквей Литовской епархии. Однако ж не в одном из них обманулся. Иные, вместо ожиданного скорейшего слияния, отдаляли оное неуместными притязаниями к смирному воссоединенному духовенству, так что нескольких нужно было сменить.

Я ходатайствовал о подчинении в сем же году и воссоединенного моего духовенства Подольской губернии тамошнему епархиальному начальству, но это отложено до будущего. Не не у места, однако ж, будет приложить здесь под № 49, 50 и 51 относящиеся к сему бумаги, именно: отношения к графу Протасову от 1 мая и 8 августа, а также предложение, данное консистории от сего последнего числа.

Перечисление к разным епархиям, сколь оно ни было хлопотливо, не останавливало, однако ж, других распоряжений, утверждавших и скреплявших совершившееся воссоединение.

Итак, в сем 1840 году сделано между прочим:

1) Вытребовано в первый раз для Литовской епархии св. миро из Киева. Оно прежде заготовлялось на месте для каждой униатской епархии.

2) Испрошены мной от Святейшего Синода для всех церквей общие Православной Церкви антиминсы, посвящены мной в Жировицах, разосланы по всем церквам, прежние ж униатские антиминсы вытребованы и преданы сожжению.

3) Сделано распоряжение, чтобы в западных губерниях поучения и изъяснения катехизиса произносились на простом наречии. Целью

было устранить польский язык, употреблявшийся для сего часто по воссоединенным церквам.

4) Сделано гласным право воссоединенного духовенства присоединять латинян и начало вдруг приносить порядочные плоды.

5) По прилагаемому при сем под № 52 представлению моему от 1 апреля, отпущены для Литовской епархии потребные богослужебные книги и затем прежние униатские служебники вытребованы и некоторое время хранились в архиве, а после преданы сожжению, по большей части в моем присутствии.

6) Независимо от книг, упомянутых в предыдущей статье, пожертвовано Святейшим Синодом 680 требников для Литовской епархии. Они разосланы по церквам, а прежние униатские требники вытребованы консисторией и преданы сожжению вместе с другими униатскими богослужебными книгами. Впрочем, все эти книги не могли быть вдруг изъяты из употребления. Многие хранились своевольно, особенно стариками, по привычке, и еще в течение почти десяти лет остатки их извлекались из употребления, иногда с маленьким понуждением.

7) Святейший Синод положил праздновать в западных епархиях богослужением и крестным ходом воспоминание о воссоединении униатов в первый четверг Петрова поста, в который чествуется латинами Св. Евхаристия (*Boże Ciało*). Кроме воспоминания, имелось здесь в виду отвлечь воссоединенный народ от означенного латинского торжества. Как сия последняя потребность чувствовалась не повсеместно, то и предоставлено усмотрению архиереев, где совершать это богослужение. Я оное сохранил только как воспоминание для некоторых местностей, но сам ни разу не служил. Впрочем, для лучшего о сем усмотрения прилагаются при сем под № 53 и 54 два отношения мои от 30 мая к Преосвященному Михаилу и к графу Протасову.

8) Назначены по моему ходатайству церковные причты во все уездные города Виленской губернии, чем обеспечена участь тамошних православных и дана возможность умножать их число. Приложения под № 55 и 56 – рапорт Святейшему Синоду от 10 июня и предложение консистории от 4 августа.

9) Положено прочное основание певчему архиерейскому хору назначением, по моему ходатайству, в августе месяце двенадцати надежных певчих из великороссийских епархий.

10) Осмотрены почти все церкви Литовской епархии посредством одиннадцати избранных мной надежных духовных сановников, и тем дано твердое направление совершившемуся в прошлом году воссоединению. Приложение под № 57 – предложение консистории от 13 августа.

Я сам посетил Ковно, Вильно и Гродно и осматривал не без пользы лежавшие по пути церкви.

Но замечательнейшим действием моим в сем 1840 году было посвящение в Вильне Николаевского собора и в Пожайске монастырской церкви. Оба великолепнейшие храма, принадлежавшие прежде латинянам, первый – иезуитам, а последний – монахам-камельдулам, изгнанным за участие в польском мятеже. Обе церкви переделывались еще при полоцком епархиальном начальстве, мне же досталось только их посвящение. Сам факт посвящения таких церквей, среди преобладающего римско-католического населения, был ненавистен сему населению; и неудивительно, что хотели отклонить посвящение в Вильне вестью, будто под собором подложено несколько бочонков пороху. Но напали не на труса. Я им сказал еще при посвящении собора и Пожайской церкви два первые мои слова на русском языке. Первое из них в особенности наделало много шуму. Я его набросал карандашом на досуге, а следовательно, со зрелым размышлением, в путешествии из Гродна в Вильно. Сказано, что сам факт посвящения таких церквей был для латинян ненавистен. Я решился при этом случае за один раз высказать им всю правду. В быстром и метком очерке указал на исторические факты и догматические положения и доказал, что правы не они, а мы, что хозяева в Вильне не они, а мы, – стал твердой здесь ногой и заставил всех воссоединенных смело смотреть в глаза римлянам. Об этом слове много было толков. Многие осуждали в угодность римлянам, но другие отдавали ему полную справедливость. Фельдмаршал князь Варшавский метко сказал мне о нем: «Вы одни могли его написать, вы одни могли его и сказать».

Я мало произнес слов – начал немножко поздно и, по непривычке, писать мне было не легко. Но старался пользоваться самыми эффектными случаями и произвести возможно глубокое впечатление. Слов моих было доныне только двенадцать. Они напечатаны в особой книжечке; и если бы о моей деятельности не осталось никаких других документов, то из сей одной книжечки можно бы иметь достаточное понятие и о деле, и о деятеле. Кстати здесь будет анекдотец. Попечитель учебного округа Грубер раз после возвращения из Петербурга сознался мне: «Я достал за вас дурака. В разговоре с графом Протасовым имел я глупость сказать о ходящей у нас молве, распущенной, вероятно, латинами: будто для вас проповеди пишут другие». «О, большие ж у вас в Вильне дураки, – отвечал Протасов, – когда в три года не умели узнать этого человека».

Прилагаю при сем в особой тетради под № 58 собственноручные мои письма к графу Протасову, отправленные из летнего объезда епархии, от 2, 5, 7, 8, 10, 17, 23 и 27 июня, 5 июля, 12 августа, 2, 9, 17 и 22 сентября. Эти письма многое восполнят, многое пояснят, а во всяком случае представят живую картину моей деятельности в это лето. До 1840 года записки, деловые бумаги и письма составлял я обыкновенно из поспешности на одном листе или лоскутке бумаги, и они в таком виде приложены по большей части черновыми при сих Записках. Я уверен, что многие из подобных бумаг совершенно затерялись. Но с сего года при покойном и правильном уже течении дел черновые бумаги, более важные и конфиденциальные, а также частные письма вносились и вносятся мной в особые тетради, которые и будут прилагаемы целиком при сих Записках.

Наступает 1841 год. К более выдающимся фактам сего года можно отнести следующие:

1) Окончательная управа с неблагонадежными священниками, а в особенности иноками. Они были под конец собраны в несколько монастырей. Это были самые буйные; но как они были по большей части и самые развращенные, то с ними не много церемонились. Несколько отправлено в Курскую обитель, несколько подвержено местному взысканию – и все на будущее успокоилось, лучшие приняли Православие.

2) Борьба постоянная с латинянами, старавшимися вредить Православию разнородными, прямыми или косвенными способами. Но это было прежде, было всегда и после – ни место, ни время не дозволяют здесь следить за этой борьбой, даже в некоторой части.

3) То же можно сказать о борьбе с чиновничеством, состоящим по большей части из латинян. Не только трудно было добиться законного содействия самым справедливым требованиям; но часто лучшие духовные из воссоединенных подвергались самым бестолковым придиркам, будто они не исполняют православных обрядов. Но повторяю, это было и прежде, и после – нечего о том говорить.

4) Курская обитель устроена временно, чтобы устранить туда монахов, могших противодействовать воссоединению. Теперь признано нужным не оставлять и этого униатского уголка, тем более что на него указывали, на него полагались неблагонадежные духовные, показанные в первом пункте. Эта обитель прежде ее закрытия подчинена Курскому Преосвященному в марте месяце.

5) Переведен по моему распоряжению на польский язык пространный православный катехизис, напечатан по приказанию Святейшего Синода и распространен между духовенством Литовской епархии. Этому дан предлог, что не все воссоединенные знают по-русски; но в сущности это сделано для распространения здравых понятий между латинами.

6) Разослана воссоединенному духовенству медаль, выбитая по случаю воссоединения униатов.

7) По моему представлению положено Святейшим Синодом подчинить местным православным епархиальным начальствам воссоединенных Киевской, Волынской и Подольской губерний. Эта мера с высочайшего соизволения приведена в действо в апреле месяце, и таким образом все западные епархии вошли в настоящие их пределы. Белорусско-Литовская коллегия осталась только для заведывания имуществом воссоединенного духовенства, пока не настала очередь и ее закрытия. Прилагаю при сем под № 59 нашедшуюся у меня черновую письма к архимандриту Леонтию Скибовскому; им старался я облегчить подчинение воссоединенных тамошним

епархиальным начальствам, против которых были они весьма предубеждены, и не без основания.

8) Разосланы к православным начальствам западных епархий ведомости о всех латинских приходах с показанием приписных каплиц и числа латинских прихожан, а также селений, в которых они проживают. Разумеется, это доставило некоторую пользу при наблюдении, но вовсе не положило пределов прозелитизму латинского духовенства.

9) Избраны по Литовской епархии общие духовники для духовенства, чего прежде здесь не бывало.

10) Избраны также церковные старосты на общем основании.

11) В сем году перевел я своих родителей из Киевской губернии в свою Литовскую епархию. Там отец был в беззащитном положении и довольно страдал от латинян. Здесь дал я ему приход в 130 верстах от Вильна, в Дзикушках, который ему понравился и по местности, и по качеству земли. Здесь родители мои дожили до восьмидесяти лет. Здесь праздновал я золотую их свадьбу. Здесь имел я сердечное удовольствие посещать их каждый год по разу или два в течение пятнадцати лет. А между тем не потерял и Дзикушский приход. Отец два раза обновлял, не без моего пособия, церковь, раз изнова, другой после пожара; а прихожан число более нежели удвоил из латинян своим умением и усердием.

Лето этого года, как два предыдущие, провел я в епархии или, лучше сказать, в епархиях. Тогдашние мои труды удвоились и усложнились поручением моему управлению и Минской епархии. От этих трудов и здоровье мое несколько пострадало.

Преосвященный Антоний был человек честный и прямодушный. Никто не помогал мне столь добросовестно по униатскому делу, как он. Но он более способен был действовать под распоряжением другого, нежели самостоятельно. Он был несколько мечтателен и не любил срочной, правильной, особенно письменной работы. Естественно, управление многосложной Минской епархией было ему несколько не по силам. Он утомился, заболел и, не выдержав и года, подал просьбу об увольнении. Здесь нелишним будет прилагаемое при сем вчерне под № 60 письмо мое к нему от

1 февраля. Признано необходимым иметь еще в Минске воссоединенного архиерея. Затем Преосвященный Антоний уволен в отпуск для поправления здоровья, мне же поручено в его отсутствие управлять Минской епархией с 6 апреля. Он пробыл несколько времени на покое в Литовской епархии, попользовался Друскеницкими водами, поправился здоровьем – и к концу августа отвезен мной в Минск, водворен вновь на епархии, но через несколько лет таки уволился совершенно на покой.

Я пробыл в Минске шесть недель. Устроил по возможности тамошние запущенные дела и дал им хорошее направление. Остальное время занимался в Жировицах и Вильне. Для наглядного усмотрения о моей деятельности сего лета отсылаю к письмам моим графу Протасову от 1, 13 и 28 мая, от 1, 12 и 14 июня, от 8, 14 и 28 июля, от 7, 14 и 30 августа, от 10 сентября. Письма эти заключаются в упомянутой выше тетради под № 58.

После возвращения в Петербург, кроме текущих дел, главным, кажется, занятием было участие в составлявшихся тогда штатах по духовному ведомству и проекте о предстоявшем взятии в казну населенных имений православного и римско-католического духовенства западных губерний. Прилагаю при сем нашедшиеся у меня вчерне: под № 61 замечания от 4 декабря на проекты штатов архиерейских, кафедральных и монастырских, православных и латинских, на трех листах; под № 62 и 63 две записки насчет взятия в казну духовных населенных имений. Прилагается также под № 64 записка насчет предположенного было оставления в латинстве совращенных униатов, остановившая до времени эту меру.

Перейдем к 1842 году. В нем следующие можно отметить факты:

1) Между униатами не было в употреблении награждать духовенство камилавками и скуфьями. Чтобы удобнее ввести этот обычай между воссоединенными, я испросил за один раз отличить камилавками одиннадцать высших духовных сановников в чине протоиерейском и имевших ордена. Тогда камилавки и скуфьи сделались для всех лестной наградой.

2) Не так легко было приохотить воссоединенное духовенство к отращению бороды и принятию костюма древлеправославного духо-

венства. Латиняне посеяли весьма сильные предубеждения, так что при воссоединении нужно было высочайшим повелением и синодальным постановлением обеспечить духовенству бритье бороды и ношение прежнего униатского одеяния. Оставалось одно – изменить в сем отношении духовенство по собственному его желанию. Еще прежде склонил я, для опыта, Преосвященного викария Антония, председателя консистории Тупальского и нескольких почетнейших духовных отрастить бороды и надеть рясы. Сам воздержался, иначе все бы перепугались. Но в настоящем году по поводу предстоявшего посещения русских святых мест отрастил я бороду и принял окончательно костюм православного духовенства. В таком виде показался повсеместно в епархии и сделал этот костюм почетным. Тогда явилось много желающих, тем более что я воспретил отращать* бороду и надевать ряску без моего дозволения и объявил, что таковое дозволение может быть дано только священникам достойным и хорошего поведения. Тут постепенно открылось соревнование – чего не имел права требовать, о том заставил просить: посыпались просьбы и поодиночке, и за подписью многих священников, так что в несколько лет воссоединенное духовенство и по наружности сделалось православным. Впрочем, я не очень настаивал и даже до последнего времени оставлял некоторых духовных в прежнем костюме, дабы показать здешним латинам, что у нас Православие состоит не в бороде и рясе.

3) В сем году сделана попытка к обращению униатов в Царстве Польском Преосвященным Варшавским Антонием. Униаты села Бабич присоединились к Православию и по высочайшему повелению назначен мной туда священник из Литовской епархии. Еще прежде назначен мной туда же священник в село Люхово, да после к какому-то другому присоединившемуся приходу; этим и кончились присоединения униатов в Царстве Польском.

4) Когда из моей епархии требовалось воссоединенное духовенство в Царство Польское, я старался приобресть для сей епархии священно- и церковнослужителей древлеправославных, дабы дать тому

---

* Отращать – отращивать. – *Прим. ред.*

духовенству надежных руководителей. Вызывал их неоднократно перепиской с православными архиереями, обращался к Святейшему Синоду; но и отношения мои, и предписания Синода не много принесли пользы. Удалось приобресть несколько достойных духовных по личному случайному выбору; остальные прибыли, каких и не желал, и не ожидал, – с трудом мог сбыть с рук. Тут я еще более удостоверился, сколько вреда принесло бы последование совету иных, чтобы к воссоединенным приходам назначить древлеправославных священников, – кроме вреда, наделали бы только гадостей. Разумеется, переселяются только такие, которые не могут получить места у себя. Где взять, и то вдруг, полторы тысячи хороших священников? Забавно мне случилось с Преосвященным митрополитом Московским. В бытность в Москве просил я его о наделении меня хорошими иноками. «Не поверите, как их мало у меня. Голова трещит, когда приходится искать кандидата на открывающуюся вакансию», – ответил он. Я не довольствовался сим, просил письменно. Ровно через пятнадцать лет получаю ответ, что по смерти письмоводителя нашлось мое отношение нераспечатанным и нужно ли удовлетворение? Я знал уже тогда, что отсюда не много ожидать хорошего, и отвечал, что поустроился уже от собственных средств. Но когда не мог сделать пользы в сем отношении митрополит Филарет с Москвой, то чего было ожидать от других?

5) В сем году издан вторым изданием известный перевод на польский язык «Разговоров между испытующим и уверенным о Православии Восточной Церкви» и распространен между духовенством западных епархий.

6) В сем году на испрошенную мной сумму началась перестройка в Вильне Свято-Духова монастыря и отделка великолепной церкви. Как бы предвидел, что буду здесь священноархимандритом и готовлю для себя. Трудился как строитель архимандрит Платон, ныне Преосвященный Рижский.

7) Заботился теперь же благовременно и о Виленском Николаевском соборе, будущем кафедральном. Местность сего собора самая лучшая в Вильне, но фасад его большей частью закрыт был от площади частным домом. Я вошел в сделку с местным началь-

ством об уступке оному ненужного духовному ведомству здания, называемого анатомическим театром, с тем чтобы означенный дом был куплен и сломан на городской счет, – и таки дождался, что мой кафедральный собор красуется ныне своим фасадом во всем великолепии.

8) Теперь начала меня занимать мысль, продолжавшаяся и в следующие годы, о возобновлении древней Пятницкой церкви в Вильне же. От нее остались только четыре стены. На обновление пожертвовал доход от издания древних документов тогдашний виленский губернатор, ныне сенатор Семенов. Сумма эта доходила до трех тысяч рублей серебром, и соответственно сему сделан скромный план возобновления церкви. Но в комиссии строительной путей сообщения умудрились сделать другой план, ценой в двенадцать тысяч рублей серебром. Что хуже, этот план не мог исполниться без сломки соседних зданий, которая потребовала бы, вероятно, ста тысяч рублей. Семенов обратил свою жертву на другое употребление, а развалины Пятницкой церкви остаются доныне в прежнем положении.

9) В сем же году по распоряжению моему устроен теплый придел в Виленском соборе во имя преподобного Сергия. Это первая в Вильне теплая православная церковь, за исключением домовой во дворце.

10) На этом месте нелишним будет вспомнить с благодарностью сделанные в этом году и предыдущих и последующих годах пожертвования на пользу воссоединенных церквей от духовных и светских лиц, особенно же от московских граждан, богослужебными книгами, святыми иконами, церковной утварью и священными облачениями. Эта обильная жертва не только удовлетворила первым потребностям сих церквей, но и скрепила узами братской любви само воссоединение.

11) Важно для меня, а отчасти и по общему впечатлению, путешествие, совершенное мной в сем году по России с высочайшего соизволения государя императора. Был в Новгороде, в Москве, в Сергиевской лавре, в Воскресенском монастыре, в Туле, в Задонске, в Воронеже, в Курске (в десятую пятницу), в Киеве, в Житомире, а оттуда через Волынь проехал в свою епархию. Видел многое, для

меня новое, занимательное, помолился всюду русской святыне, радовался доброму сочувствию православных, старался и их порадовать – и жалел только, что спешные тогдашние дела не позволили мне употребить более времени на это путешествие. Если бы кому хотелось знать подробности оного и мои впечатления, можно их видеть из писем моих к графу Протасову от 3, 8, 20 и 25 июня, а также от 9 июля. Письма сии приложены в тетради под № 65. На пути я виделся в Бресте для общих дел с Преосвященным Антонием Варшавским, после Петербургским митрополитом. В сей же тетради есть два занимательные письма мои к графу Протасову от 16 июля и 24 сентября по делам епархиальным.

12) В сем же году 30 августа было открытие Брестского кадетского корпуса, при котором присутствовал и я по высочайшему повелению, – освятил кадетскую церковь и произнес слово, оставшееся не без впечатления. Об открытии корпуса в той же тетради под № 65 есть письмо мое к графу Протасову от 3 сентября. Здесь не худо отметить, что мне давали понять стороной, будто генерал Ростовцев, присланный для открытия корпуса, желал, чтобы я произнес речь, им заготовленную. Я показал вид, что не понимаю, и сказал свое слово. Кажется, здесь ничего обидного для Ростовцева – только указывает на мой характер.

Но главным делом целого настоящего года было начавшееся еще в прошлом году дело о составлении штатов для духовенства и о взятии в казну населенных имений, тому духовенству принадлежавших. Оно меня истомило до устали. Нужно было заниматься составлением штатов архиерейских, консисторских, монастырских, приходских. Это было тем затруднительнее и щекотливее, что дело производилось в нескольких местах и надобно было многое ладить, а иногда совершенно себя маскировать. Нужно было эти штаты поверять, а после во многом исправлять и дополнять. Нужно было приводить их в исполнение многообразными распоряжениями и подтверждениями, по новости дела затруднительными. С населенными имениями было еще более хлопот. Нужно было привести их в точную известность, указать достоинство, оценить доход, указать пропорцию сего дохода к дополнительной сумме, потребной из государственного казначей-

ства; нужно было после сдать в казну эти имения, устранить многообразные недоумения, на всяком шагу встречавшиеся. Нужно было еще заботиться, чтобы терявшие имения не были обижены и сверх штата получили личное справедливое вознаграждение. Нужно было все сообразить с местными и личными обстоятельствами. Повторяю, труд был утомительный до устали, о нем стоило бы написать порядочную книгу, но нет теперь ни сил, ни досуга.

По возвращении в Петербург объявлено мне в 18 день ноября высочайшее повеление о присутствовании мне в секретном комитете по делам о раскольниках и отступниках от Православия. Это назначение, имевшее и полезную административную цель, было для меня очень лестно, потому что ставило меня в соприкосновение с высшими государственными сановниками. В комитете присутствовали два митрополита и три министра. Но меня тогда занимало решительное намерение устраниться окончательно от дел.

Выше сказано, что о сем просил я государя императора при самом воссоединении униатов и остался на месте только на два или на три года, пока это воссоединение утвердится. Теперь я считал назначение мое конченным и в 18 день декабря отправил к графу Протасову следующее отношение.

«Предав себя с 1827 года всей душой благому делу воссоединения униатов с Православной Церковью, сделав оное целью моей жизни, я вовсе не ослеплялся насчет будущей моей участи. Я знал, что с этим делом обратится на меня вся ненависть римляно-польской партии, сколько от негодования за прошедшее, столько, и, может быть, еще больше, от опасения за будущее. Я не ожидал поддержки и от православного духовенства – оно не знало моего участия в ходе дела, не могло понимать моих действий, а следовательно, и не могло питать ко мне, для него чуждому, особенного расположения. Мне нечего было ожидать и от лиц, участвовавших или считавших себя участвовавшими в деле воссоединения, – им, как водится, нужно было закрывать меня, чтобы выставлять лучше на вид самих себя. Я видел, что само правительство, от которого одного мог я ожидать поддержания, по необходимости уронит меня неизбежными прави-

тельственными мерами для слияния бывших униатов с Православной Церковью.

Вот почему во все двенадцатилетнее продолжение дела у меня было только одно личное желание, чтобы с воссоединением униатов устраниться совершенно от дел, быть забытым от всех и в мирном уединении провести остаток жизни, услаждаясь воспоминанием, что и я был небесполезным для отечества! Ваше Сиятельство не считали возможным удовлетворить сему моему желанию после совершения дела, и я не мог настаивать, так как для твердости сего дела участие мое было еще не ненужно, потому и ограничился я тогда прилагаемым у сего в списке всеподданнейшим прошением о совершенном увольнении меня от дел, по крайней мере, со временем.

Между тем проходит уже четвертый год, а Ваше Сиятельство остаетесь при том же мнении, что меня следует удержать на прежнем поприще служения. Мнение это я не умею и не желаю истолковать иначе, как неизвестностью Вам в точности моего положения. Посему покорнейше прошу извинить меня, если распространяюсь здесь несколько о сем предмете. Я никогда не любил, а может быть, и не умел говорить о себе – потому и наказан ныне необходимостью говорить больше, нежели мне желалось.

Мне нечего уже говорить о Петербурге, но в западных губерниях меня все очень хорошо знают. Там видели меня действующим всюду лично, по обеим униатским епархиям; там осязали, так сказать, последствия моих распоряжений, устранявших возможность противодействия; там знали, что Греко-унитская коллегия действовала вполне под моим влиянием, – и настоящим виновником воссоединения униатов признают меня; а действительным униатским митрополитом считали меня же, а не покойного Иосафата. Разумеется, по сему понятию они заключали и о заслугах моих перед правительством и Православной Церковью – и что же увидели?

Меня назначили председателем Белорусско-Литовской коллегии – и она с того времени существует только для постепенного ее уничижения и торжества Римско-католической коллегии. Епархиальное управление, то есть существенная и большая часть ее ведомства отошла от нее непосредственно; и подвластные ей прежде архиереи,

вместо указов, подписываемых заседателями, начали получать отношения от ее председателя. Постепенно отошли от коллегии и другие части ее управления, так что она осталась настоящей конторой, заведывающей миллионом рублей капитала. Сверх того, у всех был еще в памяти свежий пример назначения Минского епископа Евгения за один раз экзархом, архиепископом и членом Святейшего Синода, чтобы он мог председательствовать в Грузино-Имеретинской синодальной конторе, и потому сравнение Белорусско-Литовской коллегии с прочими синодальными конторами показалось как бы насмешкой надо мной. Далее, от управляемой мной непосредственно Литовской епархии перечислено постепенно к другим епархиям триста с лишком церквей, в четырех губерниях состоящих; так что, наконец, личное мое влияние, вместо десяти губерний, ограничено тремя и епархией неустроенной, в самых затруднительных обстоятельствах находящейся. Все это тем более удивляло, что, когда я получал таким образом толчок за толчком, снисходил все ниже и ниже, мои бывшие викарии получили епархии удобные, благоустроенные, даже по тогдашнему положению выше моей, и саном архиепископа сравнены со мной.

После сего неудивительно, что в западных губерниях три уже года считают меня разжалованным, ненавидимым, отвергаемым православными иерархами и поддерживаемым Вами самими только на некоторое время, для вида, пока нужно. Неудивительно, что римляно-польская партия смотрит на меня, как на свою жертву, и только выжидает, пока ее интриги раздавят меня, может быть, руками самого правительства и православного духовенства. Неудивительно, что сами русские чиновники и гражданские начальства скорее угождают той партии, нежели поддерживают меня в моем шатком положении. Ваше Сиятельство помните, что в прошлом году необходимо было высочайшее повеление государя императора, дабы охранить от своевольного занятия под арестантов собственный мой монастырь.

Я не думаю, чтобы в подобном положении кто-нибудь мог с честью и пользой занимать какое бы то ни было место, а тем более столь затруднительное, каково ныне литовского архиерея. Я вижу перед собой одно недоброжелательство, происки, наветы, клевету,

уничижение и позорное падение. То, что я уже испытал, что предвижу, лишает меня часто душевных и телесных сил для полезного служения. К тому же вижу, что участие мое в деле воссоединения по 1837 год давно уже забыто; не долго ждать, чтобы забыто было и последовавшее засим время, – и я вскоре не найду ни одного человека, который бы захотел принять во мне участие, который бы понимал мое положение, и предан буду на произвол каждого, кто захочет услужить моим и Православной Церкви недоброжелателям.

По сим причинам долгом поставляю обратиться ныне к Вашему Сиятельству и просить покорнейше повергнуть вновь к стопам всемилостивейшего государя просьбу мою от 26 февраля 1839 года об увольнении меня, уже ныне ненужного, совершенно от дел, дозволении жить частно в С.-Петербурге и великодушном облагодетельствовании средствами безбедного содержания. Я желал бы иметь при себе одного иеромонаха, по моему избранию, и в одной из комнат моей квартиры походную церковь, собственно для одного меня. Не откажите, Ваше Сиятельство, в ходатайстве Вашем перед всеавгустейшим государем об удовлетворении сей моей просьбы; да осчастливленный на всю жизнь буду славить милость его и спокойным сердцем молить Всевышнего о его многолетии и долгоденствии!

Я не обвиняю никого в нынешнем моем положении. Оно есть необходимое последствие подвига, которому я посвятил себя добровольно. Для совершения оного я не избегал никаких затруднений, никаких личных опасностей; я подавил в себе всякое самолюбие и честолюбие; я не отвергал никаких распоряжений, лично для меня вредных, и даже по большей части сам их предлагал – словом, я имел в виду один успех благого дела, а себя только утешал совершением оного и достижением цели настоящей моей просьбы. Горько-горько было бы, если бы меня обманула и эта последняя надежда!»

Кто до сих пор читал мои Записки, тот наверно не сочтет предыдущей бумаги ни пустой жалобой, ни малодушным поступком. Решимость устраниться от дел, после воссоединения, была всегдашним моим желанием и намерением, основывалась на убеждении в

необходимости сего и проистекала естественно из самого хода дела. В отношении к графу Протасову я многого не сказал бы, если бы это не было нужно для склонения к удовлетворению моей просьбы. Может быть, я воздержался бы еще на некоторое время подачей этой просьбы без крайнего утомления, которое тогда чувствовал. Может быть, воздержался бы еще и без следующего обстоятельства. Разнесся слух, по некоторым приметам довольно достоверный, якобы после митрополита Серафима хотят меня назначить Петербургским архиепископом. Не спорю, что эта мысль, если она действительно существовала, имела некоторые стороны очень уважительные. Но я ее испугался. Не только считал я себя несоответственным этому назначению по моему образованию и по моему предыдущему; но тяжелее всего была для меня мысль прийти в столкновение с иерархами Православной Церкви, в которую трудами всей моей жизни старался я внести единение, а не разъединение. Слухи о назначении меня Петербургским возобновлялись и после, со смертью каждого тамошнего митрополита. Они всегда меня тревожили и были поводом поведения моего в этих случаях, которого не могли изъяснить не знавшие моего настроения духа.

Вот что ускорило подачу моей просьбы. Я хотел предупредить кончину митрополита Серафима, которая последовала через два или три месяца. Граф Протасов избегал всяких объяснений со мной по означенному выше моему отношению, избегал по возможности и самих свиданий со мной. Потому обратился я к нему по тому ж предмету с двумя следующими отношениями от 26 февраля и 4 марта 1843 года.

«Причины, изложенные в отношении моем к Вашему Сиятельству от 18 минувшего декабря, кажется, убедят всякого, что дальнейшее служение мое и ненужно, и почти невозможно. Надеюсь, что и Ваше Сиятельство теперь в том убеждены. Я даже считаю, что удаление мое есть ныне моим долгом и будет действительной, хотя и последней с моей стороны заслугой. Оно предупредит для правительства и Церкви незавидную необходимость принести меня в жертву примирения с римляно-польской партией или освятить частные с ней сдел-

ки о моей участи, а может быть, устранит и столкновения, которых я был, кажется, поводом безвинно, и даже того не ведая.

Повторяю, я уверен, что Ваше Сиятельство сами убеждены, что мне теперь именно необходимо избавиться какой бы то ни было ценой от настоящего безнадежного положения. Я уверен, что предстоящее мне, со всех сторон и на всю жизнь, истязание не может быть полезно ни в каком смысле ни Церкви, ни правительству. Я уверен также, что отеческому сердцу всемилостивейшего государя не может быть противно успокоить наконец и обеспечить меня, усерднейшее орудие совершившегося уже невозвратно одного из лучших начинаний его на пользу России.

Посему с полным упованием обращаюсь вновь к Вашему Сиятельству и убедительнейше прошу об удовлетворении просьбы моей, изъясненной в помянутом выше отношении моем от 18 декабря прошлого года.

26 февраля».

«Сколько я ни думал, сколько ни рассуждал, а все выходило, что мое поприще должно кончиться ныне, как кончилось уже мое предназначение. Для большего в том себя убеждения я удержал целую неделю посылаемую теперь к Вашему Сиятельству просьбу – и результат остался тот же. Простите мне эту настойчивость – она вовсе не происходит от недостатка самоотвержения и твердости. Если бы я видел, что служение мое будет еще к чему-либо полезно, – поверьте, я бы не подорожил собой; меня бы не устрашили ни гонения, ни страдания, ни смерть – я бы их даже считал счастьем. Но я, напротив, вместо пользы, вижу от себя вред в будущем. Судя по всему, падение мое от действия разнородных, даже себе противоположных партий неизбежно, и тем позорнее, чем позже, – а едва ли это будет ободрительно для усердных слуг Церкви, едва ли ей принесет честь, едва ли для нее будет полезно.

Уважьте же, Ваше Сиятельство, эти причины и исходатайствуйте мне полную отставку, со сколько можно меньшим для меня посрамлением, со сколько можно меньшим торжеством для врагов моих

и Православной Церкви. Теперь еще, кажется, есть время – хотя самое удобнейшее было в исходе прошлого года. Ваше Сиятельство знаете, что я к Вам только одним могу ныне прибегнуть. Вам одним только могу вверить свою участь – не оставьте ж меня своим заступничеством.

4 марта».

Я начал было уже надеяться на осуществление моих ожиданий. По желанию графа Протасова составлена мной записка от 28 марта, о порядке закрытия Белорусско-Литовской коллегии, находящаяся в тетради, приложенной при сем под № 65. По сей программе закрыта в сем же 1843 году означенная коллегия. Но мои личные надежды рушились! В 9 день апреля сопричислен я к ордену св. Владимира I степени и объявлено мне через графа Протасова, что служба моя нужна еще государю императору. Разумеется, и без этого необыкновенного отличия, и без данного при сем случае весьма лестного на мое имя высочайшего рескрипта я обязан был исполнить волю государя. По крайней мере, опасение мое хотя отчасти уменьшилось. Митрополитом Петербургским назначен Преосвященный Варшавский Антоний. С другой стороны, в последнее время я более и более убеждался, что без меня воссоединенные подверглись бы тягостной участи; а я чувствовал себя обязанным заботиться о них и по долгу, и по сердечной признательности. Без сего последнего побуждения, по всей вероятности, я сделал бы тогда же новую отчаянную попытку освободиться от ожидающей меня тягостной участи.

Засим в конце апреля месяца возложен на меня высочайшей волей осмотр Полоцкой, Могилевской и Минской епархий. Лучшим очерком сего обзора, равно как и других действий моих в сем 1843 году, могут служить собственноручные письма и записки за сей год, находящиеся в приложенных при сем тетрадях под № 65 и 66. Из них более других заслуживают внимания: 1) записка от 9 мая, о недопущении учредить в Киеве латинскую епископскую кафедру; 2) отношения от 27 и 29 мая к графу Протасову, о положении Полоцкой епархии и о тамошних делах; 3) отношение к нему ж, графу Про-

тасову, от 12 июня, о положении Могилевской и Минской епархий; 4) секретное донесение Святейшему Синоду от 12 июня, о состоянии четырех осмотренных мной епархий.

Кроме осмотра четырех епархий, можно еще отметить за 1843 год следующие более замечательные факты.

Первое. Учреждение в Гродне женского монастыря. Найдя невозможным устроить оный из бывших униатских монахинь, я выписал их всех вместе с игуменьей из Могилевской епархии. Но мера сия не много принесла пользы – кажется, женские великороссийкие монастыри не в духе здешнего населения – и я не торопился учреждением в Литовской епархии другого женского монастыря, а впоследствии средства, для него предназначавшиеся, обратил на учреждение в Вильне училища для девиц духовного звания.

Второе. Преобразование в собор Ковенской Александро-Невской церкви и открытие Ковенской губернии, при котором я присутствовал и участвовал по высочайшему повелению. Об открытии сем в тетради под № 66 есть два конфиденциальные мои письма к графу Протасову от 26 июня и 5 июля. В них, кроме описания самого происшествия, можно найти объяснение о пущенной якобы в меня стреле во время богослужения и о бывшем маленьком столкновении между мной и некоторыми гражданскими начальствующими лицами.

Третье. Учреждение в городе Ковне второго викариатства Литовской епархии. Викарию местопребывание назначено в Пожайском монастыре, и первым викарием назначен архимандрит Виленского Свято-Духова монастыря Платон, нынешний Рижский архиепископ. Посвящение совершено мной в Вильне с подобающим торжеством – как описано в письмах моих к графу Протасову от 1 и 26 августа и 11 сентября, значущихся в той же тетради под № 66. Вот уже посвящены мной в Вильне шесть моих викариев, мной же избранных из числа подчиненных, – и все они оправдали избрание их достойным доныне служением.

Четвертое. Закрытие Белорусско-Литовской духовной коллегии, так что воссоединенные церкви с их епархиями остались в непосредственном заведывании Святейшего Синода. По случаю закры-

тия коллегии удостоился я весьма лестного высочайшего рескрипта от 14 августа.

После посвящения в епископы Преосвященного Платона отправился я из Вильна в Петербург вместе с другим моим викарием, Преосвященным Михаилом, которому выпросил я высочайшее дозволение посетить некоторые русские святые места по примеру других воссоединенных архиереев. Преосвященный Михаил отправился по назначению, я же остался в Петербурге.

Здесь дошел я до того положения и до тех обстоятельств, коих сущность и причины до сих пор для меня не ясны. Выше сказано, что я не любил шпионства, не любил разведывать косвенными путями. Неудивительно, что в настоящем случае не имел я верных и положительных сведений. Расскажу об этом положении и обстоятельствах, как я их знал и понимал.

Я застал в Петербурге какое-то таинственное в отношении меня молчание. Разумеется, это молчание более всего интересовало меня со стороны митрополита Антония и графа Протасова. Вначале я подумал, что невпопад прибыл в Петербург после закрытия коллегии, в которой я председательствовал. Но меня о том должны были предуведомить. Напротив, зная о предстоявшем закрытии коллегии, я перед выездом весной из Петербурга спрашивал графа Протасова, приезжать ли мне обратно из епархии, и получил решительный ответ: «Приезжайте». Притом же митрополит, по-видимому, очень во мне заискивал и многим обнадеживал – следовательно, прибытие мое не было лишним. Через некоторое время явился ко мне Скрипицын, директор департамента духовных дел иностранных исповеданий, – не знаю, от министра ли внутренних дел или от кого другого, мне не следовало расспрашивать. Он меня тоже обнадеживал и между прочим обещал: «Мы для вас сделаем митрополию». Выслушав все до конца, я только сказал: «Я не люблю интриги и не могу быть слепым орудием, велико слово, даже самого государя». Скрипицын сконфузился и только пробормотал: «Без интрижки не обойтись». Из сего я мог заключить, что затевают сменить графа Протасова и стараются приобресть во мне дельца для своей партии. Разумеется, это не было бы мне по сердцу. Отклонив годом прежде первое ме-

сто, как я мог согласиться занять второе, а особенно принять на себя главную за все ответственность.

После сего водворилось вновь совершенное молчание. Через некоторое время мне передали по секрету, якобы государь мной недоволен. Первой моей мыслью было: не переданы ли ему прописанные выше слова, что не могу быть орудием даже государя. Но после соображения мои пошли далее. Оставив меня в Петербурге после закрытия коллегии, наверно намеревались посадить меня в Синод. Между тем это весьма многим было не по сердцу. Не по сердцу было многочисленным недоброжелателям графа Протасова, которые могли меня считать его орудием, хотя я по своему характеру не мог быть ничьим орудием. Не по сердцу было синодальной и обер-прокурорской канцеляриям, а может быть, и самому графу Протасову, для которых мой независимый характер, моя энергия и уменье могли быть стеснительны. Не по сердцу было в особенности сильной латино-польской партии, повсюду разветвленной (у самого графа Протасова вице-директор был католик); она недоброжелательствовала мне за прошедшее, а еще более опасалась в будущем. Потому неудивительно, если все эти элементы действовали безмолвно за одно, чтобы не допустить меня к кормилу правления. Если бы я этого хотел сам, мне стоило только объясниться и податься на условия. Но для меня это место было ни по сердцу, ни по характеру, как уже сказано выше. К тому же и здоровье мое тогда ослабело. В двадцатилетнюю жизнь мою в Петербурге я поддерживался сильным моционом, обыкновенно по десяти верст в день. С принятием нового костюма эти прогулки сделались невозможны; и во мне развились сильно геморроидальные симптомы, до головокружений и обмороков, так что иногда, проходя по комнате, нужно было схватиться за какую мебель, чтобы не упасть.

Вот почему воспользовался я молчанием других, чтобы хранить и самому молчание. Разумеется, если бы я не получил еще так недавно отказа в увольнении меня на покой, то решился бы вновь просить о том же. Но это было теперь невозможно. К тому же я боялся обвинения в малодушии. Мне предстояло трудное и небезопасное дело учреждения в Вильне православной кафедры и устройство Литовской епархии – а я не привык отступать ни перед трудностями,

ни перед опасностями. Вот я отправил в епархию все свое двадцатидвухлетнее петербургское хозяйство с намерением уже сюда никогда не возвращаться; а затем и сам отправился в мае месяце без всяких объяснений, без всякого официального акта. Мое намерение также было выйти скоро на покой в епархии, если мне не доставят нужных средств для ее устройства.

Но я чувствовал себя оскорбленным неискренностью и двусмысленным ко мне поведением митрополита Антония и графа Протасова, считал их даже мне недоброжелательствующими – и вот я счел нужным, вроде протеста и завещания, написать перед выездом из Петербурга от 7 мая 1844 года следующее конфиденциальное письмо к московскому митрополиту Филарету.

«Еще не время, чтобы ход и обстоятельства благополучно совершившегося воссоединения к Православной Церкви бывших в империи униатов могли быть вполне раскрыты; и я не могу ожидать, чтобы оценено было по всей справедливости участие мое в совершении сего дела. Думаю, однако ж, что участие это не столь безызвестно, чтобы я не мог на него указать и призвать Бога во свидетеля чистоты моих намерений и побуждений. В порыве пламенной ревности я считал себя как бы призванным свыше для совершения этого дела; и если иногда мечтал о земной награде, то она представлялась мне лишь в мирном уединении, защищенном высшей властью от предстоявших мне неприятностей.

Этой мечты или, лучше сказать, постоянного желания, не припишите, Высокопреосвященнейший Владыко, недостатку твердости и усердия к дальнейшему служению Церкви – кто прошел подобное моему пятнадцатилетнее поприще, кажется, должен быть свободен от такового обвинения. Но устранение мое я считал всегда необходимым последствием моего поприща.

Естественно, совершение униатского дела возбудило ко мне ненависть господствующей в западных губерниях политическо-религиозной партии поляков и римлян, ненависть тем сильнейшую, что она сопровождалась опасением дальнейшего моего влияния на ее участь, – и я никогда не ожидал иметь от правительства столько

покровительства, чтобы оно могло меня обезопасить против этой партии. Напротив, я всегда думал, что наконец и ему наскучит меня поддерживать, а его чиновники будут и рады пожертвовать мной и тем заслужить тысячи благодарностей. В Церкви Православной я не ожидал, по крайней мере вначале, ни столько сочувствия, ни столько доверенности, сколько нужно для полезного служения в недрах ее – и это тоже естественно. Я новый пришелец, которого действия на пользу Церкви мало кому и то не вполне известны, а иными даже превратно толкуются; да притом чуждое воспитание и привычки, из детства вкоренившиеся, на всяком шагу будут оправдывать предубеждения против меня слабых, неведущих. Возможно ли в подобном положении дальнейшее полезное мое служение? И не должно ли было поприще мое кончиться необходимо падением, тем более для меня позорным, а для врагов моих и Православной Церкви утешительным, что оно совершилось бы посредством самой сей Церкви и правительства? С другой стороны, я думал, что назначение на мое место достойного древлеправославного архиерея заменит меня с сугубой пользой. Поддерживаемый полной доверенностью Церкви, не имея против себя никаких предубеждений, он не только стал бы твердой ногой в лице иноверцев, но и с большим успехом действовал бы на утверждение и устройство воссоединенной паствы.

Убежденный о сем вполне, я при самом довершении униатского дела подал прилагаемую при сем всеподданнейшую просьбу от 26 февраля 1839 года об увольнении меня совершенно от дел после упрочения последовавшего воссоединения. Четыре протекшие от сего годы не только не поколебали прежнего моего убеждения, но, напротив, вполне оное оправдали. Посему отношением от 18 декабря 1842, а еще с большей настойчивостью отношением от 26 февраля 1843 года просил я посредством г. синодального обер-прокурора об окончательном удовлетворении означенной выше всеподданнейшей моей просьбы.

В отношениях этих, прилагаемых у сего в списке, с полной, думаю, для всякого убедительностью изложены причины, по которым дальнейшее мое служение было и безнужно, и едва ли возможно. Однако ж причины сии не были уважены – я даже не получил ответа

на мои отношения. Между тем улучшилось ли положение мое со времени отправления оных? Может быть, я теперь более прежнего могу полагаться на участие ко мне Православной Церкви? Напротив, поляки и римляне считают приобретшими теперь для себя покровителя, а для меня недоброжелателя там именно, куда всякий православный должен обращаться с полной доверенностью; а обстоятельства, в которых я не только не участвовал, но о которых даже не знал, едва ли не усилили предубеждений против меня между православным духовенством. Может быть, я более прежнего могу теперь заставляться покровом правительства? Напротив, увольнение меня от должности председателя Белорусско-Литовской коллегии с ее закрытием, а также обстоятельства, сему сопутствовавшие и последовавшие, заставляют думать всех, что меня прогнали.

И после этого, когда все направлялось к тому, чтобы меня уронить в общем мнении, замарать, когда я не вижу, откуда мне надеяться помощи и покровительства, когда, напротив, всюду ожидает меня недоброжелательство и противодействие, мне предстоит преобразование паствы, исключительно составленной из воссоединенных, отступившей более других мест от древнего церковного порядка, перемешанной на пространстве трех губерний с преобладающим неприязненным римско-католическим населением, раздраженным новыми резкими преобразованиями и ожидающим еще дальнейших! Мне предстоит устройство новой епархии, с материальными средствами, гораздо скуднейшими против других западных епархий! На меня возложено перенесение епархиального управления с кафедральным и училищными штатами в город Вильно, кипящий ненавистным фанатизмом против православных, лежащий вне круга православного населения, с крайним отягощением для всех лиц, принадлежащих этому управлению, и для большей части прочего духовенства!

Не простительна ли для меня мысль, час от часу более утвердившаяся, что меня высылают туда, дабы только сбыть с рук, предать верной погибели с поруганием перед врагами Православия, бросить в лужу, дабы пройти по мне сухой ногой?

Я не хочу обвинять никого лично – боюсь приписать одному то, что, может быть, произошло совершенно от кого другого; тем более

что действительно я получал неоднократно удары, не зная, откуда они направлены. Я не знаю, кто действовал против меня по личному недоброжелательству, а кто по заблуждению; кто как орудие польско-католической партии, а кто по собственным видам или мелочной зависти и самолюбию? Да судит их Бог и собственная их совесть!

Но когда я ожидаю одного лишь страдания, одних препятствий с той именно стороны, откуда должен был ожидать помощи и защиты, когда за приготовленную погибель подарят меня разве гримасой фарисейского сожаления, когда, вероятно, будут чернить само имя мое и станут преследовать его клеветой даже за гробом, извинительно для меня оставить хотя несколько строк в единственное теперь возможное оправдание.

Вот причина, по которой решился я изложить Вашему Высокопреосвященству прописанные выше обстоятельства. Если мне суждено запечатлеть кровью настоящее поприще; если сподобит меня Всевышний положить страдальческую голову там, где покоятся мощи трех первых мучеников Православной Церкви, пострадавших в Литве за веру Христову, – помолитесь, Владыко, о грешной душе моей и поручите меня сочувствию Православной Церкви! Если ж мне предстоит долголетнее гонение и от своих, и от врагов, то еще более прошу молитв ваших: да подкрепит меня Всемогущий твердостью, не допустит предаться унынию в предстоящей тяжкой борьбе и избавит меня от клеветы человеческой! И Вы, Владыко, отдайте мне иногда справедливость перед людьми, как я ожидаю ее с полным упованием перед Судом праведным Божиим.

Впрочем, личную мою участь я всегда подчинял пользам службы, и все страдания, все неприятности постоянно скрывал в глубине моего сердца, так что даже о бумагах, препровождаемых ныне к Вашему Высокопреосвященству, никто до сих пор не знает, по крайней мере от меня. Посему прошу и Вас, Владыко, сохранить их, как мое завещание, не предавая преждевременному разглашению, дабы жребий, приготовленный одному человеку, не повредил делам общественным Церкви и государства.

Бог видит! Страдать и умереть от врагов Церкви и государства для меня не страшно – я на это всегда был готов и ожидал. Но видеть

себя оставленным, если даже не преданным тем же врагам от правительства, от начальства Православной Церкви, – грустно, весьма грустно. Впрочем, облегчив сердце сим душевным признанием перед архипастырем, к личным качествам коего и высоким заслугам Церкви питал я всегда глубочайшее уважение, я иду нетрепетно, без малодушия, по пути, предназначенному мне Провидением. Да будет святая воля Его! И да поможет мне Бог быть еще сколько-нибудь полезным Церкви Православной!»

Мне теперь попались два ко мне письма митрополита Московского. Прилагаю их при сем под № 67.

Думаю, что последние страницы сих Записок не оставят никого в недоумении насчет справедливости так часто возобновлявшихся моих опасений, моих скорбей и уныния. Я знал все стороны важного дела, на себя принятого, понимал и чувствовал лежавшую на мне ответственность. Видел, что у меня нигде нет надежной опоры, а противодействие и вражда – со всех сторон. Неудивительно, что прошлой осенью в Вильне государю императору, спрашивавшему меня о здоровьи, отвечал я: «Не совсем здоров, чувствую как-то ослабевшие силы; да и не удивляйтесь, Ваше Величество, – вить я более тридцати лет стою под выстрелами и чужих, и своих». Этих скорбных мыслей, надеюсь, никто не припишет во мне недостойному малодушию, кто только проследил доныне мое поприще. В этом удостоверят и наступающие шестнадцать лет, в которые с такой твердостью основал я в Вильне, среди господствующего латино-польского населения, православную кафедру и устроил новую Литовскую епархию. Но я всегда возлагал упование на Господа и надеялся на государя.

Здесь приходится кончить третью часть Записок. В два месяца написал я их две части. Это слишком поспешно. Спешил, не надеясь ни на здоровье, ни на долгую жизнь. Хотел составить хотя канву для происшествий, связать их между собой и облегчить труд другому, кто пожелает заняться этим делом. Впрочем, вся сущность в приложениях к сим Запискам. Если Бог даст время и силы, буду продолжать эти Записки до настоящего 1861 года по собранным и приве-

денным уже в порядок материалам. Теперь предстоит мне весеннее лечение – не знаю, к лучшему или к худшему. А впрочем, и другие занятия, может быть, отвлекут меня надолго от Записок.

Опись документов, приложенных при третьей части Записок Иосифа, митрополита Литовского

№ 1 Записка, составленная 4 января 1837, о тогдашнем положении униатского дела и способах доведения оного к предположенной цели.

№ 2. Записка от 18 февраля 1837, об обвинениях, взведенных на монахов Виленского базилианского Свято-Троицкого монастыря, и о назначении сего монастыря для литовского епископа.

№ 3. Два конфиденциальные письма к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову от 12 и 26 июня 1837, писанные во время путешествия, о тогдашнем положении обеих униатских епархий.

№ 4. Записка от 13 октября 1837, о противодействии униатскому делу белорусских помещиков.

№ 5. Записка подробная от 3 октября 1837, о состоянии обеих униатских епархий во всех отношениях.

№ 6. Записка от 13 октября 1837, дополнительная к предыдущей записке и относящаяся преимущественно к отставшей Белорусской епархии.

№ 7. Журнал действий во время визитации 1837 года.

№ 8. Записка от 3 октября 1837 по письму двадцати благонадежных униатских священников Царства Польского, о притеснениях, претерпеваемых тамошними униатами от римлян.

№ 9. Перевод письма, полученного 24 июля 1837 от двадцати священников, упомянутых в предыдущем 8 №.

№ 10. Записка о способах действования на обращение униатов в Царстве Польском.

№ 11. Список с предложения, данного Литовской консистории от 15 апреля 1837 за № 239, о подвержении суду римско-католических ксендзов, совращающих униатов.

№ 12. Список с отношения к правителю Белостокской области Гунаропуло от 7 июля 1837 за № 354, о внушении шести его совратившимся чиновникам возвратиться к собственному их униатскому обряду.

№ 13. Список с предложения, данного Белорусской консистории от 31 мая 1837 за № 323, о небрежении тамошнего духовенства в устройстве по церквам иконостасов и о шестимесячном сроке, назначенном для восполнения сего.

№ 14. Список с предложения, данного Белорусской консистории от 31 мая 1837 за № 324, насчет снабжения церквей книгами Евангелия и Апостола.

№ 15. Список с предложения, данного Белорусской консистории от 5 июня 1837 за № 325, о данном поручении Преосвященному Василию Лужинскому по делам Белорусской епархии.

№ 16. Список с донесения в коллегию от 5 июня 1837 за № 326, о состоянии Белорусской семинарии и уездного при ней училища.

№ 17. Список с донесения в коллегию от 27 июля 1837 за № 460, о состоянии Литовской семинарии и училища при ней.

№ 18. Список с донесения в коллегию от 27 июля 1837 за № 461, о состоянии духовных училищ Вербиловского, Оршанского, Ляденского, Супрасльского и Кобринского.

№ 19. Отношение графа Протасова от 3 марта 1838 за № 104, о назначении Преосвященного Литовского Иосифа председателем Греко-унитской духовной коллегии.

№ 20, 21. Две записки от 12 и 18 апреля 1838, об удостоении наград заслуженных духовных по Литовской епархии.

№ 22. Записка от 10 июня 1838, с мнением об участи вызванных по высочайшему повелению в С.-Петербург неблагонадежных иеромонахов Андрушкевича и Лисовского.

№ 23. Записка от 1 декабря 1838, о способах порешить окончательно воссоединение униатов с Православной Церковью.

№ 24. Проект акта присоединения униатов к Греко-Российской Церкви, составленный 30 января 1839.

№ 25. Черновое письмо к епископу Антонию Зубко от 24 января 1839, при котором препровожден был акт воссоединения для подписи в Жировицах начальствующим духовенством.

№ 26. Черновое письмо к графу Протасову от 8 февраля 1839, из Полоцка, об усмирении бывшего между тамошним униатским духовенством волнения и о приближающемся воссоединении.

№ 27. Копия указа Святейшего Синода от 14 апреля 1839 за № 3928, о совершившемся присоединении Греко-Унитской в России Церкви к Православно-Кафолической Церкви.

№ 28. Подлинная грамота Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода от 30 марта 1839, о том же.

№ 29. Список с отношения графа Протасова от 28 марта 1841 за № 1969, о выбитой медали в память воссоединения униатов.

№ 30. Отношение графа Протасова от 30 апреля 1839 за № 566, о высочайшем соизволении на облегчение воссоединенным некоторых местных обычаев.

№ 31. Черновое отношение к графу Протасову от 26 февраля 1839, об интриге, породившей всеподданнейшую просьбу, поданную по доверенности 111 священников Белорусской епархии против воссоединения.

№ 32. Две записки: от 26 сентября 1839, с удовлетворительно-успокоительным сведением о последствиях воссоединения, и от 28 того ж сентября, о предположении взять в казну церковные имения с крестьянами.

№ 33, 34, 35, 36, 37, 38. Шестнадцать черновых писем, писанных к графу Протасову из путешествия по обеим епархиям в июне, июле, августе и сентябре 1839 года.

№ 39. Записка о поставлении из воссоединенного духовенства двух викариев для обеих воссоединенных епархий.

№ 40. Список с предложения, данного Литовской консистории от 3 июня 1839 за № 489, о воспрещении давать при крещении имена святых, свойственные Латинской Церкви.

№ 41. Список с отношения к Филарету, митрополиту Киевскому, от 29 апреля 1839 за № 359, с поручением его вниманию и покровительству воссоединенного духовенства Киевской губернии.

№ 42. Список с предложения, данного Литовской консистории от 28 июня 1839 за № 594, о разрешении священникам древлеправославным и воссоединенным поручать друг другу исправление духовных треб своим прихожанам по местному удобству.

№ 43. Список с отношения к графу Протасову от 15 марта 1839 за № 197, об открытии в г. Курске временной униатской обители.

№ 44. Список с отношения к графу Протасову от 4 мая 1839 за № 382, о порядке объявления актов о воссоединении.

№ 45. Список с предписания игумену Тригурского монастыря Скибовскому от 22 июля 1839 за № 798, о сопротивлении воссоединению, обнаруженном по Овручскому уезду.

№ 46. Список с отношения к киевскому военному губернатору Бибикову от 24 августа 1839 за № 969, касательно воссоединения униатских священников Киевской губернии и уездов Овручского и Житомирского Волынской губернии.

№ 47. Список с отношения к графу Протасову от 10 ноября 1839 за № 1167, о последовавшем совершении исповеди и Св. Причастия по православному обряду упорствовавшими бывшими униатскими прихожанами по Овручскому уезду.

№ 48. Список с отношения к графу Протасову от 8 июля 1839 за № 670, о числе неблагонадежного духовенства Литовской епархии, оставшегося после воссоединения.

№ 49. Список с отношения к графу Протасову от 1 мая 1840 за № 461, с мнением о перечислении от Литовской к Подольской епархии воссоединенного духовенства с паствами, состоящего в Подольской губернии.

№ 50. Список с отношения к графу Протасову от 8 августа 1840 за № 1041, по предположениям Преосвященного Подольского, об устройстве тамошней воссоединенной паствы.

№ 51. Список с предложения, данного Литовской консистории, от 8 августа 1840 за № 1042, о сделании наставления Каменец-Подольскому воссоединенному благочинному Лабейковскому.

№ 52. Список с рапорта Святейшему Синоду от 1 апреля 1840 за № 342, об отпуске для Литовской епархии недостающих богослужебных книг.

№ 53. Список с предложения викарному епископу Михаилу от 30 мая 1840 за № 580, об отслужении им в Жировицком кафедральном соборе торжественного молебствия в память воссоединения униатов.

№ 54. Список с отношения к графу Протасову от 30 мая 1840 за № 582, касательно введения по церквам предписанного Св. Синодом молебствия в память воссоединения.

№ 55. Список с рапорта Святейшему Синоду от 10 июня 1840 за № 647, с мнением насчет учреждения православных причтов по уездным городам Виленской губернии.

№ 56. Список с предложения, данного Литовской консистории, от 4 августа 1840 за № 1001, о приступлении к назначению православных причтов в уездные города Виленской губернии.

№ 57. Список с предложения, данного Литовской консистории, от 13 августа 1840 за № 1086, о поручении осмотра церквей Литовской епархии избранным духовным сановникам.

№ 58. Тетрадь с черновыми отношениями и письмами: от 2, 5, 7, 8, 10, 17, 23 и 27 июня; 5 июля; 12 августа; 2, 9, 17 и 22 сентября 1840; 1, 13, 28 мая; 1, 12, 13, 14 июня; 8, 14, 28 июля; 7, 14, 30 августа; 6 и 10 сентября 1841 года.

№ 59. Черновое письмо к архимандриту Леонтию Скибовскому, о причислении к Волынской епархии воссоединенных церквей тамошней губернии.

№ 60. Черновое письмо к Преосвященному Минскому Антонию от 1 февраля 1841, по случаю поданной им просьбы об увольнении на покой.

№ 61. Замечания от 4 декабря 1841, на проекты штатов архиерейских, кафедральных и монастырских, православных и латинских.

№ 62, 63. Две записки, из которых первая от 15 октября 1841, насчет взятия в казну духовных населенных имений.

№ 64. Записка от 28 декабря 1841, насчет предположенного было оставления в латинстве совращенных униатов.

№ 65. Тетрадь с черновыми отношениями и письмами: от 3, 8, 20, 22, 25 июня; 9, 16 июля; 27 августа; 3, 24 сентября; 10, 23 октября; 18 декабря 1842; 26 февраля; 4, 28 марта; 9, 22, 27, 29 мая и 12 июня 1843 года.

№ 66. Тетрадь с черновыми отношениями и письмами: от 12, 26 июня; 5, 11, 27 июля; 1, 26, 28 августа; 11 сентября 1843; 7, 10 мая и 11 июня 1844 года.

№ 67. Два письма Филарета, митрополита Московского, от 2 июня 1844 за № 20 и 7 января 1845, по поводу конфиденциального к нему отзыва Иосифа, архиепископа Литовского, от 7 мая 1844 за № 757, о личных своих обстоятельствах.

За исключением № 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 27, 28, 29, 30, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 67, все остальные приложения, здесь поименованные, писаны вчерне или набело собственной рукой митрополита Иосифа.

Записки, собственноручно писанные Иосифом, митрополитом Литовским

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

(Писана в октябре 1861 г.)

Прошло пять месяцев пребывания в тринопольском загородном доме, на которые возлагал я надежду и которые, однако ж, весьма мало подействовали на укрепление сил моих. Нужно воспользоваться и этими силами, авось не удастся ли довершить сии Записки, хотя в таком виде и объеме, в каком продолжались доныне.

С выездом в 1844 году из С.-Петербурга у меня имелись в виду следующие важные предметы, способные поглотить самую напряженную деятельность.

Во-первых. Большая половина воссоединенных распределены к древлеправославным епархиям Минской, Полоцкой, Могилевской, Волынской, Киевской и Подольской, где учебная часть и епархиальное управление с давнего уже времени были нормально устроены. Моя Литовская епархия была чисто воссоединенная. В ней нужно было все устроить применительно к другим православным епархиям.

Во-вторых. В прочих епархиях воссоединенные вошли в соприкосновение и смешение с преобладающей массой древлеправославного духовенства и народа, а следовательно, преобразование их и защита от иноверческого влияния были легче и удобнее. Литовская епархия состояла почти из одних воссоединенных, и преобразование их, с одной стороны, было затруднительнее, с другой – для сего менее представлялось средств.

В-третьих. В других епархиях латиняне были слабы и по своей численности, и по сравнению с православными. В Литовской епархии, три губернии в себе заключавшей, полтора миллиона латинян, то есть почти две трети всех римских католиков Российской импе-

рии, тяготеют на семьсот тысяч воссоединенных, еще в Православии не довольно утвердившихся, а тем самым более подверженных влиянию и наущениям латинян.

В-четвертых. Другие епархиальные управления утвердились долговременным существованием и приобрели нужное влияние в своих местностях. Мне предстояло перевести епархиальное управление в Вильно и устроить оное там со всеми его частями среди преобладающего, неприязненного и фанатического римско-католического населения и духовенства.

В-пятых. Нужно еще прибавить, что Литовская епархия соприкосновенна с запада более нежели на пятьсот верст с Царством Польским и подвержена влиянию господствующего там католицизма и полонизма.

Таким образом, мне приходилось: образовать почти сызнова целую епархию в самых затруднительных обстоятельствах, утвердить исключительно воссоединенный народ и духовенство в воспринятом недавно исповедании и повиновении Православной Церкви, защищать его от преобладающего влияния латинян, бороться с могущественной польско-латинской партией, быть как бы оплотом против сей партии других православных епархий. Труд тяжелый и ответственность опасная – легко поймут хотя сколько-нибудь знакомые со здешним краем и со здешними обстоятельствами.

Труд этот, я думал и теперь думаю, был бы для меня легче и успешнее, если бы я проживал по-прежнему в Петербурге, в ближайших сношениях с правительственными властями. Вместо того я вынужден отправиться в епархию. Это не только лишило меня прежних средств и прежнего влияния, но и уронило несколько перед своими и перед чужими. Латиняне разнесли весть, что меня прогнали, как собаку, сами православные.

Нужно было зрело подумать о будущем. С одной стороны, мне очень желалось исполнить давнишнее мое намерение – выйти в отставку, провести остальную жизнь в мирном уединении; с другой – я видел, что при тогдашних обстоятельствах я этим доставил бы только торжество римлянам. Сверх того, я как-то чувствовал тогда и силы, и желание потягаться еще с ними за Русь и за Православие.

Из приложений к предыдущим частям Записок видно, что моей мыслью было, дабы униатское дело было и средством, и указанием для дальнейшего действия на самих латинян.

Порядочно обдумав все обстоятельства, я решился на следующее. Положил испросить необходимые средства для устройства Литовской епархии и тем не только обеспечить дальнейшую свою деятельность, но и увериться в готовности правительства доставить мне на моем поприще нужное пособие и покровительство. В случае успеха моих представлений я решился послужить еще деятельно и усердно. В противном случае я положил выйти на покой.

В это лето граф Протасов был за границей, на водах, и на возвратном пути намеревался посетить меня в Вильне. Вместо того чтобы отправиться в Вильно, я к нему отправил из Жировиц следующее собственноручное конфиденциальное отношение от 23 августа 1844 года за № 1414 с приложением четырнадцати особых требований.

«Убедившись в невозможности освободиться приличным образом от дальнейшего участвования в делах, я решился было прошлой весной переселиться к осени в Вильно, полагая, что этим исполню волю начальства. И вот как оно пособило мне на первом шагу в исполнении сего намерения!

Я не говорю о назначении тысячи рублей серебром на первоначальное обзаведение Виленского архиерейского дома экипажем, столовой и кухонной посудой и на восполнение мебели – здесь или хотели подшутить надо мной перед виленской публикой, которая знает, как и в Петербурге, что на тысячу рублей нельзя приобресть и одной хорошей кареты; или желали доставить мне случай обзавести архиерейский дом на собственный счет, а через полгода прогнать. На обзаведение архиерейского дома в Полоцке отпущено в 1833 году десять тысяч руб. ассигн. – вероятно, думали, что уездный город Полоцк требует лучшей репрезентации, нежели Вильно.

Но вот что важнее. С переселением в Вильно мне нужно было взять певчий хор и для этого перевести туда училища из Борун – и вот мне предложили разрешить переведение сих училищ, но без нужного для сего штатного положения; так что казеннокоштных воспитанни-

ков сих училищ пришлось бы оставить в нужде по соразмерной дороговизне в Вильне содержания, а своекоштных поставить в совершенную невозможность продолжать учение. Мне нужно было перевести с собой в Вильно консисторию – и вот присылают мне указ Св. Синода от 11 мая, по которому поступают в казну имения от трех членов консистории, а о вознаграждении их велено представить тогда, когда по передаче в казну имений приведены будут в точную известность все надобности, которые могут быть отнесены на счет доходов с тех имений; так что духовные сии при предстоящем им в Вильне дорогом содержании не только лишатся на неопределенное время прежних доходов, но и поставлены будут в опасение лишиться сих доходов вполне или отчасти. Разумеется, это был бы славный эффект – тащить за собой в Вильно духовенство недовольное, плачущее.

Простите, Ваше Сиятельство, этот угрюмый взгляд на предметы. Поверьте, он основывается не на одних приведенных здесь фактах. Я давно замечал, что представления мои или принимались с недоверчивостью, или же им противодействовали. Я удивлялся неоднократно сметливости в лучшую иногда меру ввернуть какую-нибудь фразу, которая или парализировала, или затрудняла исполнение, – и часто мне стоило менее труда привести в действо саму меру, чем устранить вредные последствия сопряженных с ней некстати обстоятельств. Разумеется, я приписывал вначале все это неизвестности новому начальству многих обстоятельств воссоединенного ведомства; после – неумению и нежеланию моему действовать через канцелярии; но наконец по необходимости вкоренилась во мне мысль о недоброжелательстве ко мне с той именно стороны, откуда я должен бы ожидать единственно пособия и покровительства.

После сего, Ваше Сиятельство, не удивитесь, если я Вам скажу, что перед выездом из С.-Петербурга нашел я нужным оставить род завещания, которое бы охранило хотя несколько мою память от позора, по-видимому, мне приготовляемого. Неудивительно также, если, при опасении постоянном на предлежащем поприще иметь вместо помощи препятствия, я нашел нужным прежде переселения в Вильно приготовить для сего все, что может обеспечить несомненную пользу сей важной меры.

Посему долгом поставляю просить покорнейше Ваше Сиятельство обратить благосклонное внимание на следующие, прежде от меня последовавшие, а также ныне при сем прилагаемые представления в отношениях к Вам:

1. От 7 марта сего года за № 443, касательно новых штатов для Виленских Свято-Духова и Троицкого монастырей и переименования первого лаврой.

2. От 7 того же марта за № 444, касательно наделения угодьями Виленского архиерейского дома и управляемого мной монастыря.

3. От 8 того ж марта за № 458, о штатах для Литовской семинарии и перемещении оной в Вильно в Троицкий монастырь.

4. От 8 того ж марта за № 459, о штатах для уездных и приходских училищ Литовской епархии с двумя бурсами в Вильне и Жировицах.

5. От 21 сего августа за № 1402, о перемещении в Виленский, бывший миссионерский, монастырь Мядзельского женского православного монастыря.

6. От 21 сего ж августа за № 1403, о причислении к Виленскому Свято-Духову монастырю зданий упраздненного покармелитанского монастыря.

7. От 21 сего ж августа за № 1404, об определении штатных причтов к древней Виленской Николаевской церкви и к церкви Бытенского монастыря, обращаемой в приходскую.

8. От 21 сего ж августа за № 1405, о переведении Бытенского монастыря в Жировицы.

9. От 21 сего ж августа за № 1406, об увольнении протоиерея Ипполита Гомолицкого от должности ректора семинарии и награждении его пенсией.

10. От 22 сего ж августа за № 1408, о назначении некоторых духовных на штатные вакансии по Виленскому кафедральному собору.

11. От 22 сего ж августа за № 1409, об оставлении за протоиереем Тупальским по-прежнему 1 000 руб. сер. столовых денег и причислении его сверх штата к Виленскому кафедральному собору.

12. От 22 сего ж августа за № 1410, о вознаграждении некоторых духовных за отходящие от них в казенное ведомство имения.

13. От 22 сего ж августа за № 1412, о назначении пособия разным духовным и светским чиновникам, по случаю перемещения их из Жировиц в Вильно.

14. От 22 сего ж августа за № 1413, о приписании некоторых домов Троицкого монастыря к Виленскому кафедральному собору для помещения соборян и консисторских чиновников.

Ваше Сиятельство не можете сами не видеть, что с разрешением этих представлений перемещение в Вильно и основание там иерархической православной власти пойдет стройно по всем частям; в противном же случае не стоит трогаться из Жировиц не только по отношению ко мне, но и для самой общественной пользы. Да впрочем, и грешно было бы не удовлетворить этих представлений. Они необходимы и не требуют особых средств со стороны правительства, кроме прибавки к прежним некоторой суммы по штатам для семинарии и училищ. Надеюсь, однако ж, что прибавка эта не покажется тягостной, если не по сущей необходимости, то по крайней мере из уважения к обещанной некогда для униатского ведомства академии. Я опасаюсь только одного, именно привычки по духовному ведомству, как мне показалось, для получения потребного представлять втрое и четверо более, – и неудивительно, если по моим представлениям, соображенным с точностью, получу, пожалуй, вместо потребного фунта хлеба на человека, только четвертую долю».

Из упомянутых в сем отношении четырнадцати бумаг прилагаются здесь десять под № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Они укажут на тогдашнее местное положение и потребности, а также на соображения мои и общность мер, принятых к твердому основанию в Вильне православного епархиального начальства и устройству Литовской епархии.

Не ограничиваясь прописанным отношением, я написал к графу Протасову следующее особое письмо от 24 того же августа, в котором указывал на готовность мою выйти на покой:

«Как бы в подтверждение важных побуждений, заставивших меня неоднократно просить об увольнении на покой, Бог посещает

меня час от часу более и физическими недугами. Ничтожнейший пупырышек, раздраженный еще в пути из С.-Петербурга и оставленный долго без внимания, произвел рану, принудившую меня почти полтора месяца оставаться в Жировицах без привычного движения. Этот недостаток сильного движения был, вероятно, причиной усиления геморроидальных симптомов; а случайный сквозной ветер поразил мне голову сильным ревматизмом, который хотя уже и проходит, но требует еще лечения и предосторожностей, чтобы не дать ему усилиться и застареть против осени и зимы.

Этот недуг препятствует мне, к сожалению, прибыть в Вильно к проезду Вашего Сиятельства. Впрочем, в нынешнем моем положении, я, вероятно, скорее бы помешал, нежели помог Вам принести преднамеренную Вами пользу по тамошним обстоятельствам; бумаги же, препровождаемые теперь, при отношении к Вашему Сиятельству от 23 сего августа за № 1414, объяснят Вам почти все потребности для предполагаемого перемещения в Вильно епархиального управления. Если мне придется остаться в Вильне, то через год или два надеюсь с Божией помощью принять Вас здесь при обстоятельствах, вполне утешительных и для Вас, и для меня, и для Церкви Православной – а теперь… Бог с вами всеми!»

Прописанные здесь два письма к графу Протасову и письмо мое к митрополиту Филарету, заканчивающее предыдущую часть Записок, которое назвал я своим завещанием, могут объяснить во многом и мой характер, и мой образ действия. Напрасно бы в них кто видел малодушные жалобы. Это бой, это тактика. Мелкие обиды, мелкие несправедливости, мелкие неудачи прикрывал я обыкновенно бесчувственным равнодушием, не теряя напрасно сил в мелочной борьбе. Но умел выжидать случая, умел найти верный момент; и тогда все, долго хранившееся и накипевшее в сердце, вырастало в единый общий неодолимый поток. Сильный чистотой моих намерений и действий, я ничем не останавливался – и Господь за меня поборал. Так было во многих случаях моей предыдущей жизни, так было и теперь. Означенные выше мои представления, по большей части, вполне удовлетворены безотлагательно, а другие в несколько лишь

измененном виде, некоторые только подверглись отсрочке. И все это сделано с такой предупредительностью, что можно было полагаться и на дальнейшую готовность помогать мне во всем. Таким образом, и на этот раз оставил я мысль о покое и начал готовиться серьезно к переселению в Вильно.

Нелишним, однако ж, будет указать еще хотя на некоторые факты, прежде переселения в 1844 году случившиеся. Таковы, например:

1) Испрошена мной передача для литовского кафедрального собора ризницы, принадлежавшей бывшим униатским митрополитам. В ней нашлись некоторые древности от времен доуниатских, которые хранятся в Виленском соборе как достопримечательности.

2) Куплен у графа Мостовского в Вильне дом для помещения православного архиерея за 22 000 рублей серебром. Дом этот на самой лучшей площади в Вильне, возле самого кафедрального собора. Он перестроен только в последние три года и ныне служит украшением местности.

3) Учреждено для Литовской епархии на общем основании попечительство о бедных духовного звания. При сем случае пожертвован мной для попечительства капитал в тысячу пятьсот руб. серебром.

4) Принят мной с разрешения Святейшего Синода латинский священник Антоний Петкевич. Я его уговорил остаться в священстве и, продержав несколько при себе в Жировицах, назначил к Ковенскому собору. Теперь он в Вильне при кафедральном соборе и представляет единственный пример удачного присоединения из латинских ксендзов. Прочие, присоединенные другими Преосвященными и мной, почти без исключения, выйдя в светское звание, стали укором для Церкви Православной, так что я впоследствии отклонял и затруднял присоединение ксендзов.

5) Я обратил особенное внимание в Жировицах на образование архиерейского певчего хора, что и удалось мне изрядно с Божией помощью. Впрочем, мне облегчили это выписанные двенадцать певчих из других епархий.

6) Нелишним будет приложить здесь в списках: *а)* под № 11 предложение консистории от 6 мая за № 750, об образовании к дьячковским должностям праздных священно- и церковнослужительских

сыновей; *б)* под № 12 резолюция моя Преосвященному Платону от 4 августа за № 1286, неважная сама по себе, но указывающая на мой незастенчивый образ действия с моими викариями; *в)* под № 13 предложение консистории от 6 декабря за № 2218, относительно священников, имеющих жен и дочерей, принадлежащих римско-католическому обряду; *г)* под № 14 предложение консистории от того ж 6 декабря за № 2221, о мерах заставления священно- и церковнослужителей отдавать детей своих в духовные училища.

Но этим приложениям не было бы конца, если бы не приходилось ограничиться за огромностью работы. Между тем эти приложения характеризуют и дело, и время лучше, может быть, чем настоящие мои Записки. Не знаю, найдется ли у кого столько терпения, чтобы просмотреть до тридцати фолиантов моих протоколов за время управления епархией. Может быть, нашлось бы что и замечательнее моих приложений, иногда взятых на выдержку.

Здесь неизлишним будет сказать несколько слов о Жировицах, местопребывании епархиального начальства и семинарии, в начальные двенадцать лет моего управления Литовской епархией. Сама эта местность и образ моей там жизни имели много влияния на успех дела.

Это было прелестное местоположение, в десяти верстах от города Слонима, холмообразное, покрытое рощами, смотрящее к востоку через пространные луга на реку Щару и на обширные за ней леса. Здесь на одной из возвышенностей, среди холмов, обильных ключей и прудов, красуется огромный монастырь с несколькими каменными церквами, окруженный пространными садами. С двух сторон монастыря, по большой дороге, расположены до тридцати домиков и два постоялые двора, составляющие единственную улицу местечка Жировиц. Прямо против монастыря и соборной церкви стоит колокольня и виднеются хозяйственные монастырские строения.

В Жировицком монастыре находится явленная чудотворная икона Божией Матери, Жировицкой называемая. Эта святыня, чтимая во всей Литве, представляла особые средства епархиальному начальству и составляла как бы освященное средоточие самой епархии. С другой стороны, уединение и малая населенность местности

охраняли ее от вредного влияния иноверцев и доставляли всякую возможность действия и надзора для начальствующих. Архиерей, его викарий, духовенство, семинария, уездные и приходские училища помещались в монастыре; а женатые учители и своекоштные ученики нанимали квартиры в домиках, вблизи расположенных. Консистория помещалась в особом доме, в тридцати шагах от монастыря. Таким образом, все было под рукой, все было на глазах. Начальствующие имели все средства бдительного надзора и непосредственного влияния и действования на умы. Бог меня благословлял в выборе людей, и управление в Жировицах было истинно отеческое. Неудивительно, что и трудное было здесь нетрудно, и все венчалось благим успехом.

Я приезжал в Жировицы из Петербурга как бы в собственную семью. Правда, в короткое время нужно было устроить огромный наплыв часто запутанных дел, но указанные условия местного быта облегчали мне все несказанно. Все мог вдруг видеть, всем распорядиться. Затем оставалось довольно времени и на приятное отдохновение, впрочем, небесполезное и для службы. Я весьма часто прогуливался запросто по прекрасным жировицким окрестностям с одним или несколькими избранными. На всяком шагу я встречал кого-либо из своих подчиненных, заговаривал часто с ними, наблюдал, видел, слышал и действовал при бездельи. Этой же цели достигали дававшиеся мной иногда, дома или в жировицких окрестностях, угощения и пикники ученикам и служащим с их семействами. Я заходил часто на чай и к моим подчиненным. Любил особенно бывать: в доме нынешнего Минского Преосвященного Михаила, жившего с прекрасным семейством протопресвитера Тупальского, отца покойной его жены; в доме ректора семинарии Ипполита Гомолицкого, имевшего тоже прекрасное семейство; в доме другого зятя протопресвитера Тупальского, остроумного литератора протоиерея Плакида Янковского, имеющего такое ж семейство; и в доме родной сестры моей Елены Гомолицкой, благословенной добрыми детками. В этих домах я бывал как бы в собственной семье. Я всю жизнь любил детей, и, зная это, мне старались здесь подобрать их общество из своих и соседних. Я любил всегда музыку,

особенно вокальную, и все старались угостить меня ею как могли. Случалась всегда певунья, или родственница, или сторонняя. Сестра Елена и впоследствии в Вильне старалась угождать этому моему вкусу: подбирала гувернанток, знающих петь, учит музыке и пению детей своих, и теперь дочь ее Ольга часто услаждает мне минуты досуга.

В Жировицах подобрано было редкое для столь малого кружка общество, по образу мыслей, по знаниям и самому приличию обращения. В домы, где я бывал на чай, приглашались некоторые избранники; и я проводил два-три часа вечера в разговорах с умными людьми, в кругу игривых детей, слушая музыку и пение, а иногда дозволяя и танцы. Не знаю, как другим покажется такое препровождение времени, но я считал его всегда и доныне считаю самым невинным и приличным. Сверх того, сей образ жизни установлял между мной и моими подчиненными самое симпатичное расположение, облегчавшее все служебные действия, – без этого расположения само переселение в Вильно епархиального управления, для всех в сущности тягостное, совершилось бы не без затруднений. Кажется, я сказал уже выше, что для себя был я весьма мало требователен. Сказанные угощения ограничивались чаем и самой простой закуской, в которой похвалялась не ценность, но уменье хозяйки. Посещаемые, счастливые сделанной им честью, не были и в убытке; я старался их вознаградить разнообразными способами. Особенно любил всех оделять довольно ценными подарками, привозимыми из Петербурга или приобретаемыми на месте; и хозяюшки с детками с удовольствием щеголяли в подаренных им мной нарядах и украшениях.

Этот образ жизни, обыкновенный в мои все приезды из Петербурга, продолжался и в последнюю бытность мою в Жировицах с мая месяца 1844 по май 1845 года. Год этой приятной, задушевной жизни, заполненной успешной деятельностью, был для меня благодетелен. Я успокоился, собрался с мыслями; здоровье мое поправилось; сильные прежние геморроидальные припадки пропали; и я приобрел полную энергию для предстоявшей дальнейшей борьбы и деятельности. Может быть, этот простой образ жизни в Жировицах,

продолжавшийся отчасти и в Вильне, был причиной и решимости моей оставить Петербург, и искреннего желания более туда не возвращаться.

В этот год пребывания моего в Жировицах более, нежели когда, подвинуто вперед преобразование по епархиальному ведомству и по семинарии. Этому весьма способствовали тогдашние близкие сношения мои с подчиненными.

Но пора уже приступить к приготовлениям для переселения в Вильно и к самому переселению. Здесь обращусь я по-прежнему к приложениям моих распоряжений, а по крайней мере, к указанию на их содержание.

1) Исходатайствованы новые штаты для городских церквей Литовской епархии. Приложенный под № 15 рапорт Св. Синоду от 21 февраля 1844 года за № 317.

2) Испрошено восстановление приходскою древней Свято-Николаевской церкви в городе Вильне. Прилож. под № 16 рапорт Св. Синоду от 21 того ж февраля за № 319.

3) Испрошено назначение штатных причтов для находящихся среди латинян церквей Меречской, Веселовской, Козачизнянской, Подубиской и Кейданской. Прилож. под № 17 рапорт Св. Синоду от 21 того ж февраля за № 320.

4) Испрошена сумма на первоначальное обзаведение архиерейского дома. Сумма сия была ограничена, но восполнилась средствами монастыря и кафедрального собора.

5) Испрошено возвышение штата Виленского кафедрального собора. Прилож. под № 18 отношение к графу Протасову от 7 марта за № 442.

6) Улучшены штаты семинарии и пяти духовных училищ. Прилож. под № 19 отношение к графу Протасову от 30 ноября за № 2173.

7) Назначено время для переселения в Вильно на апрель и май 1845 года и причины сего. Прилож. под № 20 отношение к графу Протасову от 1 декабря за № 2187.

8) Устроена временная церковь в Виленском архиерейском доме.

В марте и апреле месяцах 1845 года распоряжения к переселению в Вильно еще более усилились. Итак:

9) Приказано отправить в Вильно кафедральную ризницу и консисторские дела.

10) Огромная библиотека Виленского Свято-Троицкого монастыря отдана в собственность семинарии. Прилож. под № 21 отношение к графу Протасову от 10 марта.

11) Замещены окончательно священнослужительские должности по Виленскому кафедральному собору и Виленской Николаевской церкви, а также по консистории.

12) Назначено временное помещение для консистории в архиерейском доме.

13) Принадлежавшие Троицкому монастырю три дома приписаны к кафедральному собору на помещение его и консисторского штатов, очищены заблаговременно от бывших в них по найму жильцов, и квартиры распределены в них по моему усмотрению духовенству и чиновникам консистории и кафедрального собора. Прилож. под № 22 предложение консистории от 7 апреля за № 937.

14) Виленский Троицкий монастырь перечислен в 3-й класс, с обращением зданий оного на помещение семинарии, и остающаяся от прежнего штата оного сумма 1 645 руб. сереб. обращена на усиление штата Свято-Духова монастыря, которого назначен я священноархимандритом.

15) Назначены новые штаты для Литовской семинарии и пяти подчиненных ей духовных уездных училищ.

16) Приготовлено помещение для семинарии в Троицком монастыре, а для Виленских училищ в бывшем кармелитанском монастыре. Прилож. под № 23, к епископу Платону от 18 апреля за № 1031.

17) Сделано исключительное на этот раз распоряжение о семинаристах, так что все они приняты в Вильне на казенное содержание, полное или половинное. Прилож. под № 24, правлению семинарии от 20 апреля за № 1053.

18) Ассигновано экстренное пособие всем переселяющимся в Вильно.

19) Сделаны окончательные распоряжения о переселении в Вильно. Прилож. под № 25 и 26 предложение консистории от 6 апреля и епископу Платону от 22 того ж апреля за № 926 и 1066.

20) Наконец, донесено Святейшему Синоду о прибытии в Вильно и открытии здесь епархиального управления рапортом от 10 мая за № 1152. Прилож. под № 27.

Знакомые сколько-нибудь с делами управления, взглянув на эти двадцать пунктов, легко поймут, как много для приведения их в действо нужно было головоломных соображений, официальной и частной переписки, официальных и частных, письменных и словесных распоряжений. Но чтобы оценить вполне деятельность мою за 1845 год, ознаменованный переселением в Вильно епархиального Литовского управления; чтобы определить характер этой деятельности; чтобы знать борьбу, выдержанную тогда мной, – нужно просмотреть собственноручную мою переписку за этот год, прилагаемую при сем на двенадцати листах сжатого моего письма в двух тетрадях под № 28 и 29. На следующих страницах я буду ссылаться на сии две тетради.

Общность моих распоряжений развивалась и исполнялась стройно. Прибыл я в Вильно накануне 9 мая, храмового праздника Николаевского кафедрального собора, ко всеночной, и сказал слово, на этот случай приготовленное. Оно печатно. В самый праздник служил литургию с молебном. После того окроплен св. водой архиерейский дом и помещение в нем для консистории. Затем последовало угощение посетителей. Но все это известно из приложений под № 26 и 27 да из письма моего к графу Протасову от 13 мая за № 1183. Тетрадь под № 28.

В 14 день апреля пожалован я алмазным крестом для ношения на клобуке при лестном высочайшем рескрипте. Эта милость пришлась весьма кстати при затруднительных моих тогдашних обстоятельствах. Она сделала хорошее впечатление и загладила прежние невыгодные толки, а может быть, и придала мне бодрости, с которой перенес столь легко усиленную деятельность 1845 года.

Едва Вильно опомнилось от нашего туда переселения, как мы его озарили новым торжеством Православия. К тому времени подоспело окончанием обновление большой церкви Свято-Духова монастыря, которого я сделан недавно священноархимандритом. Сию церковь освятил я в 4 день июня с таким же торжеством, как 9 мая открыта

в Вильне православная епархия. О сем стоит прочесть письмо мое графу Протасову от 5 июня за № 1465 в тетради под № 28; да притом прилагается о сем под № 30 донесение мое Св. Синоду от 4 июня за № 1459. Как 9 мая, так и 4 июня пожертвовано мной по триста рублей серебром для нуждающихся города Вильно, без различия исповеданий, как видно из отношений моих в сии дни к губернатору. Прилож. под № 31 и 32.

Занятия мои в Вильне и в епархии прерваны были неожиданным высочайшим повелением от 19 апреля обозреть епархии Могилевскую, Минскую и Полоцкую. Коль ни дорого мне было тогда время, я отправился в путь 5 июня и в течение месяца исполнил возложенное на меня поручение, да сверх того обозрел с пользой два перечисленные недавно к моей епархии уезды – Вилейский и Дисненский. Донесения об осмотре епархий от 8 июля – Св. Синоду за № 1661, а графу Протасову за № 1662 – находятся в приложенной тетради под № 28.

Из осмотра епархий я прибыл 3 июля в Жировицы, чтобы присутствовать на экзаменах в семинарии и в училищах и чтобы распорядиться о переводе сих заведений к осени в Вильно. Назначены ученики на казенное содержание в Жировицкие и Виленские духовные училища. Распределены между сими училищами прежние наставники и дополнены недостающие. Определены в них смотрителями архимандрит Михаил Шелепин да игумен Фавст Михневич. Распределены здания жировицкие между училищами и переведенным туда из Бытеня монастырем. Испрошено единовременное пособие на переселение в Вильно начальствующих и учителей.

Между тем борьба по Вильну, куда и я прибыл в конце июля, продолжалась. Она в особенности примкнула к вопросу о передаче зданий упраздненного прежде кармелитанского монастыря, назначенного под помещение Виленских духовных училищ. Высочайшее о том повеление воспоследовало; предстояло к осени перевести в них училища и для того приготовить соответственное помещение; а гражданское начальство передавать зданий и не думало, ссылаясь на римское духовенство или возбуждаемое оным. Когда принуждены были сдать монастырь, возникло новое затруднение – хотели

оставить в нем шесть латинских ксендзов, отправляющих богослужение в соседнем костеле. Это значило пустить волков в овчарню. Новая борьба – и ксендзов выпроводили едва к 18 сентября, когда уже собрались ученики. И того еще недовольно. Училища и латинский Остробрамский костел имели общий дворик, огражденный от улицы каменной стеной. От ворот в сей стене ключ взяли ксендзы и затрудняли училищам сообщение извне. Еще борьба, кончившаяся тем, что губернатор Жеребцов собрал рабочих и в своем присутствии велел разломать стенку, так что замкнутый дворик сделался публичной площадкой. Было бы утомительно приводить здесь многосложную повторительную официальную о сем переписку мою с губернатором, генерал-губернатором, графом Протасовым и самим министром внутренних дел Перовским. Она была настойчива до резкости – но без того я не получил бы своевременного удовлетворения. Для понятия характера всей борьбы 1845 года стоит просмотреть в приложенной при сих Записках тетради под № 28 неофициальные мои собственноручные письма графу Протасову: от 11 февраля за № 379, от 10 марта за № 612, 12 апреля за № 994, 29 апреля за № 1136, 8 июня за № 1499, три записки от 19 июля в той же тетради и конфиденциальное письмо тоже от 19 июля за № 1828 к министру Перовскому, при котором посланы сказанные три записки (письмо в тетради под № 29 вызвано вежливым письмом ко мне Перовского). Не менее интересны и собственноручные мои письма к графу Протасову в тетради под № 29: от 19, 23 и 27 июля за № 1827, 1875 и 1901, 11 августа за № 2058, 8 и 25 сентября за № 2356 и 2556.

Просматривая теперь материалы для настоящих Записок за 1845 год, я сам удивляюсь, как мне тогда достало сил и времени для разъездов, для многосложных запутанных дел и многочисленных распоряжений, для усиленной щекотливой переписки. Бог, по-видимому, помогал мне и поддержал здоровье. Зато, слава Богу, все уладилось и устроилось; помещение для семинарии и училищ своевременно приготовлено; усердные деятели награждены – и оба сии учебные заведения открыты торжественно в Вильне в 8 день сентября по распорядку, сделанному мной в 5 день сентября за № 2310,

приложенному при Записках под № 33. Прилагается здесь под № 34 и донесение мое о том Св. Синоду от 8 сентября за № 2354. Любопытно и занимательно по сему предмету письмо мое графу Протасову от 8 сентября за № 2356 в тетради под № 29 и слово, произнесенное мной в сей день, – оно, подобно другим моим словам, имеет значение по сущности предмета и применению к местным обстоятельствам.

Очертив ход дела о переведении в Вильно православного епархиального начальства, нелишним будет упомянуть еще о некоторых делах 1845 года, выходящих из колеи обыкновенных текущих дел. К таковым можно отнести следующие.

Кажется, было уже сказано выше, что Дисненский уезд был из числа тех, в которых латиняне действовали более, нежели где, во вред Православия. В 1841 году, в кратковременное управление мое Минской епархией, совращенные было в латинство леонпольские прихожане возвращены на лоно Православия, но впоследствии усилиями помещиков и латинского духовенства поколебались и снова совращены. В таком положении дела церкви Дисненского уезда перечислены в 1844 году к Литовской епархии и дело о совращении более двух тысяч леонпольских прихожан перешло на мои руки. Латиняне употребляли всевозможные средства. Помещице Лопацинской, по слухам, дело это стоило двадцать тысяч рублей серебром. Она обращалась и ко мне и получила только в ответ: «Что бы с вами сделали за бывшей Польши? Ведь за совращение из латинства была там положена по закону смертная казнь!» Наконец, дело уладилось: губернатор отправился на место, устранил только нескольких мужиков, бывших орудиями дворового управления, и прихожане возвратились на лоно Православия и пребывают в нем доныне неуклонно. Для уразумения сего дела и вообще образа моего действования в подобных случаях прилагаются при сем отношения мои – от 20 января за № 157 к генерал-губернатору Мирковичу и от 11 апреля за № 980 к графу Протасову. Прилож. под № 35 и 36.

Утешительным происшествием сего года было освящение Виленской Николаевской церкви, построенной в настоящем виде зна-

менитым Константином Острожским в 1514 году. Она была в запустении, а теперь обновлена и украшена. Стоит прочесть печатное мое слово на этот случай и письмо мое к графу Протасову от 6 декабря за № 3204 в прилож. тетради под № 29.

Неутешительный же случай описан [в] той же тетради под № 29 в письме моем к графу Протасову от 31 сентября за № 2617 и приложенной к нему записке. Это было о покушении якобы на мою жизнь. Я этого покушения не допускал, оному не верил, не желал гласности, и она допущена против моей воли. Но об этом стоит прочесть в самом письме.

Еще прискорбнее случай, описанный в письме моем к графу Протасову от 6 декабря за № 3192, приложенном при сем под № 37. Это была бесстыдная клевета, напечатанная польской партией во французских газетах, о гонениях на униатских монахинь и претерпенных якобы мучениях одной из них (Мечиславской). Здесь все выдумано: и факты, и местности, и сами названия. Это все разъяснено в письме моем. А между тем мнимую Мечиславскую водили по всей Европе на показ как мученицу. Впоследствии разъяснилось, что Мечиславская никогда не была ни русской, ни униатской монахиней, что она была латинянка, и даже неодобрительного поведения, и что ее избрала, снарядила, отправила и руководила польская партия. Вероятно, это было последствие совещания важнейших лиц той партии истекшим летом, о котором я имел частное сведение и на котором якобы положено: клеветать да клеветать. Но о сей клевете, как и о других подобного рода, придется мне, вероятно, говорить еще в сих Записках.

Стоит еще обратить внимание как на нечто экстренное в 1845 году на следующие бумаги:

1) Отношения мои к графу Протасову от 10 февраля и 17 сентября за № 378 и 2465, о документах на принадлежность Супрасльскому православному монастырю Варшавского базилианского монастыря. Приложения № 38 и 39.

2) Предложение консистории от 6 марта за № 572, об обучении всех священно- и церковнослужительских детей молитвам на славянском языке. Прилож. № 40.

3) Предложение консистории от 7 марта за № 581, о делании священниками по клировым ведомостям отметок о числе присоединенных каждым к Православию иноверцев. Прилож. № 41.

4) Предложение консистории и отношение к графу Протасову от 21 марта за № 744 и 745, о разбирательстве между римлянами и православными относительно спорных прихожан. Как ни скорбел я об этом неосторожном распоряжении правительства, но старался добросовестно привести оное к концу. Прилож. № 42 и 43.

5) Предложение консистории от 31 марта за № 856, с распоряжением о распределении церковной земли между членами причтов. Прилож. № 44.

6) Отношение к графу Протасову от 6 апреля за № 922, о порядке производства причтам штатного жалованья посредством благочинных. Прилож. № 45.

7) Отношение к графу Протасову от 18 июля за № 1826, об обвинениях, взведенных жандармским генералом Бугсгевденом на местное православное духовенство, будто бы оно удерживает в латинстве леонпольских прихожан. Это борьба за Леонполь. Бугсгевден стоял за латинян, но неудачно. Досталось ему и в настоящем письме, и в собственноручных моих письмах к графу Протасову. Впоследствии был осторожнее. Прилож. № 46.

8) Предложение консистории от 26 сентября за № 2578, о штрафах на монашествующих, леностных к богослужению. Такие ж штрафы применены впоследствии к кафедральному собору. Прилож. № 47.

9) Собственноручные письма мои к графу Протасову от 1 и 18 ноября за № 2810 и 2980, приложенные в тетради под № 29. Из них, как из других подобных конфиденциальных моих писем, лучше всего можно судить и о моих предположениях, и о моих действиях, и о самом образе их и характере.

Но пора расстаться с этим утомительным 1845 годом. Впрочем, он составляет эпоху и в моей жизни, и в жизни целой страны. Повторяю, однако ж, что здесь только главные черты – за прочим необходимо бы проследить все мои протоколы. За наступающие годы постараюсь быть покороче.

1846 год был весьма тягостен по случаю сильного неурожая. Я просил пособия для своих чиновников. Учредил раздачу хлеба в своем доме неимущим, без различия вероисповеданий. Подобная раздача производилась не раз и впоследствии, деньгами или хлебом. Вообще, я не был скуп на подаяния во все пребывание мое в Вильне, хотя и не раз обманывался. Впоследствии я любил назначать маленькое пособие от 2 до 5 рублей серебром в определенный день года по письменным видам, выдаваемым после точного удостоверения о бедности и обстоятельствах просящего.

В сем году произвел я весьма впечатлительный осмотр большей части епархии. Служил торжественно в девятнадцати местах в течение одного месяца. Для уразумения моих распоряжений на подобные случаи отсылаю к предложению моему консистории от 28 апреля за № 1129 и отношению от имени экономa архиерейского дома к благочинным и настоятелям монастырей, где предполагались богослужения, по образцу отношения к архимандриту Игнатию от 29 апреля за № 1142. Прилож. под № 48 и 49. Сам же эффект осмотра и его последствия лучше всего усмотреть из живого письма моего к графу Протасову от 6 июля за № 1896, находящегося в тетради, приложенной под № 50.

С сего года я уже не делал общих осмотров епархии. Я знал ее совершенно, и личный мой осмотр немного принес бы пользы; напротив, были некоторые обстоятельства, отклонявшие меня от таковых осмотров. О сих обстоятельствах найду я, вероятно, случай сказать впоследствии. Зато я возлагал и возлагаю доныне ежегодно осмотр определенных мной церквей на двух викариев моих и кафедрального протоиерея, так что в течение трех или четырех лет совершается осмотр всех церквей епархии. Эти частные осмотры были главным орудием частных преобразований в церквах и духовенстве. Я менее важные из них предоставлял делать самим ревизорам, а более важные и общие сам обдумывал и устраивал. Недостаточествующее восполнялось и исправлялось, доброе и усердное поощрялось. Таким образом, епархия приняла постепенно нынешний вид, и ее не узнал бы теперь, кто не видел двадцать лет.

В 1846 году началась заботливая деятельность моя о приобретении и устройстве загородного дома для виленских православных архиереев. Эта деятельность продолжалась в главном четыре года; но в сущности она занимала меня и все последовавшее время, занимает и ныне, доставляя истинное удовольствие по моей любви к уединению и сельской жизни и поддерживая мое здоровье.

Тринополь был монастырек латинский тринитариев; но он закрыт двенадцать лет тому назад и состоял в полицейском управлении, а земли поступили в казенное ведомство. Здание каменное, двухэтажное, но запущенное, с таковою ж церковью, из которой убрано давно все священное. В ней помещались тогда хозяйственные снадобья со скотинкой. Этот монастырек выпросил я на загородный дом, а принадлежащие земли с лесом – на угодья для архиерейского дома. Монастырь лежит лицом к реке Вилии и пролегающей по ее берегу дороге из Вильна в знаменитые Верки; за Вилией виднеются леса. С других сторон Тринополь окружен амфитеатром довольно высоких гор, покрытых лесом. Эти горы прорезывает быстрый ручей, называемый библейски Кедроном, которым я воспользовался для наполнения шести прудов в тринопольском саду и на мызе Свято-Духова монастыря, которую назвал я Новыми Жировицами. Земли сей мызы принадлежали тоже упраздненному доминиканскому латинскому монастырю, прилежали к землям тринопольским и отданы уже прежде моему Духовскому монастырю вместо угодий. Местность прелестная и удобная, особенно по ее расположению в трех только верстах от Виленской заставы.

На устройство Тринополя отпущено мне более двадцати четырех тысяч рублей серебром. На эти деньги отделал я церковь с прекрасным иконостасом; переделал целый двухэтажный монастырь, длиной в две линии, по двадцати саженей каждая; сделал в нем прекрасное помещение для архиерея со всей нужной свитой; построил все необходимые службы; возвел два огромных каменных моста на глубоком Кедронском потоке; возвел гигантскую каменную стену из булыжника, длиной более шестидесяти сажен, для поддержания со стороны Вилии высокой террасы перед церковью и домом, да произвел еще много поделок в саду, которые, вместо увеличения расходов,

напротив сокращали оные, будучи полезной уборкой мусора и бесполезного материала.

Могу смело уверить, что в руках казенного инженера пятьдесят тысяч рублей были бы недостаточны для всех этих поделок. И все это было плодом моего личного трудолюбия и распорядительности. У меня был епархиальный архитектор, был и строительный комитет; но это для формы, для технического исполнения, в сущности же я всем распоряжался, всему давал направление. Обыкновенно я выходил на работу вместе с рабочими, и часто гости заставали меня запыленным среди развалин или в какой-либо яме. Пристрастие ли это какое или потребность физической деятельности – я всем занимался, все устраивал как в Тринополе, так и на мызе Новых Жировицах, даже сам с своими келейными измерял и нарезывал земли, к сей мызе принадлежащие. Тринопольский сад или, лучше сказать, парк, раскинутый почти на двенадцати десятинах, я сам разбивал и распоряжался посадкой диких и плодовых деревьев. Теперь в течение пятнадцати лет сад этот разросся и украсился – и мне только приходит иногда грустная мысль, что мои преемники не сумеют или не захотят поддержать этого любимого моего создания. Если станет времени, то коснусь впоследствии образа моей жизни в Тринополе – она довольно своеобычна. Тринополь огражден был первоначально частоколом; но это значило заставить моих преемников бросить мой парк. Я хотел сделать их неизвинимыми* и вместо частокола насыпал огромный вал, в сажень вышины, обложенный булыжным камнем и насаженный живой изгородью из берберису, – так что ограда вышла и красива, и прочна. Этой одной ограды есть четыреста шестьдесят сажен, не считая сюда каменной стены и оставшегося по косогорам частокола.

Знающие огромность работ по Тринополю удивлялись малым сравнительно на них издержкам. Это происходило тоже от моей распорядительности и уменья пользоваться средствами. Все было обдумано, все приспособлено к цели. Например, мои каретные лошади, когда не употреблялись к другой езде, обязаны были привозить в

---

* Неизвинимый – не заслуживающий извинения; непростительный. – *Прим. ред.*

сад по десяти возов земли каждый день. Это значило в лето не менее полуторы тысячи возов, а в пятнадцать лет?.. Неудивительно, что я на неблагодарной тринопольской земле посадил более двух тысяч одних плодовых деревьев; и тем, которые прежде надо мной подтрунивали, а после удивлялись: «Как это у вас все принимается и растет?» – имел удовольствие отвечать: «У вас бы не росло, а православным Бог помогает».

Еще случайность, на которую обратили внимание. Сказано выше, что в Тринопольской церкви сделан хороший иконостас. Его писал академик Хруцкий, из воссоединенных, священнический сын. Он писал впоследствии несколько еще иконостасов для Вильна и для Ковна, много также писал для моих комнат. Случилось же, что в этом мне, воссоединенному, помогал единственный живописец из воссоединенных.

При первой возможности весной 1846 года я поместился в тринопольских развалинах, в двух небольших комнатках, и начал работать на собственные деньги, когда еще не были ассигнованы казенные и даже не сделано окончательных распоряжений о сдаче мне тринопольских земель. Зато к осени того лета жил я уже в нескольких приличных комнатах (ныне гостиных); а через три года упорного труда все работы кончены, и я имел удовольствие 29 мая 1849 года отпраздновать новоселье освящением церкви и угощением многочисленных посетителей, а после и всех рабочих. Я писал о том в 5 день июня графу Протасову за № 1639. Письмо это есть в приложен. тетради под № 50 вместе со статьей, напечатанной тогда в «Виленском вестнике».

Как документы о Тринополе прилагаю здесь отношения мои к графу Протасову от 21 января 1846 года за № 233 и 234. Прилож. № 51 и 52.

Для уразумения, однако ж, сего дела, борьбы за оное, моей настойчивости и распорядительности стоит просмотреть собственноручные мои письма графу Протасову 1846 года от 21 января, 16 марта, 9 апреля, 24 мая и к Сербиновичу от 24 мая и 6 июля. Да в сих письмах, кроме Тринополя, есть много и других обстоятельств, очерчивающих и меня, и дела, и время, – я был в них, как

говорится, нараспашку. Эти письма есть в приложенных тетрадях под № 29 и 50.

Прилагаю при сем под № 53 и 54 предложения: консистории от 24 января и ректору семинарии от 30 марта 1846 года за № 259 и 862. Первым наложен штраф по 25 коп. за каждые сутки на родителей, которых дети опаздывают прибыть в семинарию; вторым учрежден для семинаристов в Вильне крестный ход накануне Недели ваий. Первым почти прекратились просрочки; вторым учредилось богослужение, здесь небывалое, в котором год от году больше принимается участие.

Как выдающиеся из обыкновенных дел того ж года, прилагаю при сем под № 55 и 56 отношения мои к графу Протасову от 5 сентября и 23 октября, с мнением о браках православных с латинами, а также о порядке отпуска духовенству штатного жалованья.

В сем году разрешено открытие от городской площади фасада кафедрального Николаевского собора. Он был закрыт частным домом, который разломан с вознаграждением от города, а за то я уступил городу анатомические здания, излишние духовному ведомству.

В сем же году сделана была попытка к приобретению в Ковне зданий упраздненного доминиканского монастыря для помещения Ковенского епископа, викария Литовской епархии. Этих зданий не дали; но впоследствии уступлены для этой цели здания гимназиальные, соприкосновенные Ковенскому собору.

Не могу не указать здесь на собственноручное мое письмо графу Протасову от 11 мая сего ж года за № 1297. Оно приложено в тетради под № 50 и весьма занимательно, как живой отчет за первый год пребывания в Вильне православного епархиального управления.

Перехожу к 1847 году.

В сем году обратил я внимание на многих воссоединенных священников, по престарелым летам или по слабому образованию не соответствующих настоящим потребностям. О них составлена ведомость; им велено избрать помощников из семинаристов, кончивших учение, и о том сделано распоряжение по семинарии.

Тогда же приняты первые меры к помещению в монастыри вдовых бессемейных священников.

В сем году было предположение продать Виленский архиерейский дом, а устроить помещение архиерейское в Духовском монастыре, которого я священноархимандрит. Это предположение представляло большие удобства. Но дело затруднилось; а теперь эта мысль была бы некстати, когда дом отлично уже обновлен и устроен. Отношение графу Протасову от 16 января. Прилож. № 57.

В сем же году производилось дело о приобретении в Гродне дома для второго викария Литовской епархии. Рекомендовали домы князя Четвертинского и графа Валицкого. Приобретен впоследствии дом Валицкого.

Происходила также большая переписка о приобретении помещения для Гродненского Борисо-Глебского монастыря. Требован был прежде покармелитский монастырь, после заштатный доминиканский, впоследствии же получен упраздненный монастырь бернардинок.

Перестроен Ковенский Александро-Невский собор с новым иконостасом, писанным академиком Хруцким.

Была большая переписка с соображениями и планами о помещении в огромном помиссионерском монастыре уездных училищ, женского монастыря и училища для девиц духовного звания. Обстоятельства впоследствии изменились, и после сильной борьбы потребности эти удовлетворились, слава Богу, гораздо удобнейшим образом.

Но я обещал быть кратким. Приложу только для образца бывшей постоянной борьбы хотя четыре отношения мои к генерал-губернатору от 11, 12, 13 и 14 марта – приложения № 58, 59, 60, 61. Но об этой борьбе лучше прочесть письмо мое графу Протасову от 17 марта, прилож. в тетради под № 50. Стоит также прочесть в той же тетради письма мои к нему ж, графу Протасову, от 2 января, 1 марта и 15 декабря. Они восполняют этот год некоторыми обстоятельствами – в них решилось увольнение на покой Преосвященного Минского Антония и замещение его Преосвященным Михаилом, моим викарием.

В апреле сего ж 1847 года возведен я всемилостивейше в звание члена Святейшего Синода. В той же тетради письмо мое к графу Протасову от 12 апреля.

Следует 1848 год. На него пришлось несколько важных происшествий.

С перемещением на Минскую кафедру Преосвященного Михаила возведен в сан Брестского епископа, викария Литовской епархии архимандрит Гродненского Борисо-Глебского монастыря Игнатий с назначением ему местожительства в Гродне. Я посвятил его в епископы в 20 день мая. О том есть письма мои к графу Протасову в тетради под № 50 от 8 и 29 января, а также от 23 мая.

В сем году совершил я в первый раз в Вильне торжественное богослужение, положенное в Неделю Православия. Я его откладывал в первые два года и наконец решился по зрелом размышлении. О том стоит прочесть письмо мое к графу Протасову от 29 февраля в тетради под № 50, а также слово печатное, в этот день произнесенное мной. Празднество удалось превосходно – для него вызывал я обоих викариев. С того времени богослужение это совершается в Вильне каждогодно.

Этому торжеству сопутствовало или, лучше сказать, предшествовало доброе дело, утешительное для меня и для других. Я записал Свято-Духову монастырю капитал в три тысячи рублей серебром и за то обязал оный каждую субботу первые недели Четыредесятницы служить литургию и панихиду у гроба святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия за упокой душ всех подвизавшихся в благом деле воссоединения униатов с Православной Церковью и в тот же день раздавать сорок рублей нищим, без различия вероисповеданий. Это совершилось в первый раз накануне первого служения в Неделю Православия и с того времени совершается ежегодно в тот же день. Прочие проценты назначены: сорок рублей на тепление лампады у гроба св. мучеников да сорок в церковную и братскую кружку. Распоряжение о том сделано через консисторию от 22 февраля, и оно приложено в тетради под № 50.

В сем году напечатал я семь слов моих. Их я разослал многим важнейшим светским и духовным сановникам. Лестные письма многих из них хранятся у меня доныне и в глазах моих придают этим словам более цены, чем сколько я приписывал им прежде. Письмо к графу Протасову от 3 апреля в тетради под № 50.

Этот год памятен мятежами в Европе, а также холерой. Против сей последней принимались у нас меры еще в октябре прошлого года. В январе настоящего эти предосторожности усилились; с июня же боролись мы с ней лицом к лицу. Холера прекратилась совершенно только в ноябре месяце; но Бог как-то пощадил новонасажденную в Вильне православную паству – из 505 лиц духовного ведомства умерло только двое: канцелярский служитель и ребенок соборного диакона. В самый разгар холеры я переселился из Тринополя в Вильно, чтобы делить с паствой добрую и злую участь, и прожил здесь три недели. Впрочем, как всегда, я и теперь был бесстрастен, ни малейше не смущался и был совершенно равнодушен к смерти. Относительно холеры прилагаются здесь под № 62, 63, 64 и 65 отношения к графу Протасову от 27 января, 20 июня, 21 ноября и предложение консистории от 25 июня. Сюда относятся тоже собственноручные письма мои к графу Протасову в тетради под № 50 от 1 и 29 июня, от 23 июля и от 13 августа; впрочем, в сих письмах есть любопытное и не о холере.

Как более экстренные за этот год предметы прилагаются здесь:

1) Отношение к графу Протасову от 13 января, касательно хоронения православных покойников на латинских кладбищах и взаимно. Приложение № 66.

2) К нему ж, графу Протасову, от 31 декабря, о назначении прибавочного оклада для 19 сельских причтов Литовской епархии. Приложение № 67.

3) Отношение к генерал-губернатору Мирковичу от 17 декабря, об обидном доносе гродненского губернатора на воссоединенных священников, будто они напитывают крестьян вольным духом, – приложение № 68. Впрочем, предмет этот восполняется письмом моим графу Протасову от того ж числа в тетради под № 50.

В сем 1848 году скончался протопресвитер Тупальский, в августе месяце, почти восьмидесяти лет.

В ноябре сего же года викарий мой, Ковенский епископ Платон перемещен на Рижскую кафедру, а в декабре назначен на его место ректор моей семинарии Евсевий. Письмо мое графу Протасову от 15 ноября в тетради под № 50.

Перейдем к 1849 году. В нем можно отметить:

1) Посвящение мной в епископы архимандрита Евсевия, совершившееся 1 января. Письмо мое к графу Протасову от 1 января в тетради под № 50.

2) Закрытие духовных училищ в Березвечи, по малочисленности воспитанников, и разделение штатной их суммы между Виленским и Жировицким училищами.

3) Получение мной при лестном рескрипте алмазных знаков ордена св. Александра Невского. Письмо государю императору от 23 мая в тетради под № 50.

4) Передачу посоха св. Стефана Пермского из Супрасльского монастыря в Пермский кафедральный собор. Этот посох целый резной на кости с надписями и священными изображениями. Он, вероятно, достался Супрасльскому монастырю после разграбления Москвы поляками. Рапорт Святейшему Синоду от 3 июня. Приложение № 69.

5) Присоединение из лютеранства к Православию в моей домовой церкви жены генерал-губернатора Мирковича Амалии, нареченной Марией. Она так поступила по искреннему убеждению или чувству. Она скорбела быть чужой между мужем и детьми православными. Муж не очень-то был этим доволен; но сознался, что мешать не можно.

6) Бытность в Вильне 13 июля нынешнего государя, тогда наследника цесаревича, и посещение им кафедрального собора и Свято-Духова монастыря.

7) Отношение мое к латинскому митрополиту Дмоховскому от 5 сентября, о неправильном обвинении Литовской консистории в притеснительных якобы действиях относительно латинизантов. Приложение № 70. Да к сему относится и письмо мое к графу Протасову от того ж числа в тетради под № 50.

8) Письмо мое к графу Протасову от 8 апреля в той же тетради под № 50, о помиссионерских зданиях. Эта борьба за здания кончилась впоследствии приобретением других зданий по моему желанию.

9) Посвящение загородного тринопольского дома с церковью 29 мая.

10) Угощение мной пребывавших тогда часто в Вильне в Венгерскую войну гвардейских и гренадерских войск. Стоит о том прочесть в тетради под № 50 собственноручные мои записки командирам пяти полков: от 30 апреля, 9 июля, 11 августа и две от 11 сентября.

11) Зачисление меня в комплект для получения пенсиона по ордену св. Александра Невского. Записка от 9 октября в той же тетради под № 50.

12) Осмотр епархий Минской, Могилевской и Полоцкой, высочайше возложенный на меня и совершенный мной с 18 сентября по 11 октября. Донесения о сем осмотре Св. Синоду и графу Протасову от 30 декабря за № 4161 и 4162 приложены в тетради под № 50.

13) Отношение к Василию, архиепископу Полоцкому, от 6 сентября, с требованием заготовления к моему приезду указанных мной сведений – приложение № 71. Подобные сведения, сообразно обстоятельствам, требовались мной всегда от Преосвященных, которых епархии подвергались моему осмотру. Этим облегчался и уяснялся осмотр и следовавшие за ним соображения.

14) Отношение мое к графу Протасову от 26 сентября из Витебска, о переводе Полоцкой семинарии в Витебск, получившее вполне удовлетворение. Приложение № 72.

На остальные собственноручные мои письма в тетради под № 50 не указываю. С ними по необходимости встретится каждый, кто полюбопытствует просмотреть сию двенадцатилистовую тетрадь и восполнить свои понятия некоторыми фактами и взглядом на дело. Следует мне только сослаться на письмо от 22 ноября, в котором вновь предполагал выйти на покой.

Следует 1850 год.

В сем году приступил я к исполнению задушевной мысли, питаемой мной с самого переселения в Вильно, именно к прославлению драгоценной виленской святыни – мощей святых мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Мученики сии пострадали пятьсот лет тому назад, признаны святыми Вселенской Церковью, и мощи их свидетельствованы по распоряжению Святейшего Синода в 1826 году Преосвященными Черниговским и Минским. Было дело

о торжественном открытии сих мощей, но не состоялось за воспоследованием тогда открытия мощей святителя Митрофана.

Мощи святых Виленских мучеников находились издревле в подалтарном темном склепе большой церкви Свято-Духова монастыря. Вход в сей склеп был самый неудобный, через створчатые двери в полу перед самыми Царскими вратами, по лестнице тесной, почти перпендикулярной, так что для желавших поклониться св. мощам сообщение было весьма затруднительное и неудобное для самого богослужения. Потому прежде всего устроил я на свой счет прекрасный покатый и просторный вход в пещеру, с прекрасной железной дверью и железной по обеим сторонам решеткой. Вход этот начинается среди церкви, и двери в склеп пришлись с началом предалтарного возвышения, так что нет помешательства богослужению. Предписание Духову монастырю от 18 июня – приложение № 73.

Вместе с этой работой устроил я для себя в пещере каменный гроб под ракой святых Виленских мучеников и прикрыл его чугунной доской с надписью, что здесь покоится тело святителя Иосифа. К сему побужден я был и желанием быть здесь погребенным, и каким-то настроением духа, скорее приятным, нежели скорбным, о предстоящей мне скорой кончине. Предписание Духову монастырю от 2 июля – приложение № 74.

Устроив таким образом вход в пещеру, я обратил оную в церковь св. Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, признанных Вселенской Церковью; полагаю, что после сего будет уже излишней формальность открытия самих мощей. Церковь вышла хорошенькая, сколько позволила местность. Образа для иконостаса писал академик Хруцкий, а сам иконостас чертил я, лежа на диване в течение десятидневного недуга от вывиха ноги. Следует заметить, что в таком же положении составлял я впоследствии план иконостаса Андреевской церкви – и оба вышли весьма удачны по применению к местности. Рапорт Св. Синоду от 26 октября – прилож. № 75 и отношение от того ж числа к графу Протасову в тетради – прилож. под № 76.

Церковь пещерная кончена уже в наступающем 1851 году и посвящена мной в самый день св. мучеников, то есть 14 апреля, с подобающим торжеством, по распорядку от 8 апреля – прилож. № 77.

При посвящении я сказал известное печатное слово, которое сделано по возможности гласным и доставило православным сердечное удовольствие. О всем объявил через консисторию по епархии следующими словами:

«Давно уже Литовская страна привыкла прибегать в своих молитвах к святым Виленским мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию и считать их своими заступниками и покровителями. Их святые мощи сохранил Бог в Виленском Свято-Духовом монастыре; а ныне пещеру, где они покоились, по благословению Святейшего Правительствующего Синода сподобились мы обратить в церковь во имя сих мучеников. Предлагаю консистории о сем утешительном событии для епархии Литовской объявить всему духовенству посредством благочинных и начальников монастырей и вместе с тем препроводить для них по одному экземпляру слова, произнесенного при освящении той церкви».

Под 14 апреля 1851 года за № 1120 есть письмо мое к графу Протасову об освящении церкви, в тетради под № 76.

В то же время как устраивалась пещерная церковь, заботился я о сделании приличной раки для святых мучеников вместо прежней бедной, деревянной, в которой до того почивали их мощи. Участие в сем деле приняли: товарищ министра внутренних дел Сенявин, с пожертвованием от себя тысячи рублей серебром, а по его смерти – родной брат его, товарищ министра иностранных дел. Первый из них пожертвовал также прекрасный образ св. мучеников, красующийся ныне над входом в пещерную церковь. Письмо мое от 26 октября в тетради под № 76. Переписка о сделании раки состоит главнейше в письмах моих: к Сенявину-старшему от 26 ноября 1850 и 28 февраля 1851 в тетради под № 76; а также от 24 марта к нему же и от 29 июня того же года к Сенявину-младшему. Прилож. под № 78 и 79.

Рака поспела уже в 1852 году. Она бронзовая, позолоченная, прекрасной чеканки по рисунку, сделанному по моим указаниям. Стоила свыше трех тысяч рублей серебром. В 14 день апреля, ровно через год после освящения пещерной церкви, последовало торжественное

переложение святых мощей в новую раку. Я и при сем случае сказал слово, обратившее на себя внимание, напечатал его и дал всему гласность. Письма мои к графу Протасову от 15 и 26 апреля 1852 года в тетради под № 76, а также статья о всем из «Северной пчелы» от 2 мая. Стоит посмотреть в той же тетради и письма мои к митрополитам и другим Преосвященным от 26 апреля.

Средства для устройства пещерной церкви, входа в оную и бронзовой раки доставлены: сенатором Сенявиным, как сказано выше, сенатором Семеновым (1 000 рублей сереб.), мной самим, а отчасти Духовым монастырем и подпиской по приглашению от 14 апреля 1851 года, приложенному под № 80. Но главным образом удовлетворило сей потребности пожертвование Иркутского почетного гражданина Кузнецова в десять тысяч рублей, разделенных на четыре виленские церкви. Письмо мое Кузнецову от 28 апреля 1850 года и предложение консистории от 4 августа того ж года. Прилож. № 81 и 82.

Сравнительно, делу о святых Виленских мучениках я дал в сих Записках более места, нежели многим другим, – и неудивительно. Это дело – для меня задушевное, это наша святыня в прошедшем, в настоящем, в будущем. Сюда уже обыкли* притекать усердствующие. Здесь приносятся молитвы ежегодно в первую субботу Четыредесятницы за всех участвовавших в воссоединении униатов. Здесь приготовлен гроб мой – и я в благой мысли о будущем нахожу здесь утешение и облегчение в скорбях, часто и часто меня посещающих. Вот уже десять лет, как в праздничные и воскресные дни с приезда из Тринополя в Вильно до больших морозов и с начала Четыредесятницы до выезда в Тринополь служу я обыкновенно в пещерной церкви раннюю обедню в семь часов утра, запросто, без лент, с двумя только сослужащими – а церковь всегда полна усердно молящимися. Таким же образом я праздную и особенные случаи моей жизни, например, день посвящения моего в епископы 8 августа. Как-то долго еще дозволит мне Господь наслаждаться таким богослужением, всегда с новым удовольствием и умилением!

---

* Обыкнуть – привыкнуть. – *Прим. ред.*

Ради святых мучеников Виленских я шагнул несколько вперед. Возвратимся к хронологическому порядку и отметим, что стоит еще за 1850 год.

1) Летом сего года устроил я хорошенькие кладбища на тринопольской земле и бывшую там, оставленную латинскую каменную часовню обратил в кладбищенскую церковь. Это тоже было для меня удовольствием, по настроению моего духа. Теперь эти кладбища довольно заселены, хотя в окрестностях православное население незначительно.

2) Весной сего года на место Мирковича поступил генерал-губернатором Бибиков. Не знаю, какие были поводы этой перемены. В сущности, осталось одно и то же. Впрочем, впоследствии нужно будет еще сказать нечто в сих Записках о здешних генерал-губернаторах и других начальствующих лицах.

3) В мае месяце сего же года, проездом с женой на воды за границу, посетил меня в Вильне граф Протасов. Я истинно этому был обрадован, так как я ценил вполне его за ум, благородство характера и усердие к службе. Я не обращал внимания, каков он ко мне душой; но я знал, что он принимает искреннее участие в деле, что он его понимает, что понимает и меня, что по возможности можно мне полагаться на его содействие и на удовлетворение в необходимом.

4) В сем же году 20 ноября, по случаю двадцатипятилетия царствования государя императора Николая Павловича, пожертвовал я тысячу рублей серебром неприкосновенного капитала Виленскому человеколюбивому обществу, с тем чтобы проценты от сего капитала употреблялись на вечные времена для вспомоществования страждущим и неимущим – «да теплые их молитвы продлят на многие годы драгоценную жизнь государя императора ко благу вверенных ему Богом народов». Отношения мои от 20 ноября Человеколюбивому обществу и графу Протасову в тетради под № 76. Может быть, подобные пожертвования и подаяния, без различия вероисповеданий, а также врожденная мне справедливость и терпение парализировали в многом личное ко мне нерасположение, хотя оно и не могло угаснуть в деятелях римляно-польской партии.

5) В тетради под № 76 есть письмо мое к директору синодальной канцелярии Войцеховичу от 3 октября, о присылке мне коллегиальных протоколов за десять лет от начала униатского дела. Из этих протоколов по моим отметкам сделаны выписки важнейших постановлений и распоряжений в мою бытность в коллегии. Таких выписок набрался целый фолиант. Таким же образом сделаны постепенно выписки из моих протоколов по управлению епархией – из них составилось три фолианта. Независимо от сего я привел в порядок все прочие накопившиеся у меня бумаги и собственноручные черновые. Это все – материалы для настоящих Записок. Первую часть оных написал я в 1850 году. Прочее откладывал до более свободного времени, когда выйду на покой, а сего я всегда желал и надеялся. Но вот уже минуло десять лет, а я не достиг ожидаемого покоя. Между тем не только нет досуга, но и силы ослабели – и я не могу составить Записок в таком виде, как бы желалось. Едва могу для них отделить некоторое время, свободное от дел и недуга. Оттого Записки эти будут скорее собранием материалов, приведенных в порядок, нежели настоящим литературным произведением. Но, может быть, это и к лучшему. Материалы в огромной массе приложений будут обсуживаемы сторонними лицами, даст Бог, беспристрастными. Все приложения найдутся только при подлинном экземпляре Записок. Но я намерен сделать несколько копий этих Записок – при них будут только важнейшие приложения. Впрочем, при одной из копий я приложу все четыре упомянутые выше фолианты выписок из протоколов – если Бог позволит кончить настоящую работу. Сами протоколы будут сданы в консисторию.

6) Меня часто спрашивали о мнении по разным предметам вне ведомства моей епархии. Вот два рапорта мои Святейшему Синоду: сего года от 14 марта, о подчинении духовному начальству сельских казенных училищ, и от 17 октября, о степенях родства по бывшему униатскому обряду, а также отношение графу Протасову от 10 марта, насчет отвода священникам от казны участков земли для распространения здравых понятий о сельском хозяйстве. Прилож. № 83, 84, 85.

7) Может, кто полюбопытствует прочесть распоряжения мои: от 4 марта правлению семинарии, о взыскании с надзирателей духовных училищ за нерадение по должности; от 10 ноября Литовской консистории, о собрании сведений: все ли дети духовного ведомства знают молитвы на славянском языке, а также где их знают прихожане; от 13 декабря всем благочинным, о собрании сведений: все ли дети, рождающиеся от смешанных браков, крещаются и воспитываются в Православии. Прилож. № 86, 87, 88.

8) Предписание ректору семинарии Филарету от 26 ноября, о собрании материалов для составления церковно-исторического описания Литовской епархии. Это распоряжение оставалось за Филаретом и в бытность его викарием и имело мало успеха, а теперь перешло к нынешнему ректору. Я не мог взять этого дела на себя по хлопотливому моему положению и самому объему дела, как я его понимал, – здесь нужно перебрать всю историю Западно-Русской Церкви и обуревавшей оную унии. Прилож. № 89.

9) Отношение к генерал-губернатору Бибикову от 15 сентября, о приискании для православного ведомства других зданий взамен зданий помиссионерских. Это – начало продолжительной переписки, с моей стороны настойчивой, а с их – увертливой. Борьба кончилась в мою пользу. Помиссионерские здания, предполагавшиеся на институт благородных девиц, стоят доныне пусты и разрушаются; я же получил здания поакадемические, столько для меня желательные, в которых я четыре года воспитывался при Виленском университете. Прилож. № 90.

10) Отношение к Виленскому римско-католическому епископу Жилинскому от 8 ноября, об исключении из списков трех деревень, подлежащих по высочайшему повелению возврату к Православию. Это маленький эпизод постоянной моей борьбы. Я употреблял в ней разнообразнейшие приемы. Действовал и от себя, и от консистории. Обращался и к высшим и низшим, и к самим римско-католическим властям. Прилож. № 91.

11) Стоит просмотреть и остальные собственноручные письма мои в тетради под № 76, а в особенности письмо мое к графу Протасову от 15 апреля.

12) В сей же тетради есть записка генералу Девитте, при которой препровождены сто пятьдесят рублей серебром на красные яйца для войск гренадерского корпуса, бывших тогда в карауле в г. Вильне.

13) Теперь нашлась между бумагами ненапечатанная речь, произнесенная мной в 25 день июня сего года при освящении четырех знамен, пожалованных двум полкам гренадерского корпуса. Прилож. № 92.

14) Нашлась также черновая речи, приготовленной мной к ожидавшемуся приезду государя в 1849 году. Прилож. № 93. На обороте сего приложения есть собственноручная моя заметка о бывшем действительно посещении Вильна государем императором и государем наследником в мае 1850 года. Едва ли я имел когда-либо столько удовольствия, как тогда, от милостивого обращения со мной государя и наследника. При сем же приложении есть приветствие, сказанное мной государю цесаревичу 14 июля 1849 года, нигде не напечатанное.

15) Прилагаю на особом листе изображение чугунной доски, положенной на моем гробе. На ней вверху Всевидящее Око. После слова: «Помяни, Господи, раба Твоего святителя Иосифа». Еще ниже: «Святии мученицы Антоние, Иоанне, Евстафие, молите Господа о мне грешном». А в самом низу мертвая голова и «1850 года». Прилож. № 94.

16) Мне попались теперь под руку тридцать шесть (36) писем ко мне от важнейших духовных и гражданских сановников, большей частью по поводу посланных им моих слов. Прилагаю их при сем с особой описью. Может, кто полюбопытствует, если не по уважению ко мне, то к писавшим. Не знаю, как у меня сохранились эти письма. Всегдашним моим обыкновением было частную переписку уничтожать тотчас по миновании надобности. Я даже избегал частной переписки. После возведения меня в сан епископа, а особенно после назначения на епархию, я был забросан частными письмами. Увидел, что был бы не в силах удовлетворить этой переписке да еще запутал бы общественные дела частными отношениями, особенно с лицами господствующего в моей епархии латино-польского сословия. Начал оставлять частные письма без ответа – и постепенно отстали, и благо было для меня и для дел. Прилож. № 95.

Но пора перейти к 1851 году. Как-то об одном годе пишется обильнее, о другом скуднее. Может быть, происходит это от обилия или скудости материалов; но, кажется, зависит это и от временного настроения и утомления. Те же материалы интересуют в одно время, а в другое оставляются без внимания. Впрочем, и в настоящем году укажем на то, что позаметнее.

1) В марте месяце пожертвовал я для епархиальной семинарии 1 130 томов разнородных книг из моей библиотеки. Я любил всегда приобретать книги; но, наконец, библиотека переполнилась, и я ее облегчил. Впоследствии я неоднократно передавал книги свои в семинарскую библиотеку и в Виленский Свято-Духов монастырь, так что у меня всегда оставались только шесть шкафов с более нужными книгами.

2) Тогда же пожертвованы мной кафедральному собору наперсный крест и резная на яшме икона Жировицкой Божией Матери.

3) В сем же году посвящена мной в Вильне Благовещенская церковь военного ведомства. Она обновлена из прежде бывшей запущенной полковой церкви.

4) В сем же году викарий мой, Ковенский епископ Евсевий назначен на епархию Каменец-Подольскую; на его ж место посвящен мной в Вильне в епископа Ковенского ректор моей семинарии Филарет.

5) В мае месяце избран я почетным членом Русского географического общества.

6) Может быть, займут кого как знак моей попечительности и распорядительности следующие предложения правлению семинарии: *а)* от 6 февраля за № 349, о неудовлетворительных успехах учеников по приходским училищам Жировицким и Виленским, и за № 350, об учреждении надзора за воспитанниками Жировицких училищ, живущими вне заведения; *б)* от 18 февраля за № 510, об упадке архиерейского певчего хора по нерадению регента; *в)* от 31 марта за № 1045, о взятии подписок от учителей семинарии, что они будут являться исправно к часам урока; *г)* от 29 декабря за № 4388, относительно слабого приготовления учеников в семинарию. Прилож. № 96, 97, 98, 99, 100.

7) Не будут лишни: предложение консистории от 3 февраля, о возложении на Жировицкие училища образовать в дьячки причетников, назначаемых в тамошний монастырь, и резолюция от 10 февраля, записанная на письме священника Парчевского. Прилож. № 101, 102.

8) Стоит приложить и рапорт Святейшему Синоду от 14 мая, с мнением о правилах производства пособий заслуженным священникам, увольняемым за штат. Прилож. № 103.

Между тем борьба продолжалась и усиливалась. Поездка в Рим государя императора, новый конкордат и вообще новая правительственная система усилили и ободрили латино-польскую партию. Гражданские власти действовали в ее духе по самому своему составу. На ее стороне был обыкновенно генерал-губернатор Илья Гаврилович Бибиков, или по увлечению, или по неведению. Все дела пошли наперебой. Для образца прилагается при сем рапорт мой Святейшему Синоду от 19 октября, о выведении римско-католических монахинь из воспитательного в Вильне дома. Прилож. № 104.

Еще бы не большая беда, если бы пришлось бороться с одними латинами и их клевретами; но необходимо было бороться и с древлеправославными. О нерасположении сих последних к воссоединенным было уже упоминаемо в сих Записках и в приложениях. Это нерасположение происходило частью от недоразумений, но более зависело от особых видов древлеправославных священников. Таких священников с особыми видами было несколько и в Вильне, особенно военного ведомства. Священники сии пожелали играть особую роль и прибрать в руки свои все, что поважнее и побогаче, то есть всех древлеправославных чиновников. Сии последние дались на удочку, а более других Илья Гаврилович, так что давали подразумевать, что воссоединенные – еще не православные. Этим, кажется, хотели выслужиться и у латинян, которым, разумеется, это было и на руку. Между тем древлеправославные батюшки с их сторонниками начали своевольничать, так что даже Илья Гаврилович одним приказом отделил к другой церкви местные военные команды от той церкви, к которой принадлежали они по распоряжению Святейшего Синода. Для образца прилагаются при сем: рапорты Св. Синоду от 18 октября и 6 ноября, об означенных военных командах, и отноше-

ние мое графу Протасову от 19 октября, о требах, преподаваемых военными священниками лицам, принадлежащим епархиальному ведомству. Прилож. № 105, 106, 107.

Я был по обыкновению терпелив, долго выжидал, щупал, так сказать, обстоятельства. Хотел и сам уяснить вполне положение и дать время подумать другим. Эта осторожность теперь казалась мне еще нужнее потому, что Илья Гаврилович был в хороших отношениях с графом Протасовым и даже состоял с ним как-то в родстве. Но время не вело к лучшему, а к худшему – и терпение мое истощилось или, лучше сказать, долг требовал действовать решительно.

Как пробный удар пустил я отношение к графу Протасову от 21 августа, приложенное в тетради под № 76; после же подобрал подходящие сюда дела и пустил по ним, за один раз, семь бумаг в Святейший Синод и графу Протасову. Сии семь официальных бумаг препроводил я на руки графа Протасова при конфиденциальном, довольно резком к нему отношении от 20 октября, приложенном в той же тетради под № 76.

По ясности и очевидности дела, по справедливости моих требований я был почти уверен в их удовлетворении. Но мне наскучило тягостное мое положение, утомила постоянная борьба со своими и чужими – и я не мог не воспользоваться столь удобным случаем, чтобы выйти на покой. Вот просьба моя о том государю императору от 30 октября 1851 года:

«По Промыслу Всевышнего и по милости Вашего Величества удостоился я быть орудием благого дела воссоединения униатов к Церкви Православной. Никогда не ослеплялся я насчет своей будущности. Я знал, что подвергнусь постоянному недоброжелательству и происками поляков и римлян. Знал и то, что по особым обстоятельствам воссоединенного ведомства, не вполне известным, а следовательно, и не вполне оцененным русскими древлеправославными, не могу и с их стороны иметь полной доверенности, а следовательно, искреннего сочувствия и расположения. В сем убеждении я при самом воссоединении просьбой, прилагаемой у сего в списке, всеподданнейше просил Ваше Величество уволить меня от

дел, когда мое в них участие сделается ненужным. Эта последняя оговорка была естественна – я полагал, что служба моя была еще тогда необходима, по крайней мере на три года, для утверждения только что совершившегося дела воссоединения.

Когда это дело было упрочено вполне, я обращался прилагаемыми тоже при сем в копиях отношениями к графу Николаю Александровичу Протасову от 18 декабря 1842 и 26 февраля 1843 годов, об испрошении у Вашего Величества милостивого удовлетворения выше помянутой просьбы. Но не получил ни удовлетворения, ни ответа.

Засим мне оставалось отправиться в Литовскую епархию и основать жилище в местности, где всегда господствовала самая деятельная неприязненность к Церкви Православной и к самой России и где, следовательно, я должен был подвергаться более, нежели где-либо, вражде и интриге. Меня несколько поддерживала уверенность, кажется, не неоправданная, что я более кого другого мог принести здесь пользы и государству, и Церкви Православной. В глубине сердца я даже питал надежду, что город Вильно, бывший некогда поприщем отторжения стольких миллионов от русской народности и от единения с Церковью Православной, будет орудием и обратного справедливого очистительного движения.

Эта надежда час от часу ослабевала, час от часу более отказывалась поддерживать дух мой в постоянной борьбе, тем более тягостной, что для пользы же службы должен был я скрывать в глубине сердца и всю ее силу, и весь ее объем. Я вижу совершающуюся постепенно реакцию к поддержанию и усилению в здешней стране партий и элементов, неприязненных России и Православию. Вижу, если не мысль правительства, то, по крайней мере, мысль и направление лиц, действующих в сем смысле его именем. Вижу также постоянное направление дел и обстоятельств к тому, чтобы уронить дело воссоединения и посрамить делателей на его пользу, а может быть, их примером отклонить навсегда попытки действовать на пользу России и Православия.

Я здесь не истец – никого не обвиняю, но поверьте, Ваше Величество, моему убеждению, поверьте чувству преданного Вам вер-

ного слуги, не привыкшего на пути служения останавливаться какими-нибудь мелочными препятствиями. Мне необходимо сойти с поприща службы, чтобы не доставить удовольствия врагам России и Православия видеть меня посрамленным и поруганным самими ж русскими и православными, самим правительством. Притом же с летами и силы мои ослабевают, становясь неспособными не только для борьбы с партиями, но и для обыкновенной служебной деятельности, – а Ваше Величество, слава Богу, имеете довольно достойных пастырей, которые для блага России будут трудиться на моем месте с большей доверенностью правительства и Церкви Православной.

Засим всеподданнейше прошу Ваше Величество удовлетворить давнишнее мое желание, давнишнюю мою просьбу: уволить меня совершенно от дел, дозволить жить частно по моему усмотрению и обеспечить меня приличным содержанием.

Ваше Величество снизойдете к желанию моему жить частно. Я не привык к обычаям, нравам и самим постам; не привык к заученным фразам и движениям, которые приобретаются только из детства, и по необходимости покажусь странным среди древлеправославного населения, а тем более среди иноков, – а мне более, нежели кому, было бы больно сделаться предметом попреков и недоброжелательства со стороны чад Православной Церкви, которой посвящал я себя всю жизнь душой и телом. О приличном же содержании прошу потому, что желал бы иметь средства делать добро, тем более что у меня многочисленная родня, из которой иные даже пострадали по недоброжелательству ко мне польской партии.

Всемилостивейший государь! Тридцать один год прослужил я со времени поступления членом в консисторию; двадцать девять лет со вступления в бывшее главное управление униатов – Греко-унитскую коллегию; двадцать два года уже архиерействую, в том числе двенадцать в недрах Православной Церкви. Большую половину этой многотрудной тридцатилетней службы Ваше Величество воинам своим сочли бы вдвойне, за настоящие кампании.

Отпустите ж меня милостиво, отпустите честно! А Бог даст Вашему Величеству и Вашему дому побольше слуг, столько же усердных, столько верных, столько преданных, как был всегда.

Вашего Императорского Величества
верноподданный Иосиф, архиепископ Литовский»

В тот же день, 30 октября, написал я следующее письмо графу Протасову:

«Мне жаль, что я пустил в ход бумаги, отправленные при отношении к Вашему Сиятельству от 20 сего октября за № 3475. Пусть бы это пало на моего преемника – ему бы, может быть, более поверили. Моя же участь давно решена самим ходом дел, самой силой обстоятельств, если не системой правительственной.

Я обижал бы Ваше Сиятельство, если бы полагал, что Вы не понимаете ни моего положения, ни обстоятельств, изложенных во всеподданнейшей просьбе, при сем препровождаемой. Вы не подумаете также, будто в отставке я ожидаю особенного счастья. Напротив, я знаю, что до конца жизни мне придется пострадать за доброе дело, которое Бог дал мне совершить. Но на покое я могу страдать лично, тогда как ныне лежит на мне ответственность и за то, чего я не могу сделать, и за то, что сделать мне препятствуют именно те, которые должны бы помогать. На меня тяготят не только партии, но и лица правительственные, которые, не понимая наших дел, часто порицают то, что́ бы должны похвалить, и хвалят, что́ бы следовало охуждать*.

Будьте уверены, что мне бы легче умереть (и сколько молил я о сем Господа!), чем прибегать к настоящей просьбе. Не знаю, на что меня Бог хранит! Но неужели мне дать себя растоптать безмолвно? Неужели ожидать, пока меня предадут на посрамление сами русские православные? Неужели мне ожидать, пока довершится беззаконная сделка на мой счет с врагами Православия?

---

* Охуждать – порицать, осуждать. – *Прим. ред.*

Занятый исключительно судьбой драгоценнейшего для меня общественного дела, я не искал ни в партиях, ни в лицах обеспечения будущей моей личной участи. Я всегда думал, что во всяком случае имею полное право прибегнуть прямо к царской милости посредством Вашего Сиятельства. В сем убеждении обращаюсь к Вам, граф Николай Александрович, прося покорнейше Вашего предстательства к государю императору об удовлетворении всеподданнейшей моей просьбы.

При сем осмеливаюсь изложить подробно мои желания, которые в той просьбе излагать было бы долго, а может быть, и не совсем прилично.

Во-первых. Я желал бы, *чтобы мне оставлено было все нынешнее мое содержание* или, по крайней мере, не было слишком уменьшаемо. Государь император столь часто оказывает подобную милость слугам своим, что и я питаю о сем надежду. Притом мое положение столь эксцепционально, что милость эта никому не может быть примером и никого не удивит. В своих личных потребностях я могу очень ограничиться, но я теперь не могу так скрыться от всех взоров, как мог бы и желал двенадцать лет тому назад. Желательно, чтобы я был в состоянии делать добро и прилично стоять в лице людей, враждующих и мне, и Церкви Православной.

Во-вторых. Я просил бы, *чтобы мне пожаловано было двадцать пять тысяч рублей серебром на покупку в мою собственность дома с садом или небольшого имения.* Эту сумму можно бы заимствовать по всей справедливости из общего капитала воссоединенного духовенства – он составился и возрос моим старанием и заботливостью. Не пожалейте для меня этой жертвы. Униатские иерархи, мои предшественники, оставляли по большей части имения своей фамилии – пусть бы и после меня осталась кому хотя маленькая память. Притом нужно же мне где-нибудь поместиться, а я испытал, что ближайшее созерцание природы, сельские занятия, соединенные с движением и чистым воздухом, всегда имели благодетельное влияние на мое здоровье и на успокоение духа в тревожных обстоятельствах моей жизни. Я имел большое искушение просить об оставлении за мной Тринополя; но за что ж стеснять моего преемника; да и жилье это,

может быть, слишком пышно для покойного; и буду ли в состоянии содержать его прилично, если буду отпущен скудно?

В-третьих. Я просил бы, *чтобы в новом моем доме дозволено мне было устроить небольшую церковь собственно для себя.* Это – необходимость и, кажется, не должно быть затруднения.

В-четвертых. Я просил бы, *чтобы по моему востребованию и избранию командированы были постоянно в мое распоряжение один иеромонах, один иеродиакон и два послушника из Виленского Свято-Духова монастыря.* Монастырь сей моими стараниями получил такое устройство и такие средства, что не должен тяготиться этой маленькой жертвой.

В-пятых. Я просил бы, *чтобы мне для прислуги отпускаемо было по востребованию до восьми штатных служителей архиерейского дома.* Для него положено шестьдесят штатных служителей, в которых он никогда не будет вполне нуждаться. Это – маленькое для меня удобство и не несправедливо: я первый обзавел в Вильне архиерейский дом и составил для него и Духова монастыря с большим трудом штат служителей, превышающий теперь сорок человек.

В-шестых. Я просил бы, *чтобы до устройства нового дома дозволено мне было помещаться в настоятельских кельях Виленского Свято-Духова монастыря, если не удастся мне найти помещение по найму.*

Не удивляйтесь, Ваше Сиятельство, что я не устраняюсь от Вильна. Мне не предстоит лучшего выбора. Да притом здесь для меня готов и гроб под мощами святых Виленских мучеников – и, кажется, есть в природе человека, что ему дорого то место, где он страдал за правду и для доброго дела.

Извините, Ваше Сиятельство, что я Вас озабочиваю своей участью. Кажется, я имею некоторое право прибегнуть и к Вашей личности, и к Вашему государственному положению. К сему, это едва ли не последняя моя просьба – не откажите ж сделать мне честное погребение. В полной надежде на милость государя императора и Ваше предстательство, я совершенно уверен, что получу все испрашиваемое, и остаюсь в спокойном ожидании удовлетворения моей просьбы».

На письмо сие получил я ответ от 12 ноября – прилож. № 108. В нем после симпатических рассуждений граф Протасов спрашивал меня для доклада государю, какие еще причины, кроме выше прописанных, заставляют меня выйти на покой?

Вот мой ответ от 16 декабря.

«По случаю всеподданнейшей просьбы моей Ваше Сиятельство спрашиваете меня конфиденциально от 12 минувшего ноября, какие именно обстоятельства заставляют меня желать сойти с настоящего поприща, независимо от обстоятельств, изложенных в донесениях моих Святейшему Синоду, препровожденных к Вам при отношении от 20 минувшего октября.

Не удивляйтесь, Ваше Сиятельство, что я столь долго медлил ответом. Мне было бы крайне больно, а может быть, и неприлично, все высказывать или пересказывать – да и что же мог я сказать для Вас нового?

Вы знаете, в каких отношениях состоит воссоединенное ведомство к римско-католической и польской партии, – в особенности по Литовской епархии, где партия сия по преимуществу может считаться господствующей. Вы знаете, в каком положении отправился я в Литовскую епархию и в каких обстоятельствах переселился с горстью своих подчиненных в самый центр могущества этой партии – Вильно. Вы знаете, какую постоянную борьбу выдерживал я здесь и выходил из нее цел только стойкостью характера и благоразумием. Вы не можете не знать, сколько нынешнее обновление римской иерархии в России, по конкордату и по административному устройству, возвысило дух и силу римской партии и придавило воссоединенное ведомство. Вы не можете также не знать, что польская партия, подавленная на приступе Варшавы, опозоренная в мятежах Франции, Германии, Италии, уничтоженная русскими штыками в Венгрии, давно уже решилась искать временного приюта в лицемерной религиозности под покровом своего духовенства, ей принадлежащего, и что сильное и самостоятельное это устройство иерархии есть истинное торжество сей партии, предавая влиянию оной два с половиной

миллиона римских католиков в России, тогда как между ними едва ли наберется пятьдесят тысяч настоящих поляков, – разумеется, я не считаю поляками русских и литовцев, которых, подобно мне, выучили некогда говорить по-польски в польских училищах, устроенных было самим русским правительством. Вы не можете не знать, что это сосредоточение видов обеих партий, а, следовательно, усиление их обессиливает по необходимости ведомство православное вообще, а воссоединенное в особенности. Вы не можете не знать, что все это, облеченное благовидными толками и громкой молвой, вводит в недоумение и местные здешние начальства, не знающие наконец, за кого они должны стоять.

Ваше Сиятельство не можете не видеть, что по воссоединенному ведомству ничье устранение для римляно-польской партии не столько желательно, как мое, и что даже вне сей партии найдется довольно ей в сем сочувствующих: иным кажусь стеснителен, а другим стою на пути. Вы не можете также не видеть, в какое тягостное положение поставило меня и перед православными, и перед иноверцами торжество римской иерархии и в ее устройстве, и в повышении ее начальника. Для Вашего Сиятельства должно быть ясно, почему я желаю освободиться от этого тягостного, шаткого положения, колеблемого со всех сторон. Несколько уже лет чувствую, что буду низвержен интригой, если не успею выпроситься на покой, и что, может быть, вскоре пронесется радостная между врагами Православия молва, *что меня сослали*, как пронеслась семь лет тому назад, *что меня православные сами прогнали, как собаку*. Пощадите же меня и не требуйте лишних объяснений, неприятных и для меня, и для начальства.

Притом же я сказал во всеподданнейшей просьбе, *что никого не обвиняю*, и просил увольнения на покой, единственно как милости и внимания к небезызвестной свыше тридцатилетней службе. Если удостоюсь сей милости по смыслу отзыва моего к Вашему Сиятельству от 30 октября за № 3587, сочту себя счастливым кончить мое многотрудное поприще, давно уже совершенное. Если ж получу отказ и должен буду, воин Святой Церкви, подобно воину бранному, стоять на трудном и опасном посту, несмотря ни на какие послед-

ствия, то не будет ли малодушно, не будет ли неблагородно, обвинять тех или других в таких делах и последствиях, которые, может быть, происходят необходимо из самого моего положения, из самих элементов, среди которых проходить должно мое поприще?

Прошу Ваше Сиятельство принять благодушно сие писание и еще раз извинить меня, что столько затрудняю Вас собой. Знаю, что должен более других помнить слова ежедневной молитвы: «Да будет воля Твоя!» Но какой же человек, прошедший подобное моему поприще, с таким чистым рвением, с таким самоотвержением, не содрогнется при виде, что его хотят растоптать и в нем посрамить светлое дело, которому он посвятил всю жизнь свою».

После сего получил я отношение графа Протасова от 5 января 1852 года. В нем сказано:

«Государь император высочайше повелеть мне соизволил объявить Вам волю свою, чтобы Вы, как истинный верноподданный, приверженность коего давно Его Величеству известна, оставались на том месте, которое Его Императорским Величеством указано Вам для пользы Святой Церкви, Отечества и воссоединенного духовенства, и к сему изволил присовокупить, что Вы должны быть совершенно убеждены во всегдашнем к Вам монаршем доверии», – прилож. № 109.

Затем мне не предстояло выбора. Нужно было оставаться при делах на прежнем месте – и я написал следующее письмо графу Протасову от 12 января.

«Доверие государя императора для меня драгоценно и священна воля Его, объявленная мне в конфиденциальном отношении Вашего Сиятельства от 5 сего января за № 59, – следовательно, она будет исполнена.

Не скрою, однако ж, перед Вами, граф Николай Александрович, моего сожаления о неудовлетворении просьбы моей. Бог видит, что я давно считал поприще мое конченным, а теперь находил самое

удобное время и случай: для правительства меня отпустить, а для меня выйти на покой. Признаюсь даже, что последние два или три года сама служебная моя деятельность была соразмерена с сей надеждой и с сей целью.

Не знаю, как-то мне Бог поможет на дальнейшем, так сказать, уже новом поприще служения, при уверенности, что мне до гробовой доски предстоит борьба и с личными, и с общественными затруднениями. Правда, что меня должно ободрять милостивое внимание и доверие благочестивейшего государя! Но кто же, кроме Вас, знает меня настолько, чтобы принимать во мне искреннее личное участие, а на пятьдесят четвертом году уже и не время, и не так-то прилично выслуживаться да пробиваться на новом пути. Упование на Бога и на Помазанника Его!»

Скорбя, что не вышел на покой и что мне предстоит прежняя борьба, я, однако ж, сделался покойнее: был уверен, что мне пособят во всем необходимом. И действительно, требования мои начали исполняться, хотя это и компрометировало Илью Гавриловича. Особенно оказалось полезным подчинение епархиальному начальству трех причтов военного ведомства виленских церквей Благовещенской, госпитальной и дворцовой в доме генерал-губернатора. Древлеправославная котерия оставила свои затеи, по крайней мере по наружности.

В 30 день марта 1852 года произведен я в митрополиты и получил белый клобук с богатым бриллиантовым крестом при лестном рескрипте – письма к государю и графу Протасову от 4 апреля в тетради под № 76.

Тогда же сделано мне утешение пожалованием престарелому родителю моему наперсного креста с драгоценными камнями. Этот крест по завещанию родителя ныне в кафедральном соборе.

Вообще с того времени расположение чиноначалия, по крайней мере наружное, изменилось к лучшему. Должно полагать, что Илья Гаврилович получил наставление.

Но я переступил несколько за пределы 1851 года. Можно еще в нем сослаться на некоторые собственноручные письма мои в тетра-

ди под № 76, а в особенности на письмо к графу Протасову от 4 ноября за № 3672. В нем говорится об обновлении и посвящении мной древней монастырской и вместе семинарской Троицкой церкви в тот же день, когда латиняне торжествовали возложение паллия на их митрополита. Видите, я не унывал даже тогда, когда дело решалось о моей участи, – стоял смело на почве православной перед лицом торжествующего и ликующего латинства!

———

Опись документов, приложенных при четвертой части записок Иосифа, митрополита Литовского

№ 1. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову от 7 марта 1844 за № 443, касательно новых штатов для Виленских Свято-Духова и Троицкого монастырей и переименовании первого лаврой.

№ 2. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 7 марта 1844 за № 444, касательно наделения угодьями Виленского архиерейского дома и Свято-Духова монастыря.

№ 3. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 8 марта 1844 года за № 458, о штатах для Литовской семинарии и перемещении оной в Вильно в Троицкий монастырь.

№ 4. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 8 марта 1844 года за № 459, о штатах для уездных и приходских училищ Литовской епархии с двумя бурсами в Вильне и Жировицах.

№ 5. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 21 августа 1844 года за № 1402, о перемещении в Виленский, бывший миссионерский, монастырь Мядзельского женского православного монастыря.

№ 6. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 21 августа 1844 за № 1403, о причислении к Виленскому Свято-Духову монастырю зданий упраздненного кармелитского монастыря.

№ 7. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 21 августа 1844 за № 1404, об определении штатных причтов к древней Виленской Николаевской церкви и к церкви Бытенского монастыря, обращаемой в приходскую.

№ 8. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 21 августа 1844 за № 1405, о переведении Бытенского монастыря в Жировицы.

№ 9. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 22 августа 1844 за № 1408, о назначении некоторых духовных на штатные вакансии по Виленскому кафедральному собору.

№ 10. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 22 августа 1844 за № 1413, о приписании некоторых домов Троицкого монастыря к Виленскому кафедральному собору для помещения соборян и консисторских чиновников.

№ 11. Список с предложения в Литовскую консисторию от 6 мая 1844 за № 750, об образовании к дьячковским должностям праздных священно- и церковнослужительских сыновей.

№ 12. Список с резолюции Платону, епископу Ковенскому, от 4 августа 1844 за № 1286, с указанием цели распоряжения о временном помещении в Виленском Свято-Духовом монастыре ожидавшихся из России монашествующих.

№ 13. Список с предложения в Литовскую консисторию от 6 декабря 1844 за № 2218, относительно священников, имеющих жен и дочерей, принадлежащих римско-католическому обряду.

№ 14. Список с предложения в Литовскую консисторию от 6 декабря 1844 за № 2221, о мерах заставления священно- и церковнослужителей отдавать детей своих в духовные училища.

№ 15. Список с рапорта Св. Синоду от 21 февраля 1844 за № 317, с ходатайством об издании новых штатов для городских церквей Литовской епархии.

№ 16. Список с рапорта Св. Синоду от 21 февраля 1844 за № 319, о восстановлении приходскою древней Николаевской церкви в городе Вильне.

№ 17. Список с рапорта Св. Синоду от 21 февраля 1844 за № 320, с просьбой о назначении штатных причтов для находящихся среди латинян церквей Меречской, Веселовской, Козачизнянской, Подубиской и Кейданской.

№ 18. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 7 марта 1844 за № 442, с ходатайством о возвышении штата для Виленского кафедрального собора.

№ 19. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 30 ноября 1844 за № 2173, об улучшении штатов семинарии и пяти духовных училищ.

№ 20. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 1 декабря 1844 за № 2187, о назначенном времени для переселения в Вильно Литовского епархиального управления.

№ 21. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 10 марта 1845 за № 617, о разрешении передачи библиотеки Виленского Свято-Троицкого монастыря в собственность семинарии.

№ 22. Список с предложения в Литовскую консисторию от 7 апреля 1845 за № 937, о распределении квартир для духовенства и консисторских чиновников в домах, перечисленных от Троицкого монастыря к кафедральному собору.

№ 23. Список с предложения Платону, епископу Ковенскому, от 18 апреля 1845 за № 1031, об учреждении комитета для устройства в Виленском Троицком монастыре помещения для семинарии.

№ 24. Список с предложения правлению Литовской семинарии от 20 апреля 1845 за № 1053, о назначении всех воспитанников в семинарии на казенное содержание.

№ 25. Список с предложения в Литовскую консисторию от 6 апреля 1845 за № 926, о переселении в Вильно лиц, составляющих консисторский и кафедральный штаты.

№ 26. Список с предложения Платону, епископу Ковенскому, от 22 апреля 1845 за № 1066, с распоряжениями по случаю предположительного прибытия Его Высокопреосвященства в Вильно и открытия там епархиального управления.

№ 27. Список с рапорта Св. Синоду от 10 мая 1845 за № 1152, с донесением о прибытии в Вильно и открытии там епархиального управления.

№ 28. Тетрадь с собственноручной перепиской Его Высокопреосвященства с 11 февраля по 19 июля 1845, на двенадцати листах.

№ 29. Тетрадь с собственноручной перепиской Его Высокопреосвященства с 19 июля 1845 по 5 февраля 1846, на двенадцати листах.

№ 30. Список с рапорта Св. Синоду от 4 июня 1845 года за № 1459, с донесением об освящении обновленной церкви Виленского Свято-Духова монастыря.

№ 31. Список с отношения к начальнику Виленской губернии Жеребцову от 10 мая 1845 за № 1154, с препровождением 300 руб., пожертвованных для бедных виленских граждан, по случаю открытия в Вильне епархиального управления.

№ 32. Список с отношения к начальнику Виленской губернии Жеребцову от 4 июня 1845 года за № 1461, с препровождением 300 рублей, пожертвованных для бедных виленских граждан, по случаю освящения Свято-Духовской церкви.

№ 33. Список распорядка, сделанного в 5 день сентября 1845 за № 2310, для открытия Литовской семинарии и духовных училищ в Вильне.

№ 34. Список с рапорта Св. Синоду от 8 сентября 1845 за № 2354, о совершившемся открытии в Вильне Литовской семинарии и духовных училищ.

№ 35. Список с отношения к виленскому военному губернатору Мирковичу от 20 января 1845 за № 157, об обстоятельствах, замедляющих возвращение в Православие леонпольских прихожан, совращенных в латинство.

№ 36. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 11 апреля 1845 за № 980, о последовавшем возвращении в Православие леонпольских и узменских прихожан.

№ 37. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 6 декабря 1845 за № 3192, с опровержением ложных сведений, напечатанных в газете «Le Siecle», по униатским делам[3].

№ 38. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 10 февраля 1845 за № 378, о документах на принадлежность Супрасльскому православному монастырю Варшавского базилианского монастыря.

№ 39. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 17 сентября 1845 за № 2465, о неправильности приводимой Варшавскими базилианами земской давности для отклонения принадлежности их обители Супрасльскому монастырю.

№ 40. Список с предложения в Литовскую консисторию от 6 марта 1845 за № 572, об обучении всех священно- и церковнослужительских детей молитвам на славянском языке.

№ 41. Список с предложения в Литовскую консисторию от 7 марта 1845 за № 581, о делании священниками по клировым ведомостям отметок о числе присоединенных каждым к Православию иноверцев.

№ 42. Список с предложения в Литовскую консисторию от 21 марта 1845 за № 744, о скорейшем окончании разбора с латинским духовенством спорных прихожан.

№ 43. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 21 марта 1845 за № 745, о причинах медленности в разборе с римским духовенством спорных прихожан.

№ 44. Список с предложения в Литовскую консисторию от 31 марта 1845 за № 856, с распоряжением о распределении церковной земли между членами причтов.

№ 45. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 6 апреля 1845 за № 922, о порядке производства причтам штатного жалованья посредством благочинных.

---

[3] И к сему же относящийся список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову от 24 декабря 1845 года за № 3382.

№ 46. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 18 июля 1845 за № 1826, об обвинениях, взведенных жандармским генералом Бугсгевденом на местное православное духовенство, будто бы оно удерживает в латинстве леонпольских православных прихожан.

№ 47. Список с предложения в Литовскую консисторию от 26 сентября 1845 за № 2578, о штрафах на монашествующих, леностных к богослужению.

№ 48. Список с предложения в Литовскую консисторию от 28 апреля 1846 за № 1129, о преднамеренном посещении Его Высокопреосвященством большей части епархии.

№ 49. Список с отношения эконома архиерейского дома к Гродненскому архимандриту Игнатию от 29 апреля 1846 за № 1142, по каковому образцу посланы отношения к благочинным и настоятелям монастырей, где предполагались богослужения при осмотре Его Высокопреосвященством епархии.

№ 50. Тетрадь с собственноручной перепиской Его Высокопреосвященства с 16 марта 1846 по 30 декабря 1849 года, на двадцати четырех листах.

№ 51. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 21 января 1846 за № 233, с просьбой об отпуске суммы на устройство в Тринополе загородного архиерейского дома.

№ 52. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 21 января 1846 за № 234, о скорейшей передаче архиерейскому дому земель упраздненного Тринопольского монастыря.

№ 53. Список с предложения в Литовскую консисторию от 24 января 1846 за № 259, о наложении штрафа по 25 коп. за каждые сутки на родителей, которых дети опаздывают прибыть в семинарию и училища.

№ 54. Список с предложения ректору семинарии Евсевию от 30 марта 1846 за № 862, о заведении в Вильне накануне Недели ваий крестных ходов с воспитанниками духовно-учебных заведений.

№ 55. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 5 сентября 1846 за № 2514, с мнением насчет изменения 74 ст. X т. Свода Законов, о браках лиц православных с латинами.

№ 56. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 23 октября 1846 за № 2986, касательно заведения нового порядка в отпуске из казначейства жалованья для сельских причтов.

№ 57. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 16 января 1847 за № 139, касательно продажи архиерейского дома в Вильне и устройства помещения для архиерея в Свято-Духовом монастыре.

№ 58. Список с отношения к виленскому военному губернатору Мирковичу от 11 марта 1847 за № 722, о перенесении секретарем римской консистории Стефановским из Ганутского кладбища в другое место тел детей своих.

№ 59. Список с отношения к виленскому военному губернатору от 12 марта 1847 за № 725, о бухгалтере Лидского казначейства Петре Образцове, совратившемся из Православия в латинство.

№ 60. Список с отношения к виленскому военному губернатору от 13 марта 1847 за № 754, о чиновнице Корецкой, перешедшей с сестрой и матерью в латинство.

№ 61. Список с отношения к виленскому военному губернатору от 14 марта 1847 за № 766, о латинских иноках, содержащихся по помещичьим дворам.

№ 62. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 27 января 1848 за № 270, о появившихся между воспитанниками духовно-учебных заведений в Вильне признаках приближавшейся холеры.

№ 63. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 20 июня 1848 за № 1967, об отсрочке экзаменов по духовно-учебным заведениям в Вильне по случаю холеры.

№ 64. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 21 ноября 1848 за № 3366, о прекращении в Вильне холеры и об умерших от нее лицах по духовному ведомству.

№ 65. Список с предложения в Литовскую консисторию от 25 июня 1848 за № 2018, о совершении духовенством долга покаяния по случаю холеры.

№ 66. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 13 января 1848 за № 88, касательно дозволения хоронить православных покойников на римских кладбищах и взаимно, где нет собственных кладбищ.

№ 67. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 31 декабря 1848 за № 3782, о назначении прибавочного оклада для 19 сельских причтов Литовской епархии.

№ 68. Список с отношения к виленскому военному губернатору от 17 декабря 1848 за № 3635, об обидном доносе гродненского губернатора на воссоединенных священников, будто они напитывают крестьян вольным духом.

№ 69. Список с рапорта Св. Синоду от 3 июня 1849 за № 1603, о передаче Пермскому кафедральному собору посоха св. Стефана Пермского, хранящегося в Супрасльском монастыре.

№ 70. Список с отношения к латинскому митрополиту Дмоховскому от 5 сентября 1849 за № 2749, о неправильном обвинении Литовской консистории в притеснительных якобы действиях в отношении латинизантов.

№ 71. Список с отношения к Василию, архиепископу Полоцкому, от 6 сентября 1849 за № 2756, с требованием заготовления указанных сведений к приезду Высокопреосвященного Иосифа для осмотра воссоединенных епархий.

№ 72. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 26 сентября 1849 за № 2903, с мнением о переводе Полоцкой семинарии в Витебск.

№ 73. Список с предписания Виленскому Свято-Духову монастырю от 18 июня 1850 за № 1930, об устройстве Его Высокопреосвященством железных дверей и решетки к новому входу в подалтарный склеп, в котором покоятся мощи св. Виленских мучеников.

№ 74. Список с предписания Виленскому Свято-Духову монастырю от 2 июля 1850 за № 2065, об устройстве Его Высокопреосвященством для себя гроба под ракой св. Виленских мучеников.

№ 75. Список с рапорта Св. Синоду от 26 октября 1850 года за № 3352, с просьбой о разрешении на устройство церкви в пещере, где почивают мощи св. Виленских мучеников.

№ 76. Тетрадь с собственноручной перепиской Его Высокопреосвященства с 7 марта 1850 по 1 августа 1852, на двадцати листах.

№ 77. Список распорядка, составленного 8 апреля 1851, для освящения пещерной церкви св. Виленских мучеников.

№ 78. Список с письма к сенатору Ивану Сенявину от 24 марта 1851 за № 920, касательно устройства бронзовой чеканной позолоченной раки для мощей св. Виленских мучеников.

№ 79. Список с письма к товарищу министра иностранных дел Льву Сенявину от 29 июня 1851 за № 2064, относительно принятия им, по покойном его брате, труда в устройстве раки для мощей св. Виленских мучеников.

№ 80. Список с составленной в 14 день апреля 1851 года подписки для сбора приношений на раку для мощей св. Виленских мучеников.

№ 81. Список с письма к почетному гражданину Кузнецову от 28 апреля 1850, насчет распределения на виленские церкви пожертвованной им суммы 10 000 руб. серебром.

№ 82. Список с предложения в Литовскую консисторию от 4 августа 1850 за № 2423, о распределении суммы 10 т. рублей, пожертвованной на виленские церкви почетным гражданином Кузнецовым.

№ 83. Список с рапорта Св. Синоду от 14 марта 1850 за № 865, с мнением по проекту о подчинении духовному начальству сельских казенных училищ.

№ 84. Список с рапорта Св. Синоду от 17 октября 1850 за № 3265, о степенях родства в отношении браков по бывшему грекоунитскому обряду.

№ 85. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 10 марта 1850 за № 818, с мнением по проекту насчет отвода от казны священникам участков земли, для распространения здравых понятий о сельском хозяйстве.

№ 86. Список с предложения правлению семинарии от 4 марта 1850 за № 758, о взыскании с надзирателей духовных училищ за нерадение по должности.

№ 87. Список с предложения в Литовскую консисторию от 10 ноября 1850 за № 3513, о собрании сведений: все ли дети духовного ведомства знают молитвы на славянском языке, а также где их знают прихожане.

№ 88. Список с предписания Виленскому благочинному и всем прочим благочинным от 13 декабря 1850 за № 3849, о собрании сведений: все ли дети, рожденные от смешанных с лицами римско-католического исповедания браков, крещаются и воспитываются в Православии.

№ 89. Список с предписания ректору Литовской семинарии архим. Филарету от 26 ноября 1850 за № 3689, о собрании материалов для составления церковно-исторического описания Литовской епархии.

№ 90. Список с отношения к виленскому военному губернатору Бибикову от 15 сентября 1850 за № 2938, о приискании для Виленских духовных училищ и девичьего монастыря другого помещения взамен помиссионерских зданий.

№ 91. Список с отношения к Виленскому римско-католическому епископу Жилинскому от 8 ноября 1850 за № 3475, об исключении из латинских списков трех деревень, подлежащих по высочайшему повелению возврату к Православию.

№ 92. Речь, произнесенная в 25 день июня 1850 при освящении четырех знамен, пожалованных двум полкам гренадерского корпуса.

№ 93. Собственноручная черновая речи, приготовленной к ожидавшемуся приезду государя императора в мае 1849.

№ 94. Изображение чугунной доски, положенной на приготовленном для Его Высокопреосвященства гробе.

№ 95. Тридцать шесть писем к Его Высокопреосвященству от важнейших духовных и гражданских сановников, большей частью по поводу посланных им слов.

№ 96. Список с предложения правлению Литовской семинарии от 6 февраля 1851 за № 349, о неудовлетворительных успехах учеников по приходским училищам Жировицкому и Виленскому.

№ 97. Список с предложения правлению Литовской семинарии от 6 февраля 1851 за № 350, об учреждении надзора за воспитанниками Жировицкого училища, живущими вне заведения.

№ 98. Список с предложения правлению Литовской семинарии от 18 февраля 1851 за № 510, об упадке архиерейского певчего хора по нерадению регента.

№ 99. Список с предложения правлению Литовской семинарии от 31 марта 1851 за № 1045, о взятии подписок от учителей семинарии, что они будут являться исправно в класс к часам урока.

№ 100. Список с предложения правлению Литовской семинарии от 29 декабря 1851 за № 4388, с требованием заключения: не от малого ли приготовления в училищах оказалось в низшем отделении семинарии весьма много учеников малоуспешных.

№ 101. Список с предложения в Литовскую консисторию от 3 февраля 1851 за № 278, о возложении на Жировицкие училища образовать в дьячки причетников, назначаемых в тамошний монастырь.

№ 102. Список с резолюции, данной 10 февраля 1851 за № 405 священнику Волковысской церкви Парчевскому, со внушениями по случаю письма его о стеснительном положении своем в Волковыске.

№ 103. Список с рапорта Святейшему Синоду от 14 мая 1851 за № 1518, с мнением о правилах производства пособий заслуженным священникам, увольняемым за штат.

№ 104. Список с рапорта Святейшему Синоду от 19 октября 1851 за № 3455, с ходатайством о выведении римско-католических монахинь из воспитательного в Вильне дома «Иисус Младенец» в другие монастыри.

№ 105. Список с рапорта Святейшему Синоду от 18 октября 1851 за № 3449, с испрашиванием распоряжения, чтобы воинские команды, постоянно в Вильне пребывающие, считались по-прежнему в приходе Виленской Никольской церкви.

№ 106. Список с рапорта Святейшему Синоду от 6 ноября 1851 за № 3683, о сделанном виленским военным губернатором распоряжении, чтобы воинские чины города Вильно обращались впредь в духовных требах к протоиерею Благовещенской церкви.

№ 107. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 19 октября 1851 за № 3462, о воспрещении священникам военного ведомства в Вильне преподавать духовные требы лицам, принадлежащим епархиальному ведомству.

№ 108. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 12 ноября 1851 за № 7860, о причинах, заставляющих Его Высокопреосвященство выйти на покой.

№ 109. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 5 января 1852 за № 59, с объявлением высочайшего повеления оставаться на месте, указанном государем императором.

Записки, собственноручно писанные Иосифом, митрополитом Литовским

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

(Писана в ноябре 1861 г.)

За 1852 год по-прежнему поименую более замечательные факты и сведения, именно:

1) Подчинены епархиальному ведомству три виленские церкви военного ведомства с их причтами.

2) Преобразовано по высочайшему повелению управление воспитательного в Вильне дома. Консистории от 8 февраля – прилож. № 1.

3) Поручено священнику Ковенского собора Петкевичу рассматривать книги на самогитском и литовском языках, поступающие в Виленский цензурный комитет.

4) Приняты в Православие из латинства иеромонах Ковнацкий и священник Касперович. Первый оказался негодником, подался на латинские каверзы и сослан на поселение. Второй престарелый умер честно через несколько лет.

5) Роздано мной виленским бедным 425 рублей серебром по случаю возведения в митрополиты.

6) Было дело о восполнении по воссоединенным церквам богослужебных книг, печатанных в православных типографиях, особенно по церквам, присоединенным недавно к Литовской епархии. Это восполнение впоследствии и сделано. Консистории и Синоду от 25 мая – прилож. № 2, 3.

7) Было дело о явлении якобы какой-то женщине Божией Матери в зарослях на болоте в Токарском приходе, о поставлении там креста и служении при нем молебнов при стечении народа. Резолюции мои от 20 августа, 17 сентября и 26 октября – приложения № 4, 5, 6.

8) Подобное злоупотребление случилось в Виленской Николаевской церкви своевольным допущением почитания мощей пресвитера Иоанна. Консистории от 7 декабря – прилож. № 7.

9) Борьба продолжалась и в сем году по весьма многоразличным предметам. Гражданские начальства, хотя были умереннее и осторожнее, однако все-таки пристрастны к римляно-польской партии. В сем году 25 ноября я представил Святейшему Синоду об учреждении в Вильне училища для девиц духовного звания, хотя о назначении для них помещения еще шла упорная переписка. Письмо графу Протасову от 25 ноября в тетради, приложенной под № 8.

10) Стоит также обратить внимание на письмо мое в той же тетради к графу Протасову от 25 сентября и на упоминаемые в нем два рапорта Св. Синоду: от 21 сентября, о своевольной постройке латинских каплиц и определении ксендзов туда, где их прежде не бывало, и от 25 сентября, о крещении подкидышей виленского воспитательного дома, показанных сомнительно крещенными по римскому обряду. Прилож. № 9, 10.

Переписка в сем году была весьма многообразна и утомительна. Будет нелишним указать на некоторые бумаги, а именно:

а) От 22 февраля, графу Протасову, о неуважении к обрядам Православной Церкви гувернантки, находящейся у советника Макарова. Прилож. № 11.

б) От 1 сентября, правлению семинарии, с правилами о порядке увольнения воспитанников семинарии в город и на прогулку. Прилож. № 12.

в) От 15 сентября, графу Протасову, о степенях родства, препятствующих браку в Латинской и в Православной Церкви. Прилож. № 13.

г) От 20 сентября, два отношения к генерал-губернатору Бибикову и к графу Протасову, о раскольниках по Литовской епархии и о мыслях моих об обращении с ними. Прилож. № 14, 15.

д) От 24 сентября, графу Протасову, с предположениями о квартирных деньгах для церковных причтов. Прилож. № 16.

е) От 26 сентября, собственноручное графу Протасову, весьма характеристическое письмо. Тетрадь под № 8.

Следует перейти к 1853 году. Он не менее предыдущего был обилен многосложной перепиской и делами распорядительными и образовательными. Вот заметнейшие из них:

1) Пожертвованы мной Евангелия в богатых окладах, с соответственными надписями, в церкви: Павловецкую Киевской губернии Липовецкого уезда, где я в детстве молился, и в Дзикушскую Виленской губернии Лидского уезда, где отец мой скончался, прожив здесь последние пятнадцать лет.

2) Прислан мне от государя императора живописный альбом «Агия-София в Константинополе».

3) Распространена между духовенством книга: «Слово Кафолического Православия к римскому католичеству». Она напечатана по письму моему к митрополиту Московскому от 20 февраля. Прилож. в тетради под № 8.

4) Началась турецкая война. Манифест объявлен в 1 день ноября, и при том сказано мной слово, после напечатанное. О сем есть письмо графу Протасову от 5 ноября в той же тетради под № 8.

5) Бывшие при Супрасльском монастыре уездные духовные училища переведены в губернский город Гродно. Они помещаются доныне в тамошнем архиерейском доме; но для них предназначено быть вместе с Борисо-Глебским монастырем, для которого отдан в том же году закрытый латинский монастырь бернардинок.

6) Испрошено из духовных капиталов без процента пять тысяч рублей серебром на починку дома, принадлежащего Виленскому Свято-Духову монастырю, с обязанностью возвратить их в десять лет. Починенный дом, вместо шестисот рублей, приносит более 1 200, а деньги, употребленные на починку, без мала уже возвращены.

7) Таким же образом старался я об улучшении всех экономических статей по сказанному монастырю и архиерейскому дому. Вел долголетнюю упорную переписку о наделе их угодьями. Добился всего и наконец поставил оба учреждения в таком положении, что мои преемники должны будут сказать мне спасибо.

8) Была большая переписка о рассылке по церквам недостающих богослужебных книг московской печати и вытребовании прежних униатских. По доставке сих последних книг они предавались со-

жжению в моем присутствии. Между тем при всем старании извлечь сии книги из употребления они удерживались многими, особенно стариками, частью по привычке, частью же по их удобству для богослужения. Я это понимал и не обращался с ними, как с важными преступниками, – маленькие штрафы, маленькие взыскания; и теперь, кажется, мало подобных книг в обращении, и то больше как древность, а не как святыня.

9) При всяком случае небрежения или отступления по моему ведомству старался я словесными или письменными распоряжениями направить и подвинуть испорченное, и то так, чтобы частный случай был наставлением и предостережением для других. Таково распоряжение правлению семинарии от 4 февраля, о нерадении наставников и надзирателей в проповедовании слова Божия. Прилож. № 17.

10) Последовало распоряжение через консисторию от 7 марта, чтобы духовенство бывало на исповеди в четыре важнейшие поста. Прежде это зависело от усмотрения каждого, и замечалась во многих холодность. Прилож. № 18.

11) Запрещено священно- и церковнослужителям просить новых мест прежде выслуги десяти лет на прежних местах. Это оказалось необходимым для избежания шаткости, вредной для службы и для самого духовенства. Предложение консистории от 10 марта – прилож. № 19.

12) Воспрещено служить на одном престоле по нескольку литургий в день. Прежде это водилось и не могло быть запрещено вначале, так как у униатов вывелись было из обыкновения молебны и панихиды, – всегда давали на обедни и за живых, и за мертвых. Теперь понятия и обыкновения постепенно изменились, и можно уже было дать о сем предложение консистории от 2 апреля. Прилож. № 20.

13) В Вильне завели маскарады ночью с субботы на воскресенье для удобства якобы чиновникам, занятым по другим дням службой. Вот отношение мое от 7 апреля к Бибикову – прилож. № 21.

14) Под числом 24 июня есть предложение консистории, воспрещающее принимать на казенное содержание священнослужитель-

ских детей, не приготовленных в уездные училища. Это сделано для побуждения родителей стараться о первоначальном образовании детей их. Прилож. № 22.

15) Под тем же числом есть предложение правлению семинарии касательно учреждения причетнических классов при Виленских и Жировицких училищах. Сими только классами восполнен, наконец, по Литовской епархии недостаток в знающих причетниках. Прилож. № 23.

16) Ректор семинарии назначен мной благочинным монастырей Гродненской губернии, так что вместе с монастырями мог чаще посещать и находящиеся там три духовные училища. Предложение консистории от 3 декабря – прилож. № 24.

17) Сделано через консисторию от 31 декабря распоряжение к искоренению между духовенством курения табаку. Меня руководило здесь не предубеждение, но, кроме опасности и гадости для духовных этой привычки, я имел в виду их благосостояние. По самому меньшему исчислению, на табак должно выходить в год не менее тридцати рублей, а это четвертая часть священнического жалованья, и на эти деньги может он улучшить для своей семьи пищу и одежду, обыкновенно бедные. Прилож. № 25.

18) Мне попался теперь десяток отношений моих к латинским епископам по делам епархиальным. Сказано, кажется, уже прежде, что я употреблял с римлянами всякие средства, сносился с ними непосредственно, где видел возможность успеха, а иначе передавал дела в консисторию для обыкновенной переписки с латинскими и гражданскими властями.

Наступают годы, где будет менее экстренных дел и распоряжений. Наступила война, а потом открылись другие обстоятельства, при которых для иного не легко бы было сохранить и *status quo*. Впрочем, как увидят читатели сих Записок, и эти годы не были бесплодны. Были все-таки действия, выходящие из ряда обыкновенных. Да притом нужно же было дать время, чтобы уже прежде сделанное утвердилось и принесло надежные плоды. В этом смысле и действовал я неослабно, будучи особенно принужден охранять свою паству от сильнейшего чуждого влияния.

На 1854 год приходятся следующие факты:

1) Устроено новое прекрасное помещение для консистории в соборном флигеле, прилежащем к архиерейскому дому. Я имел обыкновение копить понемножку экономию от местных средств подчиненных мне заведений и после перестраивать и улучшать их помещения. Таким образом, я улучшил и украсил многое местными средствами, не подвергаясь отказу в испрошении средств экстренных. Консисторское помещение устроилось экономией от ремонта кафедрального собора.

2) Я много думал об украшении Николаевского кафедрального собора, но это стоило бы огромных издержек, если примениться к огромности и архитектурному великолепию собора. После остановился на иконостасе, которого план составлен по моим указаниям, но и сам иконостас стоил бы не менее двенадцати тысяч рублей серебром. Думал попросить государя, но он предупредил меня, похвалив собор и таким, как он есть. Затем сдал я в марте месяце план иконостаса в кафедральный собор – авось кто-нибудь осуществит мое предположение, если я не успею.

3) В сем году отданы нам наконец поакадемические и поавгустианские здания с помиссионерским домом и мызой Бурбишки, к искреннему моему удовольствию, так как я получил в православное ведомство здания, в которых некогда воспитывался четыре года при Виленском университете. Но и тут еще не конец затруднениям. После закрытия августианского монастыря признали нужным продержать здания некоторое время в ведении полиции, а после уже сдать православным. Когда дошло до сдачи, оказалось, что полиция и костел, и здания передала другим ксендзам. Новые затруднения, новые хлопоты. Кто бы хотел иметь точное понятие о тех затруднениях, с которыми производились все дела православные в здешней стране, хорошо бы сделал, проследив одну нескольколетнюю переписку о помиссионерском монастыре.

4) В сем году, 8 августа, совершилось двадцать пять лет с посвящения моего в епископы. Этот день праздновал я (как и каждый год впоследствии) только уединенной ранней обедней в пещерной церкви в виду приготовленного для себя гроба. На этот раз утешил, од-

нако ж, виленских бедных, без различия вероисповеданий, раздачей им пятисот рублей серебром. Впрочем, при случае сем сестра моя Елена с мужем, кафедральным протоиереем Гомолицким, поднесли мне отличную, сделанную в Париже литографию моего портрета, который дозволил я им и позволил себе раздать небольшое только число экземпляров близким знакомым; остальные спрятаны в моей библиотеке – по моей смерти это будет драгоценный подарок для тех, которые помянут меня добром.

5) В сем же году пожертвовал я на военные издержки и производил в течение всей войны половину своего штатного архиерейского жалованья, то есть две тысячи рублей серебром в год. Письма мои о том государю императору и графу Протасову от 8 августа можно видеть в тетради под № 8.

6) В сем же году в самое 25 декабря произнес я слово сердечного сочувствия по прочтении высочайшего манифеста от 14 декабря – оно печатно.

7) Может быть, полюбопытствуют взглянуть: а) на отношение мое от 2 ноября, о служении моем для Преображенского полка, и б) письмо в Географическое общество от 22 ноября, с опровержением сведений, от него напечатанных, о населении города Вильна. Прилож. № 26, 27.

1855 год

К более замечательным происшествиям сего года следует отнести секретно-конфиденциальное отношение мое к графу Протасову от 10 января за № 40. Прилож. в тетради под № 8.

При тогдашней опасной войне и при могущих произойти от нее случайностях элементы, составляющие литовские губернии, должно было принять во внимание – и я оные представил во всей истине и рельефности, как мне велел долг верноподданного. Я беспокоился о сей бумаге, получив вскоре сведение о смерти гр. Протасова. Но отношение Карасевского от 9 февраля меня успокоило. В нем сказано, «что письмо мое получено уже по кончине гр. Протасова, что оно докладывано было на высочайшее усмотрение и что Его Величество, удостоив прочтения это письмо, изволил отозваться, что сведения, в нем сообщенные, будут иметься в виду». Прилож. № 28.

Между тем последовала и кончина государя, и письмо это осталось без последствий. Теперь оно сделалось довольно гласным, и многие отдают мне справедливость. Впрочем, я возвращусь к этому письму, когда буду говорить о записке, посланной государю императору от 26 февраля 1859. Эти две бумаги одна другую пополняют. Вероятно, я буду о них говорить, когда при конце этой части Записок постараюсь дать общую связь фактам, отдельно изложенным в течение сих Записок.

Не менее означенного письма любопытен рапорт мой Св. Синоду от 21 апреля за № 895, о книге, изданной в Париже в 1853 году, под заглавием «Рим», наполненной клеветой по делу воссоединения униатов. Прилож. № 29.

После тридцатых годов я имел случай читать польские журналы, издаваемые за границей, и особенно в Париже. Сначала полюбопытствовал и получал, кажется, пять журналов. Но вскоре охота пропала – и они мне опротивели, как омерзительная гадость: одна ложь, одна клевета, одна площадная брань. Сперва это меня удивило, но тут же я оценил вполне тактику польских выходцев и революционеров – желали вредить России. Не могли иначе, как клеветой и ругательствами, и принялись за это ремесло – авось найдутся легковерные простаки и желающие верить!

С подобной, по-видимому, целью издана была и сказанная книга «Рим» в 1853 году, чтобы возбудить против России общественное мнение при начинавшейся тогда восточной войне. Возобновили вновь старую басню о пострадавшей якобы монахине Макрене Мечиславской. Об этой небывалой монахине говорено было уже в сих Записках, под 1845 годом, и тогда же опровергнуты были все обстоятельства этой небылицы. Теперь нужно их было опровергать в новом виде, в упомянутом выше рапорте от 21 апреля. Прилагаю при сем выписку на французском языке из книги «Рим» и письмо о ней ко мне митрополита Никанора. Прилож. № 30, 31.

Тягостная война, ее возможные последствия в Литовском крае, кончина государя, кончина гр. Протасова, которые меня так знали и на которых я мог полагаться, навели на меня тягостную грусть. Под влиянием этой грусти написал я письмо от 30 мая к митрополитам

Филарету и Никанору с приложением означенных выше бумаг за № 40 и 895. Письмо это приложено в тетради под № 8.

В той же тетради можно видеть письмо мое к нынешнему государю с поздравлением восшествия на престол да письмо генералу Офросимову с приложением трехсот рублей серебром, чтобы попотчивать перед походом четыре гвардейские батальона, бывшие в Вильне на карауле.

Прилагаются при сем в особой тетради под № 32 встретившиеся мне семь писем от важнейших лиц, в том числе некоторые от имени государя императора, с признательностью за участие, принятое в войсках, квартирующих в Вильне.

Больше в сем году нечего, кажется, отметить выходящего из круга текущих дел. Разве упомянуть, что тогда отпущено две тысячи рублей серебром на устройство в Гродне монастыря бернардинок на православный монастырь, да разве приложить распоряжение мое 24 января о священнике Рапацком, подстригшем бороду, и рапорт Св. Синоду от 20 сентября, об окончательном изъятии из употребления богослужебных униатских книг. Прилож. № 33, 34.

Перейдем к 1856 году.

В нем самым важным делом была коронация государя императора в Москве 26 августа. К ней между прочими архиереями приглашены были и воссоединенные – я да Преосвященный Полоцкий Василий. Случай этот, драгоценный и умилительный в существенном, оказался в прочем тягостен. Весьма наскучило праздное, но вместе тревожное шестинедельное пребывание в Москве. О сем пребывании есть несколько писем в тетради под № 8. Для меня самое приятное впечатление было от слов государя, сказанных на публичной аудиенции после коронации, произнесенных с видимым участием: «От души благодарю вас за все ваше служение. Надеюсь, что вы оное таким же образом и напредь продолжать будете. Вы знаете, как ценил заслуги ваши мой родитель, – и я им отдаю полную справедливость». Я сказал: «Сохраните же, Ваше Величество, меня в Вашем сердце, как Ваш родитель». «Непременно», – ответил государь.

Из Москвы я вывез драгоценный царский подарок – архиерейское облачение, в котором присутствовал при коронации и в котором

с того времени служу каждый год в 26-ое августа. Вывез Андреевский орден с цепью, которым пожалован в день коронации; но вывез также и сильный ревматизм, схваченный на обратном пути при постоянной холодной и ветреной слякоти, и с которым я и доныне справиться не могу.

В сем году скончался отец мой, протоиерей Иосиф Семашко, не дожив до восьмидесяти лет только один месяц и три дня. О смерти отца извещен я был в то самое время, когда на дворе стояла карета, готовая к выезду в Москву на коронацию. Я послал в Дзикушки архимандрита с духовенством и родных на похороны, а сам во время оных молился уже в Минске. На возвратном пути из Москвы я сделал круг, чтобы посетить Дзикушки и помолиться на гробе родителя. Он погребен в тамошней церкви, в которой пастырствовал пятнадцать лет и которую дважды обновил. Это был достойнейший человек и истинный христианин. Достойно жил, достойно и скончался. Почти предвидел время кончины. Заблаговременно сделал для себя гроб и сам оный примеривал. Накануне напутствовался Святыми Таинствами; ввечеру велел приготовить ванну, обмылся и надел чистое белье, чтобы не делать, как говорил, для других хлопот; а к утру отошел мирно, почти незаметно. Сбереженным достоянием своим распорядился он заблаговременно, а за полгода до своей смерти пожелал, чтобы завещание его было окончательно выполнено. Эта воля родителя совершилась при его жизни – и достойно замечания, что последнее распоряжение к исполнению сей воли последовало накануне его смерти. Покойник сделал вклады в Виленские кафедральный собор и Духов монастырь на вечное поминовение себя и жены. Мать моя прожила еще два года и скончалась свыше восьмидесяти лет у сестры моей, при которой избрала жительство. Вечная память достойной матери!

Смерть отца подействовала на меня весьма тягостно. Я был грустен и в Москве, и после – и едва ли не с того времени стал я ослабевать в силах. Впрочем, этой грусти способствовала, вероятно, давнишняя надежда или желание не пережить шестидесяти лет, близко уже подходивших.

В сем году можно еще упомянуть: 1) обновление на мой счет иконостаса в пещерной церкви, испортившегося от сырости, явившейся

по случаю поспешной отделки самой пещеры, и 2) пожертвование для Виленского музеума Литовского Статута на русском языке с целью, чтобы написать письмо от 19 апреля и напомнить литовцам их родное. Прилож. № 35.

Под 1857 годом можно отметить:

1) Учреждение многих новых благочиний с разделением прежних. Нужно было более начальствующих для большей деятельности в местной исполнительности и мелочных преобразований – и теперь оказалась уже возможность избрать сих начальствующих из молодых образованных священников, приобревших достаточную опытность.

2) Отдача Николаевской церкви в Вильне городского дома вместо ее собственного, предположенного мной в сломку, для открытия фасада церкви от улицы. Это единственное, кажется, дело генерал-губернатора Назимова на пользу православной церкви, и то затрудненное им впоследствии, так что фасад церкви еще и до сих пор не открыт.

3) Новая мера к отучению духовенства от табакокурения. Консистории от 17 февраля – прилож. № 36.

4) Мнение относительно права монашествующих располагать своим имуществом. Св. Синоду от 6 марта – прилож. № 37.

5) Мнение насчет преподавания в приходских училищах польского и самогитского языков. Министру Муравьеву от 10 июня – прилож. № 38.

6) Мнение о постройке и починке церквей Литовской епархии. Ему ж, мин. Муравьеву, от 27 октября – прилож. № 39.

7) Мнение насчет обеспечения причтов помещением на других основаниях, против положения 1842 года. Св. Синоду от 31-го октября – прилож. № 40.

8) Подтверждение об обучении прихожан ежедневным молитвам на славянском языке. Консистории от 30 ноября – прилож. № 41.

9) Отпуск 28 945 рублей серебром на капитальную перестройку Виленского архиерейского дома. Впрочем, сумма отпускалась в течение трех лет, и три года продолжались работы экономическим порядком, так что новоселье отпраздновал я уже в 1860 году.

1858 год

В сем году случилось для меня отрадное происшествие. Церковь латинская, в которой я молился четыре года, продолжая науки в Виленском университете, поступила в православное ведомство, вместе со зданиями, предназначенными для помещения духовных училищ. Сию-то церковь Господь помог мне в прошлом и настоящем году перестроить прекрасно в церковь православную под покровом св. Андрея Первозванного. Теперь она училищная. Перестройка стоила до девяти тысяч рублей из экономических сумм. Посвятил я ее с сердечным умилением в 12-ое октября; но о том лучше сослаться на мое слово, в этот день произнесенное.

В этом же году серьезно занимались постройкой и починкой церквей при обременительной переписке; но действительный успех был только по казенным имениям, благодаря добросовестному усердию министра Муравьева.

В сем же году сделан я почетным членом С.-Петербургской Академии наук.

В сем же году (1858) посетил Вильно государь император. Я имел счастье встречать его и в кафедральном соборе, и в пещерной церкви у св. мучеников и сказал два приветствия, известные в печати. Сколь ни радостно было для меня принимать государя, сколь ни лестно было милостивое со мной обращение, посещение это, однако ж, оставило во мне несколько тягостное впечатление. Я мог наглядно удостовериться, что государя более и более стараются увлекать на пользу польской партии, и не без некоторого успеха. Действия этой партии обнаруживали час от часу более предприимчивости и дерзости, так что решились даже на совращение православных массами.

Это случилось в местечке Порозове Волковысского уезда при видимом содействии самих гражданских низших властей. Устранили священника под видом квартиры в отдаленную местность; назначили старшин общества из латинян – и совратили в латинство более ста православных прихожан. Это было тяжелое дело, однако ж, хотя и с трудом, уладилось: совращенные возвратились на лоно Православия. Чтобы дать некоторое понятие о деле сем, из многочисленных

бумаг прилагаются при сем два отношения мои к обер-прокурору Св. Синода от 17 июня и 14 сентября – прилож. № 42, 43.

Можно еще под сим годом указать на отношения мои к генерал-губернатору от 17 июля и 20 октября: *первое*, чтобы палаты государственных имуществ не отдавали духовенству в аренду казенных земель без предварительного согласия епархиального начальства; *второе*, о Буховицком костеле, который вследствие того и передан в православное ведомство. Прилож. № 44, 45.

Наступает 1859 год.

Кто будет читать эти Записки, не может не заметить, что последние в них годы скуднее замечательными фактами против предшествовавших им лет. Это естественно. Я не мог не сообразоваться с новой политикой правительства или правительственных лиц. Видел, что и государь желает испытать меры примирения. Долг мой был: умерять ревность, оставлять некоторые дела в усыплении, пускать другие в проволочку, лавировать по возможности. Это едва ли не было утомительнее открытой борьбы. Да и без нее не обходилось, как показывают многие приведенные факты. Особенно я не мог молчать, когда вполне был уверен, что снисхождение правительства есть ложный шаг и что им пользуются для целей, совершенно противных видам оного. Я старался обратить на это внимание сего последнего. Но отношение мое к графу Протасову от 10 января 1855 года не достигло желаемой цели. Тогда я должен был выжидать более зрелого времени. Наконец оно приспело в настоящем 1859 году.

От 26 февраля отправил я письмо к государю императору и особую при нем записку. Одно и другая прилагаются при сем в тетради под № 8. В записке изложено в сжатой картине значение Польши, тяготение ее на Литву, положение той и другой, средства и направление обеих, наконец, отношения их к России. Записка сделала эффект, и я имею причины думать, что она остановила дальнейшее потворство полонизму. К несчастью, для него уже сделано слишком много! За эту записку я получил благодарность от государя через князя Долгорукова, шефа жандармов.

По причинам, которые побудили меня подать записку 26 февраля, я принялся за дела с большей бодростью, взялся за многое, что

лежало в усыплении, и решился вновь на резкую открытую борьбу. Посему настоящий и следующий год будут заметнее фактами, как окажется из следующего:

1) Мнение о предлагаемых сенатором Щербининым мерах, касательно воссоединенного духовенства и народа. Рапорт Св. Синоду от 20 февраля – прилож. № 46.

2) Ходатайство об отмене существующего порядка в назначении законоучителей. Рапорт Св. Синоду от 22 того ж февраля – прилож. № 47.

3) Представление об отмене состоявшегося в Виленской римско-католической консистории противозаконного постановления, по случаю доноса сморгонского ксендза, будто тамошний православный священник полицейскими мерами заставляет римских католиков к принятию веры православной. Рапорт Св. Синоду от 24 того ж февраля – прилож. № 48.

4) Донесение о делаемых ксендзом Поцом противозаконных внушениях прихожанам своим, вступающим в браки с православными. Рапорт Св. Синоду от 25 февраля – прилож. № 49.

5) Отношение к попечителю учебного округа от 27 марта, с требованием распоряжения, чтобы русские буквари печатались по-прежнему с необходимыми молитвами и чтобы прежде печатания подвергались рассмотрению православного духовного цензора. Прилож. № 50.

6) Отношение генерал-губернатору от 5 апреля, о несообразности сделанного по гражданскому ведомству распоряжения, по случаю напечатанной в иностранном журнале статьи о телесных наказаниях, которыми якобы понуждались к возвращению в Православие прихожане Порозовской церкви. Копия с сего отношения послана Св. Синоду и шефу жандармов. Прилож. № 51.

7) Донесение Св. Синоду от 11 августа, о сделанном распоряжении насчет введения продажи церковных свеч при воссоединенных церквах. Прилож. № 52.

8) Отношение к обер-прокурору Св. Синода от 17 сентября, с мнением о сумме, потребной на наем вольных людей для монастырей и архиерейских домов взамен штатных служителей. Прилож. № 53.

9) Была окончательная переписка с министром государственных имуществ о наделении угодьями Виленского архиерейского дома и кончилась благополучно.

10) Был в Вильне смешанный комитет о пересмотре Положения 1842 года, касательно обеспечения содержанием сельского духовенства западных епархий, и кончил свое дело успешно в сем же году, разумеется, не без продолжительного труда.

11) По тому ж предмету составлен в сем же году комитет и в Петербурге, в который призваны по одному духовному депутату из западных епархий, в их числе от меня назначен кафедральный протоиерей Гомолицкий. Комитет продолжался почти десять месяцев и весьма мало разъяснил дело по недостатку распорядительности, а может быть, и доброй воли начальствующих.

12) Прислана мне золотая медаль на открытие памятника императору Николаю I. Кажется, забыл упомянуть в свое время, что я получил и коронационную большую золотую медаль, а также на смерть покойного государя, и другие медали.

13) Пожаловано мне высочайше полное архиерейское облачение в марте месяце.

14) К сему году можно отнести порадовавшее мое сердце дело переселения духовных Виленских православных училищ в поавгустианские и поакадемические здания, где четыре года воспитывался я в университете. Сущность этого дела видна из отношения моего к синодальному обер-прокурору от 27 января – приложение № 54. На перестройку здания отпущено 6 621 рубль; но я принужден был выпросить еще четыре тысячи, да употреблено экономической суммы до пяти тысяч. Издержки увеличились в мою поездку в С.-Петербург отступлением от моих предначертаний. Все же давнишняя моя цель достигнута: училища переведены и прекрасно помещены в новых зданиях 8 сентября наступающего года.

15) В сем году последовал в конце августа высочайший вызов меня в Петербург для присутствования в Св. Синоде. Прибытие мое замедлилось тем, что не положили, где меня поместить, и поздненько взялись очистить для меня Благовещенское подворье. В конце тетради под № 8 есть несколько моих писем по сему предмету к

митрополиту С.-Петербургскому и князю Урусову. Наконец я таки отправился и прибыл в С.-Петербург, несмотря на болезненное мое положение.

Болезнь началась в первых числах июня внезапным сильнейшим ночным пароксизмом лихорадки, соединенным с беспамятством и бредом. Причины, по-видимому, не дано никакой, и, вероятно, ее должно было искать в прошедшем, а может быть, в нервном раздражении от постоянного беспокойства и умственных трудов. Глубоко ли вкоренившаяся болезнь, желание ли лекаря излечить поспешно, или моя неосторожность способствовали упорству лихорадки; но она три раза ко мне возвращалась и промучила меня три месяца. Силы мои ослабели, ноги распухли. Вместо того чтобы укрепиться силами, я исполнил высочайшую волю и отправился в Петербург. Разумеется, тамошний климат, необычный образ жизни, щекотливые дела и обстоятельства не могли способствовать выздоровлению. Повредило мне и высочайшее поручение осмотреть Белорусские епархии, соединенное с весьма затруднительными обстоятельствами. Я прибыл в июне в Вильно совершенно обессиленный – и ни некоторое спокойствие, ни деревенский воздух, ни лекарства, не могли восстановить здоровье. Я принужден был и в прошлом и в настоящем году просить увольнения от поездки в Петербург. Минувшим летом употреблял я минеральные воды и другие средства; но все напрасно: бессилие и опухоль ног не уступают. По-видимому, это компликация нервная, геморроидальная и ревматическая. Я сказал, кажется, выше о сильном ревматизме, поразившем меня на возвратном пути из Москвы после коронации. Из пострадавшей правой руки, после разных притираний, ревматизм обратился на другие места, в руке же осталось постоянное невольное дрожание. Слава Богу, что таки рука слушается моей воли – могу писать, хотя не так скоро, как прежде. Присоединился почти постоянный шум и звон в голове. Лекаря советуют еще Друскеникские воды. Может быть, попробую будущим летом; но иногда подумываю, что все это не стоит забот в шестидесятитрехлетнем возрасте.

Но пора возвратиться, и с Петербургом, и с болезнью, к 1860 году – последнему настоящих Записок.

В сем последнем году совершилось одно из драгоценнейших, а может быть, и полезнейших моих предначертаний. С самого переселения в Вильно епархиального начальства у меня лежало на сердце воспитание священнослужительских дочерей в духе русском, православном, так, как это сделано для сыновей. Ни одному моему начинанию не представлялось столько затруднений, как сему. Прежде долго оспаривали помещение, а после затруднялись в денежных средствах. Переписка продолжалась многие годы; но наконец дело уладилось, благодаря, вероятно, присутствию моему в Петербурге. Предложил для помещения здания, оставшиеся без употребления после перевода в другое помещение духовных училищ. Предложил как средства содержания помиссионерский дом и мызу Бурбишки. Предложил в число штатной суммы штатную сумму излишнего женского первоклассного Мядзельского монастыря. Осталось добавить только с небольшим три тысячи рублей из общих духовных сумм. Таким образом, учреждено в Вильне училище для девиц духовного звания по образцу Царскосельского под покровительством императрицы на шестьдесят казенных воспитанниц да на шестьдесят пенсионерок. Сущность всего дела можно видеть из отношений моих к синодальному обер-прокурору от 29 января и 20 июля 1859 года – прилож. № 55, 56. Я настаивал, чтобы в это училище дана была начальница русская, знакомая с порядком Царскосельского училища, – и это замедлило несколько открытие училища. Наконец оно открыто, к сердечному моему удовольствию, в настоящем 1861 году 8 сентября. На радостях я пожертвовал пять тысяч рублей серебром, с тем чтобы проценты с них обращаемы были во вечные времена на приданое для воспитанниц, оканчивающих учение. Теперь в училище тридцать начинающих девочек, их прекрасно держут, они ходят в мою домовую церковь, я их называю своими маленькими прихожанками и услаждаю себя мыслью, какие огромные последствия произведет это училище через какие-нибудь четыре-пять курсов. Прилагаю при сем два отношения мои к обер-прокурору от 8 сентября 1861 года за № 2415 и 2417 – прилож. № 57, 58. Не могу также не привести целиком письма моего от того ж числа к императрице, с изъявлением благодарности за участие в открытом училище.

«В нынешний день, праздник Рождества Пресвятой Богородицы и память рождения первенца Вашего, наследника цесаревича Николая Александровича, открыто в Вильне училище для девиц духовного звания под покровительством Вашего Величества. Позвольте принести еще раз Вам, всемилостивейшая государыня, благодарность из глубины души, за принятое участие к воздвижению сего рассадника будущих добрых жен и матерей православного духовенства здешней страны. Это спасительное дело драгоценно не по одной прямой общественной пользе. Оно отрадно совпадением с настоящими плачевными событиями в здешней стране. Когда в ней мятутся страсти, возбужденные чуждой народностью, чуждыми интересами, утешительно видеть открытие в Вильне заведения, имеющего целью поддержание русского духа и Православия, свойственного по преимуществу народонаселению бывшего Литовского государства».

Другое утешительное дело в сем же 1860 году проявилось учреждением духовенством многочисленных сельских училищ. Дело это началось еще в прошедшем году по указу Св. Синода резолюцией моей на нем от 22 сентября за № 2752 – прилож. № 59. Духовенство приняло к сердцу этот вызов, и я имел удовольствие к концу 1860 года резолюцией от 13 декабря за № 2077 поблагодарить оное за усердие и за добрый успех – прилож. № 60. Теперь училищ при церквах Литовской епархии 222, а в них учеников и учениц 2 700.

Остальные более заметные факты за 1860 год можно подвести под следующие пункты:

1) Представление Св. Синоду от 5 января, с ходатайством об отпуске в епархиальное ведомство сумм за переданные в казну церковные имения. Прилож. № 61.

2) Ходатайство Св. Синоду от 19 января, о прибавке священникам 259 церквей в некоторых местностях Литовской епархии по 150 руб. сереб. в год в виде временной меры впредь до окончательного обеспечения духовенства западных епархий. Прилож. № 62.

Сии два представления, равно некоторые другие денежные, не имели доныне успеха по финансовой нынешней несостоятельности.

3) Донесение Св. Синоду от 10 января, о совращенных в латинство дочерях помещика Брестского уезда Гажица. Прилож. № 63.

4) Донесение [Св.] Синоду от 12 января, о торжественном перенесении из Варшавы в Янов латинским духовенством мощей св. Виктора, имевшем вредное влияние на православный народ. Прилож. № 64.

5) Дополнительное к тому донесение Св. Синоду от 20 января. Прилож. № 65.

Это рассчитанное перенесение мощей наделало много шуму и тревоги, было причиной многих совращений в латинство на пределах Польши, особенно подействовало на прихожан клещельских, коих совратилось до трехсот, – и много стоило труда возвратить их на добрый путь, а около десятка из них и доныне еще упорствуют.

6) В числе последствий того ж перенесения мощей было и сопротивление кленицких прихожан делать крестный ход по чину Восточной Церкви. Распоряжения мои через консисторию от 29 июня за № 567 и 568 – прилож. № 66, 67.

Это дело вскоре уладилось при благоразумном содействии православного чиновника.

7) В Петербурге я имел счастье представляться государю императору и государыне, первому в декабре, а последней в феврале. Был доволен милостивым приемом и таки порядочно ими задержан.

8) Петербургом я таки порядочно тяготился: частью по болезненному положению, частью оттого, что многое мне не по душе и не по моему образу мыслей. Мне особенно надоедало, что давали ход самым пустым делам и людям и тратили время, весьма недостаточное для дел серьезных. Для образца прилагаю свою записку, писанную в марте месяце, о записке (Батюшкова), переданной высочайше на рассмотрение особого комитета. Сия последняя записка наделала много шуму и обсуждалась целые месяцы комитетом; а между тем она не стоила и чтения – после просмотра первых листов ее можно было бросить в огонь. Прилож. № 68.

9) В Петербурге был я по май месяц и отпущен в епархию с высочайше возложенной обязанностью осмотреть по пути епархии Полоцкую и Могилевскую. Это обозрение меня истощило, и я возвратился в Вильно бессилен. Меня особенно огорчало непрямоду-

шие, с которым относились к этим епархиям. Прилагаю отношение к обер-прокурору от 22 мая – прилож. № 69.

10) Нелишним здесь будет упомянуть о распространившейся по Литовской епархии трезвости. В конце сего года я имел удовольствие поблагодарить духовенство за доброе содействие сему благому делу. Консистории от 22 августа и 13 декабря – прилож. № 70, 71.

11) Стоит привести рапорт Св. Синоду от 9 октября, касательно собрания сведений о средствах содержания иноверного духовенства. Прилож. № 72.

12) Прилагаю также донесение Св. Синоду от 13 декабря, об осмотре церквей Литовской епархии и о состоянии оной как образец донесений и в предыдущие годы. По составу и новому учреждению епархии предписанная форма для донесений не могла быть употреблена, и о том объяснено в одном из донесений. Прилож. № 73.

13) В ноябре сего года посвящен мной в епископа Ковенского ректор моей семинарии Александр. Это шестой уже епископ, посвященный мной в Вильне. Все они удались, слава Богу, хороши.

14) В сентябре сего года Виленский архиерейский дом после трехлетней капитальной перестройки окончательно отделан отличнейшим образом, и с прекрасной церковью. Праздновал я новоселье большим обедом, а также фриштиком* и подарками для рабочих.

15) В первых числах октября сего ж 1860 года посетил вновь город Вильно государь император. Он, кажется, теперь уже меньше заблуждался насчет поляков. После выезда из Вильна государя я сейчас сделал заметку о происходившем в моем кругу. Вот она:

«1860 года, в первый день октября в 3 ½ часа пополудни, прибыл в Вильно государь император по открытой вновь железной дороге и прямо со станции посетил Николаевский кафедральный собор, где его встретил митрополит Иосиф следующим приветствием: «Именем здешней паствы приношу Вашему Величеству поздравление о благополучном прибытии по новому пути, велением Вашим устроенному. Да благословит Господь этот путь и да ниспошлет все благо-

* Фриштик – завтрак. – *Прим. ред.*

деяния, ожидаемые через него для государства. Нам же в особенности да будет этот путь надежным носителем Твоей пресветлой особы, чтобы мы чаще и чаще могли наслаждаться лицезрением Твоим».

2 октября в шесть часов был большой царский обед, где блистали почти исключительно военные мундиры, в числе коих было пять германских принцев. Перед обедом государь принимал в своих покоях митрополита Иосифа и оказал ему особенно милостивое внимание, обещав на другой день поклониться мощам святых Виленских мучеников.

3 октября в два часа государь встречен митрополитом Иосифом в большой Духовской церкви, посетил пещерную церковь и прикладывался благоговейно к мощам св. мучеников, беседовал милостиво с митрополитом и, приняв икону мучеников, простился перед отъездом. В соборе дана была икона Спасителя.

4 октября после выезда государя в дальнейший путь отслужено было митрополитом молебствие в 12 ½ часов при собрании гражданских и военных чинов.

Не худо отметить два обстоятельства. Во время частного приема государь спросил митрополита о здоровьи и получил ответ: «Не совсем здоров, чувствую как-то ослабевшие силы; да и не удивляйтесь, Ваше Величество, ведь я более тридцати лет стою под выстрелами и чужих, и своих». В пещерной же церкви, поднеся икону и испрося милостивого внимания себе и пастве своей, митрополит сказал: «Под ракой св. мучеников позволил я себе приготовить гроб десять уже лет тому назад; позвольте, Ваше Величество, надеяться, что мои кости почиют в этом гробе». «Только бы до этого было еще долго-долго», – отвечал с истинным чувством государь».

На этом можно бы и кончить настоящие Записки. Но едва ли не нужно некоторое восполнение. Другое, если бы они продолжались так, как написана первая их часть в 1850 году. Но тогда по какому-то особому настроению мне пропала писать их охота – и я почти было решился и историю униатского дела, и память о себе предать в руки Провидения и на добрую волю потомства. Но наконец мне жаль стало

собранных материалов, да и приближающаяся старость напоминала о будущем. Вот я собрался с духом и привел в порядок материалы – почти иначе и не стоит называть настоящие Записки. На этот труд посвятил я два зимние и два осенние месяца настоящего 1861 года, отклонив на это время по возможности другие занятия. В четыре месяца написать четыре части Записок, каждую более двадцати листов, хорошо – невозможно. Как материал труд этот, однако ж, будет иметь большую цену и для историка, и для биографа, если таковые найдутся в будущем, – дал бы Бог, только добросовестные! Для обыкновенных читателей, которые полюбопытствуют просмотреть эти Записки, нужно некоторое восполнение. Восполнение это, если позволит время, сделаю я следующим образом. Набросаю здесь общий очерк хода униатского дела и моей в нем деятельности, что свяжет в одно целое материалы, постепенно в Записках развитые. Пополню этот очерк отдельными чертами моего характера и образа жизни – и часто дело объяснится делателем и взаимно. Наконец, восполню еще и некоторые материалы, которые, как теперь оказывается, не все еще собраны. От всего этого настоящая пятая часть Записок не только достигнет объема своих предшественниц, но, может быть, их и превзойдет.

———

В первой части сих Записок весьма достаточно изложены мое детство и юношеский возраст, мое воспитание и наклонности. Читатель видел, что, несмотря на учебное образование и среду, в которой мне жить приходилось, или, лучше, по причине этой именно среды, был я русским душой, как был им по крови и происхождению. Он также видел, что я всегда питал некоторое нерасположение к полякам, притеснителям моих предков. Это инстинктивное нерасположение простиралось во мне и к римскому католичеству, неразлучному в местных понятиях с полонизмом. Понятно, что это инстинктивное нерасположение молодых лет породило во мне естественно симпатическое влечение к вере православной, вере моих предков, и было впоследствии поводом убедиться сознательно в истине Православия перед латинством. Эти понятия, чувства и убеждения видны во всех фазах первоначальной общественной моей деятельности. Это

направление было поводом решимости моей присоединиться лично к Церкви Православной гораздо ранее того времени, когда возникло дело общего присоединения униатов. Как тут не подумать, что Бог готовил во мне заблаговременно орудие этого дела, приспевшего в неисповедимых судьбах Его!

Кто прочел добросовестно первую часть сих Записок, не может заподозрить ни искренность моих убеждений, ни чистоту моих намерений, ни непреклонное мое желание посвятить себя делу воссоединения. Да и можно ли было бы мне без того вынести всю тяжесть этого дела, не пасть под бременем труда и враждебного противодействия?! С твердым убеждением и добрыми намерениями, Бог дал и силы и бодрость, и способность и непоколебимую волю.

После сего читатель не удивится ни пламенному усердию, с которым я принялся за дело воссоединения, ни записке от 5 ноября 1827 года, прописанной в первой части, ни трудам, поднятым мной при практическом развитии мыслей, в той записке изложенных. Труды эти указаны в начале второй части настоящих Записок и продолжались неослабно три года, с редким успехом. Дело несколько остановилось от польского мятежа 1830 года, от какой-то холодности Д. Н. Блудова и от базилианской интриги, на которую подался Новосильцов. Все это описано также в Записках. Описано тоже, каким образом двинул я опять вперед это дело. Будучи уже епископом, получив епархию, я объявил решимость присоединиться лично к Православной Церкви.

Кто-нибудь может меня обвинить в излишнем нетерпении. Напрасно. Я убедился уже совершенно в шаткости Дмитрия Николаевича. Был уверен, что латино-польская партия остановит униатское дело, как скоро узнает истинную цель его. Ничтожная базилианская интрижка едва оного не поколебала. К тому вышла новая компликация – учредили в Полоцке православную епархию. Очевидно, должно было ожидать раздоров и соперничества, как и сбылось в действительности. Предстояло бороться не только с латинами и поляками, но и с самими русскими православными.

Я находил необходимым сблизить православное и униатское ведомства в правительственном кругу. Настаивал на подчинении Гре-

ко-унитской коллегии Святейшему Синоду вместо Сената, подобно комиссии духовных училищ. Но не согласились. Учрежден только секретный комитет для обсуждения дел, общих православным и униатам. Подчинены также униатские училища комиссии духовных училищ. Нужно было довольствоваться на сей раз и этим. Я сделан членом и комитета, и комиссии.

После откровенных объяснений с Дмитрием Николаевичем униатские дела вновь закипели. Отсылаю к дальнейшему ходу Записок. Необходимость обеспечить униатов пастырями и руководителями в деле воссоединения вызвала потребность посвятить новых епископов. Я представил Василия Лужинского, Антония Зубко и Иосафата Жарского, взяв от них предварительно подписки, что они во всякое время готовы присоединиться к Православной Церкви. Они все трое посвящены викариями в 1834 году. Тогда же сделано коллегией, вместе с сими епископами, постановление о принятии для униатских церквей служебника московской печати. Это постановление было решительной мерой, подготовившей бесспорное присоединение униатов к Православной Церкви. Для уверения в успешном исходе униатского дела я в тот же 1834 год представил такие же, как от епископов, подписки десяти высших духовных, стоявших во главе униатского управления.

Но все это не было многими понято, а другими не оценено добросовестно. К несчастью, православное духовенство пошло другим путем. Оно увлеклось присоединением некоторой части униатов, более уже подготовленных, не обращая внимания, что этим униатское управление поставлено было в затруднение и лишалось самой надежной опоры для своих действий. Что предвидел, то и сбылось. Нужно было бороться не только с латинами, но и с православными. Борьба с сими последними была для меня в особенности тягостна и щекотлива. Она продолжалась два года и очерчена в Записках. Наконец я истомился, устал – и к исходу 1836 года вновь подал просьбу о личном присоединении. Эта просьба и вследствие оной изготовленная мной записка государю изменили все к лучшему. Вместо Нечаева обер-прокурором Святейшего Синода назначен граф Протасов. К нему перечислены униатские дела от Министерства внутренних дел.

Обеспечено совокупное стройное движение униатских дел с православными. И я по-прежнему остался деятелем по униатскому ведомству до близкой уже развязки дела благополучным исходом.

Но делание с графом Протасовым, начинающееся с 1837 годом, служит предметом третьей части Записок. Последние листы второй части посвящены интересному очерку личных моих качеств и способностей, а также исключительным действиям моим по управлению Литовской епархии и быстрым, но удачным в ней преобразовательным мерам.

Как до 1837 года старался я о подчинении униатов одному начальству с православными, так с сего времени настаивал на скорейшем присоединении тех же униатов к Церкви Православной. Я указывал на готовность к нему подписками духовенства о согласии оного присоединиться. Таких подписок я в самом начале привез графу Протасову сто семьдесят, а в течение двух лет собрал их тысячу триста. Но спешить вынуждала и другая потребность. В начале 1838 года скончался митрополит Булгак; обстоятельства же, сопровождавшие его кончину и последовавшие за ней, слишком явно обнаружили намерения правительства относительно униатов. Следствием сего было сильное движение латино-польской партии, оказывавшее уже влияние на униатское духовенство по некоторым местностям Белорусии. Если бы не поспешить, то движение это могло усилиться и распространиться и скомпрометировать, может быть, успех самого дела. Наконец согласились – и воссоединение униатов с Православной Церковью совершилось благополучно в начале 1839 года.

Это радостное событие с сопровождавшими его обстоятельствами и предварительными мерами описано в третьей части сих Записок. В той же части обозрена деятельность за три последовавшие года, обращенная на утверждение совершившегося уже воссоединения и сближения или, лучше сказать, смешения воссоединенных с древлеправославными посредством мер административных. Из Записок видно, как я спешил и в этом отношении, как все ладилось и как легко прошло само распределение воссоединенных к епархиям древлеправославным.

Никто, думаю, не усомнится, что ревность к совершению дела воссоединения была настоящим побуждением к моей по оному настойчивости и поспешности. Медленность я считал препятствием доброму успеху. Но, может быть, в настойчивости этой участвовали несколько и личные мои побуждения. Я устал от постоянной борьбы со своими и чужими, наскучил ею, желал с ней покончить. Кажется, сказано уже выше, что в течение всего дела я имел в виду с окончанием оного выйти на покой. Домик с садиком, в нем комната с книгами – был идеал счастья на остальные дни моей жизни. С этой целью просьбой, в сих Записках прописанной, во время самого воссоединения просил я государя императора об увольнении меня от дел через некоторое время. Я сам видел, что я был нужен два-три года еще для утверждения воссоединения. Дали пенсион, но о покое ни слова. Несмотря на это, я возобновил просьбы в конце 1842 и в начале 1843 года с настойчивостью, простертой до резкости. Борьба эта за покой прописана к концу третьей части Записок. Она не имела успеха – сперва молчали, после дали орден Владимира I степени, а затем сказали именем государя, что служба моя еще нужна.

Таким образом, идеал счастья остальной моей жизни испарился. Напротив, на меня хотели возложить ярмо еще тяжелее прежнего, которое я нести чувствовал себя вовсе не способным. Сколько мне известно, было предположение сделать меня архиепископом С.-Петербургским при жизни старика Серафима, которого оставляли митрополитом Новгородским. Я ужаснулся последствий и сказал это сообщавшим; но как все было мне сообщено конфиденциально, то я и ограничился совершенной инерцией. Слава Богу, кризис недолго продолжался. После скорой смерти Серафима на его место поступил Антоний и испытал участь, которой, вероятно, еще хуже меня ожидала. Не удалось одно, хотели сделать другое, именно: чтобы я был дельцом в Св. Синоде, то есть отвечал за себя и за других. Это было бы еще хуже. Я думал видеть во всем недостаток искренности и прямодушия ко мне графа Протасова и митрополита Антония, видел кругом себя какие-то интриги – и устранился резко в 1844 году из Петербурга, как описано в конце третьей части сих Записок. Если уже необходимо нести ярмо, думал я, если нужно бороться, то лучше

с поляками и латинянами, чем с русскими православными. Хотя немножко и здесь-то я ошибся – на всю жизнь мне предстояла борьба и с чужими, и со своими.

Четвертая часть Записок начинается программой предстоявшего мне устройства Литовской епархии и переведения в Вильно управления оной. Из самих Записок и приложений к ним читатель судить может, верно ли и удовлетворительно исполнена эта программа, победно ли основана Литовская паства на святых Виленских мучениках. Но постоянная борьба меня истомила. Я не раз вздыхал о покое и, наконец, обратился вновь о том с просьбой к государю в конце 1851 года. Просьба эта значится в конце четвертой части Записок и была, как прежние, безуспешна. Мне объявлена высочайшая воля, что моя служба нужна, а вслед за тем пожалован я митрополитом и богатым алмазным крестом на белом клобуке. Не знаю, более ли радостна или тягостна была для меня милость эта. Меня смущала мысль, что в этом сане, в этом положении мне уже невозможно выйти на покой без торжества врагов моих и Православной Церкви, без некоторого для меня посрамления. Притом приближалась уже старость и необходимое ослабевание сил, а борьбе не виделось конца – я же не привык слагать ответственность на других, но нес ее всегда на себе. Таким образом, не без грустного чувства взялся я за продолжение службы. Мной овладело некоторое уныние. Я уже имел в виду более вечный, а не временный покой. Утешал себя надеждой, что не переживу шестидесяти лет и упокоюсь навсегда в гробе, приготовленном под ракой св. Виленских мучеников. Вот уже десять лет прошло с того времени, а я не удостоился этого упокоения.

Но и эти десять лет, благодарение Господу, были не бесплодны. Прибавилось еще несколько фактов, утешительных для сердца каждого православного. Устроена окончательно скиния св. мучеников. Обновлена Андреевская церковь из латинской, в которой я некогда молился. Духовные училища переведены в академические здания, где я некогда четыре года учился. Учреждено училище для девиц духовного звания. Прошла тягостная восточная война, с ее радостными и скорбными фазами, не без участия моего и моих. Отстоял крепко все, мне вверенное; а стоя крепко среди враждебных преоб-

ладающих элементов в центре полонизма и латинского фанатизма в России, был как бы щитом и для других православных епархий. Между тем все по Литовской епархии развивалось, а устроенное утверждалось, так что сия воссоединенная епархия едва ли может в чем уступить древлеправославным, а в некоторых отношениях и превосходит иные из них. Остается изменить, что изменяется только временем, а может быть, и должно остаться навсегда, как местность.

Несмотря, однако ж, на этот небезуспешный ход дел, я унывал и беспокоился. Я знал, что этот успех происходил от моего благоразумия и крайней осторожности, но что латино-польская партия делается час от часу сильнее и смелее. Сказано уже выше, что эта реакция началась с поездки покойного государя в Рим и несчастного блудовского конкордата. Теперь должно сказать, что у покойного ж государя была мысль присоединить латинян в России к Православию таким же путем, как униатов. С выбытием из Петербурга я не мог иметь участия в сем деле, ни знать положительно о дальнейшем его ходе; известно мне было, однако ж, что взявшиеся вести это дело по Министерству внутренних дел вздумали употребить средства, которые так успешно повели дело униатское, не обратив внимания, что латиняне находились в совершенно другом положении, нежели униаты. Притом не имели надежного деятеля из среды римско-католического духовенства. Естественно, такое подражание не могло иметь доброго успеха – вместо пользы Православию, помогали только латинству и усиливали оное. Мне не раз приходило на мысль: не участвовала ль косвенным образом польская партия в устранении меня из Петербурга, чтобы быть свободнее и безопаснее?

Большая часть деятельности моей в последние пятнадцать лет была некоторым образом постоянной борьбой против этой тенденции – усиливать латино-полонизм. Но прямо, открыто восставать против самой тенденции для меня было невозможно – от меня был сокрыт ход и положение самого правительственного дела. Наконец, бедственная последняя война и предвидимые последствия оной для здешней страны, полной враждебных элементов для России, меня порешили. В 10 день января 1855 года описал я вполне графу Протасову положение Литовского края и элементы, в оном волнующи-

еся. Покойный государь, как я и ожидал, принял во внимание эту бумагу; но она не имела дальнейших последствий за смертью графа Протасова, а после государя, может быть, и за окончанием войны. Я в сем, однако ж, сомневался еще до времени коронации. Тут, в Москве, узнал от митрополита, что новый наш генерал-губернатор Назимов отправился к месту с означенной моей бумагой. Между тем сам Назимов не говорил мне о том ни слова, и я видел, что он пошел путем, почти противоположным моим замечаниям. Для меня стало ясно, что тут была воля нового государя, новая его политика – в этом меня убедило и предыдущее государя, и первая бытность его в Вильне. Он хотел испытать меры кротости и примирения, а может быть, попытаться и на что отдельное. Что тут мне было делать? Хотя я был глубоко убежден в тщете этой новой политики, но не навязать же государю моего убеждения; нельзя даже было охуждать в принципе его намерение испытать примирительные меры. Мне оставалось молчать да выжидать, тем более что нужно же было щадить и государя, – он поглощен был крестьянским делом, и польский вопрос должен был стоять для него на втором плане.

Долг мой, однако ж, не долго позволил мне выжидать. Я увидел вскоре, что обстоятельства принимают опасный оборот. Примирительные меры в руках недальновидного Назимова сделались безотчетным потворством видам латино-польской партии. Она всем завладела, все подготовляла к своим целям. Тут я, как бы в дополнение к означенному выше письму к графу Протасову, отправил от 26 февраля 1859 года государю императору письмо и особую записку, приложенные при сих Записках, с полным и ясным изложением положения Польши и Литвы между собой и в отношении к России. За эту записку, сказано, кажется, выше, благодарил меня государь через шефа жандармов; и, вероятно, имела она влияние на прекращение дальнейших уступок латино-польской партии. К несчастью, было уже поздно, и слишком скоро оправдались и мои опасения, и мои предсказания – мне теперь отдают в том полную справедливость.

Из всего этого легко заключить, каково мне было переносить все эти колебания и испытания. К сему открылось или, лучше сказать, подтвердилось во мне убеждение, что и православное высшее духо-

венство не так-то ко мне благоволит. Этому убеждению способствовала особенно последняя моя бытность в Москве и в Петербурге. Я нашел вообще неискренность, какую-то церемонность и почти недоброжелательство. Я желал убедить себя, что все это мне только кажется, но, к несчастью, свойственная мне зоркость не позволила мне обмануться. Я приписывал также это тому, что оба раза шло дело о преемнике для Петербургского митрополита, в первый для Никанора, а в последний для Григория. Но почему бы не сказать кому слова – все бы разъяснилось.

Я не раз обвинял себя в душе за недовольство, после стольких отличий, наград и внимания правительства. Вся служба моя доказывает, что я был признателен; но, по-видимому, для людей подобного моему склада за дела, подобные моим, недовольно официального одобрения – нужна душевная признательность, нужно сердечное участие. Вот почему борьба всей моей жизни должна была быть для меня тягостнее. Я в ней видел только исполнение своего долга и кратковременное удовольствие от торжества правого дела. Это не могло уравновесить тягостных последствий борьбы, имевших, вероятно, влияние на преждевременное ослабление сил и недужное мое нынешнее положение. Необходимо к сему пояснить особенное свойство умственной моей работы. При всяком обстоятельстве, при всяком преднамерении, при всяком происшествии я, в тиши кабинета или в бессонные ночи, прехожу умом все могущие с ними случиться самые худшие фазы и последствия. Разумеется, из этого выходила полная обдуманность и обыкновенная удача; но едва ли эта постоянная умственная работа, это напряженное раздражение нервов не действовало слишком сильно и на мое здоровье, и на постоянное расположение духа.

Благодарение Господу, что эти усиленные труды, соединенные с постоянной борьбой, эта уединенная и безучастная скорбь никогда не родили во мне сожаления о пройденном мной поприще. Напротив, я всегда бы готов был начать его сызнова – так я высоко ценил и мое призвание, и совершенное мной дело. Но грусть моя нашла благодетельный исток в надежде на будущее – после смерти, думал, отдадут мне справедливость и здесь, и там. Вот почему давно я сред-

нился с мыслью о смерти, и она, вместо страха, приносит мне некоторое удовольствие. Вот почему приготовил я давно для себя и гроб под ракой св. Виленских мучеников. Я не отвергал возможности и насильственной смерти при бывших прежде и настоящих здешних обстоятельствах. Но я сам удивлялся, что мысль эта ни малейше меня не смущает. Отпрашиваясь от поездки в Петербург по причине болезни, я прямо написал обер-прокурору от 17 минувшего сентября: «Притом должен я сознаться, что для меня желательно, чтобы в случае смерти тело мое покоилось в стране моего подвижничества, во гробе, давно уже приготовленном под ракой святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия».

Может быть, кому покажется странным и следующее обстоятельство. Летом настоящего года обнаружились в нашей стране перешедшие из Польши многознаменательные мятежные движения. Я жил тогда в тринопольском загородном доме, в совершенном уединении. Можно было всего ожидать. Но я не смущался ни малейше и пробыл в Тринополе целое лето, по октябрь месяц, без всяких предосторожностей. Только в 1 день июня передал я для хранения в Свято-Духов монастырь свое завещание и суммы, оным распоряжаемые. В тот же день написал я ниже прописываемое письмо государю императору, которое передал для хранения с завещанием, с надписью на верхнем конверте: «Прибавление к завещанию».

«Десять уже минуло лет, как я уготовал себе гроб под ракой святых Виленских мучеников в управляемом мной Виленском Свято-Духовом монастыре. Смерть для меня не страшна; и бывали не нечастые минуты, в которые принял бы я ее, как благодеяние. Она была бы для меня даже счастьем, если бы была последствием и запечатлением святого дела, которого удостоился я быть орудием. Это счастье не невозможно для меня при настоящих волнениях и беспокойствах. Если я сподоблюсь пострадать за доброе дело, то прошу покорнейше Ваше Императорское Величество иметь доброе о мне памятование и приказать: тело мое похоронить в приготовленном мной гробе, а в единственное возмездие и напоминовение виновным Остробрамскую (некогда русскую) икону Божией Матери поставить

в церкви Свято-Духова монастыря над Царскими вратами главного алтаря – да обе виленские святыни украшают и освящают сию святую обитель.

Смею надеяться, что просьба моя не будет отринута. Смею думать, что она имеет на сие некоторое право и по заслугам моим Церкви и отечеству, и по тому самому, что предвидимый случай произойдет, вероятно, виной правительства. По долгу моему я раскрывал здешние обстоятельства даже перед Вашим Величеством. Надеялся, что будут приняты соответственные меры. Вместо того, нескольких уже лет поощряется здесь и укрепляется иноверие и инородие, а ослабляется русский элемент. Если я покорился обстоятельствам и сделался наконец безмолвным свидетелем этого направления, это произошло от верноподданнической преданности моему государю. Я по всему полагал, что направление это дано собственной волей Вашего Величества в видах испытания, не возможно ли покорить сердца здешних жителей милостью и снисхождением».

Видно, сильное было во мне призвание к служению Церкви Православной. Служил ей всю жизнь – желал быть полезным и своей смертью!

Со словом смерти стоило бы кончить и настоящие Записки. Но, может быть, найдется еще что восполнить. Теперь только несколько слов. Прошу о сих Записках не судить, как о других подобного рода сочинениях. В них могут быть ошибочные мнения, могут быть пропуски фактов, мне неведомых, а кому-либо другому известных; но все прочее сущая истина, как мне была известна. Да впрочем, доказательством да будут приложения: они скажут за меня больше, нежели сами Записки.

До сих пор написано ноября 10 дня.

Предметом сих Записок было униатское дело и главный по нему деятель – то и другое лучше всех мне известное. Мне часто хотелось посвятить в них более места другим деятелям; но труд был бы слишком огромный, да не мог бы быть верный и полный за неизвестно-

стью мне многого и за долгим периодом времени, продолжавшимся свыше тридцати лет. Впрочем, в Записках коснулся я этих деятелей и отдал им справедливость; а главные из участвовавших в воссоединении подписались на самом акте. Я должен отдать здесь справедливость всем, мне сослужившим и служившим – от викариев до письмоводителей и келейных. Все они (за малым разве исключением) оправдывали мой выбор, служили усердно и честно, каждый по мере сил своих. Я, кажется, хвалился уже выше своим духовенством – еще многого недостает, но дай Бог другим и такое. Консистория Литовская слывет невзяточничеством. Может быть, зависит это от моего примера и от того, что сам занимаюсь делами, но все-таки должно приписать и честности правил членов консистории.

Но когда все избранники мои по духовной части оправдывали свое призвание и облегчали ход униатского дела – я не могу сказать того же о гражданском чиноначальстве. Это естественно. В Записках или в приложениях указано было, что из всех чиновников, служащих в пределах Литовской епархии, русских православных была только шестая часть, остальные – иноверцы, не могущие усердствовать делу Православия. Да и русские-то не много усердствовали. Одни легко были задабриваемы богатыми латинами; другие, в качестве древлеправославных, позволяли себе быть равнодушными к воссоединенным или даже к ним неблагосклонными. Были, однако ж, истинные ревнители и по душе, и по разуму, но их было весьма немного. К ним справедливо отнести губернаторов – Муравьева, ныне министра государственных имуществ, и Семенова, ныне сенатора. Зато нельзя сюда отнести генерал-губернаторов. Они вообще маневрировали и легко склонялись к видам могучей латино-польской партии, так что редко можно было обойтись по делам без борьбы. Эта борьба вызывалась, может быть, не столько личным характером генерал-губернаторов, как происками чиновничества, всегда стоявшего на стороне богатой партии. Оно в самом начале старалось всегда внести разлад между мной и генерал-губернаторами и более или менее в том успевало, так что я обыкновенно был с сими начальниками края более в вежливых, нежели искренних отношениях. Вообще, я не бывал на хорошем счету у чиновничества – потому ли, что через

них никогда не действовал, но сам собой или через главных начальников, или потому, что в жизнь свою ни дал, ни взял взятки. К таким людям, говорят, эти господа не очень благоволят. Но возвратимся к генерал-губернаторам.

Князь Долгоруков играл удачно роль большого барина и тем, может быть, имел на латино-польскую партию сильное влияние – в нем было что-то, разлагающее эту партию и подавляющее в ней противодействие. Едва ли это, однако ж, не было последствием подавленного недавно польского мятежа. При своем влиянии князь Долгоруков мог бы много сделать для Православия. Но он был индеферентист. Известны его слова на завтраке у архимандрита, когда заспорили о латинах и православных: «Не знаю, чья вера лучше, но кухня их лучше вашей». Князь Долгоруков ни на что бы важное не пошел. Кажется, он был противен и переселению в Вильно православного епархиального начальства.

Федор Яковлевич Миркович был человек честных правил, трудолюбивый, рассудительный, но довольно боязливый. Он не имел, кажется, сильной поддержки выше и опасался, с одной стороны, интриги поляков и латинян, но с другой – боялся не угодить и делу Православия. Ему, кажется, чиновники старались внушить, что я его затемняю. За всем тем от него многого можно было добиться и без борьбы, хотя и без нее-то не обошлось.

Илья Гаврилович Бибиков был избран покойным государем, если правду говорили, с целью обуздать поляков и латинян. Его энергическая натура была этому соответственна, но он не имел соответственных познаний, ни характера. Он попал в руки людей с видами близорукими или своекорыстными и действовал неровно, с порывами. От этого во всем была разладица, тем более объемистая, что она простиралась и на часть учебную, которой он был попечителем. У меня тогда меньше уже было предметов для борьбы, но без нее не обходилось – она была резка, не безуспешна, но только на бумаге.

Владимир Иванович Назимов был назначен нынешним уже государем с видимой целью примирить поляков и латинян и надеждами, и обхождением. Он в сороковых годах был в Вильне на следствии о заговорщиках; кончил или, лучше сказать, подготовил дело Кавелину

пополам с грехом; и как тогда все перед ним гнулось, все рассыпалось в обещаниях, то он и вывез отсюда преувеличенные понятия и о своем умении, и о своем влиянии на латино-польскую партию. Действительно, партия эта приняла его с горячими надеждами на него и на государя. Пошли уступки за уступками, и хотя они не составляли большой важности, однако ободрили, оживили и усилили поляков и латинян, дали им сильный толчок и довели до требований и ожиданий неисполнимого. Пределы неисполнимого вскоре оказались – и Владимир Иванович несет уже теперь тяжкое наказание за хитрости и лукавство, за которые расплачивается с ним ненавистью и посмеянием партия, столь горячо им прежде покровительствованная.

Я с Назимовым не заводил борьбы. Как скоро увидел, что он действует в видах государя, я принял страдательное положение – да и положение здешних православных дел могло выжидать и не требовало настоятельной борьбы. Мне только было больно видеть его неблагоразумие, даже в смысле предполагаемой системы государевой. Еще больнее было видеть его двуличность, даже что-то вроде коварства. Он давал вид полякам и латинам, что стоит за них против меня и православных, не понимая, что этим не только поднимал враждебную партию, но и подавлял элемент, преданный государству. Он выпустил в печать в «Колокол», а после, по-видимому, распустил нарочно в публику помянутое выше письмо мое к графу Протасову от 10 января 1855 года, о элементах, литовские губернии составляющих, – с видимой целью повредить мне, а самому выслужиться у поляков. Это, кажется, однако ж, не помогло ему ни малейше. Ссоры между нами не происходило. Мне нельзя было употреблять догадки и косвенные сведения; да он и старался не быть со мной наедине – не сказать же мне при всех: «Ты плут, ты лицемер». Он же всегда был такой почтительный, такой предупредительный, такой комплиментист. Взрыв с ним был бы скандалом, который только доставил бы торжество латино-польской партии. Но каково-то было мне на душе! Думаю, что и он несет теперь сугубое возмездие. Я желал бы, чтобы эти черты оказались преувеличенными, от впечатлительности, при сущих ныне печальных обстоятельств[ах].

———

Я испытал в жизни, что положения неопределительные были для меня самыми мучительными. Таковы были и несколько последних лет. И делать невозможно, и бездействовать совестно. Из моих Записок и из приложений каждый увидит, с какой прямотой, откровенностью и ясностью поступал я в каждом деле. Если было нужно, я молчал – но никогда не прибегал к хитростям. Так и в отношении здешних жителей, я всегда и всякому, и самому Назимову, твердил, что с ними нужно поступать справедливо, но соблюдать строго законами предписанное, что хитрости с ними ни к чему не приведут, что они в сем случае перехитрят каждого. Вместо того с ними, особенно в последние годы, принята система ласкательства и хитростей, которая скорее могла обнаружить недобросовестность, нежели доброжелательство. Последствия были естественны. Начальство было сочтено боязливым, бессильным – подпало пренебрежению. Латино-польская партия сочла себя вправе платить хитростями за хитрости. Между тем пятилетняя угодливость Назимова сей партии заместила по большей части места угодным ей чиновничеством. Власть действительно обессилела, лишилась нужных орудий и теперь нашла необходимость опереться на военную силу. Слава Богу, что здесь латино-польская партия менее сильна, нежели другие полагают. Она без пособия извне ничего серьезного предпринять не может – и если что случится, то по несообразительности начальств.

Писано 14 ноября.

Мне приходило иногда на мысль, какие были бы последствия, если бы в 1844 году не устранился я из Петербурга?

Разумеется, многое бы облегчилось личными сношениями и объяснениями с высшими начальствами. Но зато не могло бы быть с моей стороны той энергии, которая возбуждается личным столкновением с местными обстоятельствами, а следовательно, и той деятельности, которая положена мной исключительно на образование Литовской епархии и привитие оной к Вильну.

Бытность моя в Петербурге, может быть, облегчила бы преобразование воссоединенных по другим епархиям. Существенная тут могла быть, однако ж, польза в обуздании латино-польской партии. Иногда приходилось мне жалеть, что устранился, когда увидел, до каких размеров простерлись вредные действия этой партии. Впрочем, я не мог полагать, что партия сия в состоянии так ослепить правительство, да притом думал, что могу из епархии многое парализировать. Оказалось, что мог меньше, чем полагал.

Что касается действования на устройство самой православной иерархии, к чему меня, кажется, предназначали, – я никогда не жалел, что устранился. Правда, что при моих познаниях и организаторских способностях я мог бы придумать многое, полезное для улучшения основных мероположений по управлению сей Церкви; но другое – придумать, а другое – привести к исполнению. В сем последнем мой авторитет был бы необходимо оспариваем моим предыдущим: все казалось бы униатским или латинским. Я убедился в том еще более, когда узнал на опыте, сколь несправедливые чувства питали по большей части к воссоединенным древлеправославные духовные, там, по крайней мере, где они между собой сопредельны. Странные предубеждения, ребяческие осуждения за самые ничтожные мелочи! Часто все сводилось на неправду или превратные толкования. Для примера укажу на случай, бывший со мной, – один из многих. Генерал, которого фамилии теперь не помню, сказал мне, что в моем богослужении есть разницы против православного. «Какие же это?» – спросил я. И он начал разглагольствовать. Я долго молчал, но наконец сказал: «Так вы не знаете архиерейского служения». Он в моем служении полагал униатством все, что не было сходно с литургией его полкового священника. Вообще, более или менее похожи были на это все обвинения против воссоединенных, возбуждавшие и доныне еще возбуждающие взаимное нерасположение. Каково ж было бы мое положение в Петербурге или в Москве, о чем серьезно подумывали. Мое убеждение по сему предмету было всегда и есть доныне одно – это была бы большая ошибка и со стороны правительства, а еще более с моей. Да притом я с чистой мог сказать совестью: для

одного человека довольно и того, что Бог помог мне сделать для России и Церкви Православной. Довольно и так натерпелся.

Мне случилось узнать, что иные считали меня ленивым. Кажется, это выдумали те, которые не могли понять уклонения моего от того или другого высшего положения. Действительные причины были выше их понятия, и они приписали это лености, забывая, что каждому неглупому человеку довольно одного благоразумия, чтобы не браться за дело, которое выше сил его. Но обвинение в лености может иметь и другой источник, именно свойственный мне образ труда и управления. Я никогда не ценил хлопотунов, напротив, считал их более способными испортить дело, нежели оное сделать. Сам все распоряжения обдумывал и заготовлял без огласки, в тиши кабинета. Каждое дело совершалось как бы нечаянно, неожиданно; и я не раз имел удовольствие видеть удивление многих: как то или другое произошло? Они считали происшедшее почти случаем, тогда как мне это стоило утомительной, часто продолжительной умственной работы, которой ни знать, ни оценить никто не мог. Все почти мои действия подготовлялись и происходили без шума; и это даже было залогом успеха оных, отклоняя возможность противодействия. Кто прочтет эти Записки, а особенно приложения к ним, тот не назовет меня ленивым. О моей постоянной умственной деятельности можно бы иметь некоторое понятие тому, кто наблюдал мою физическую долголетнюю деятельность в Тринополе. Она была неутомима, почти лихорадочна. Я был на работе не по часам, а по целым дням с утра до вечера. Правда, что и тогда, при физических занятиях, голова моя часто работала по делам моего призвания.

Писано 15 ноября.

Я любил памятовать о смерти. Дела делал как бы навсегда, о себе же думал вперед не далее полугода, по крайней мере с переселения в Вильно. От сего – заблаговременное приготовление гроба, от сего

и завещание, давно уже сделанное, где большую часть своего достояния обратил я на общественные добрые дела. Завещание это было уже изменяемо, и теперь предстоит перемена.

———

Отчего не делал я осмотра епархий с 1846 года? Со времени блудовского конкордата и последствий оного латинские епископы начали посещать свои паствы с особенной торжественностью, благодаря богатству и особенному настроению помещиков. Я не мог иметь подобной обстановки и уронил бы, может быть, и сан митрополита православного, и господствующую веру православную. Притом же, я знал хорошо епархию из прошедшего, а мои викарии осматривали все церкви в течение трех или четырех лет.

———

Почему я не писал для печати больше двенадцати слов, напечатанных особыми брошюрами? К произнесению и изданию этих слов побудила меня важность случаев. Записки эти и приложения к ним указывают, что мне не так-то много было времени заниматься авторством. Да притом я не имел уверенности в хорошем знании языка. Я ему начал учиться поздненько и не мог сыпать заученными из детства и при воспитании фразами. Следовательно, нужна была осторожность. Это сомнение в знании языка, а также привычек и обычаев отклоняло меня и от переселения на другую епархию.

———

Из действий, описанных в сих Записках, кажется, довольно виден способ мой вести дела вообще, а также управлять епархией. Но может быть, недовольно сказано о действиях моих относительно семинарии – а между тем я это заведение считал главной основой доброго направления новой Литовской епархии и в особенности заботился о его преуспеянии. Эта заботливость состояла в своевременном, не кропотливом, но бдительном надзоре. Старался по возможности не допускать в семинарию из училищ дурных или неспособных учеников и беспощадно исключал оказавшихся таковыми в течение се-

минарского курса. Бывал нечаянно в семинарии и в классах, держа настороже и учеников, и наставников. Присутствовал на экзаменах, особенно выпускных, и наблюдал строго за справедливостью посвидетельствований. Тут же, во время экзаменов, давал ученикам, по достоинству каждого, открывавшиеся места. Казеннокоштные места отдавались также лучшим ученикам, кроме сирот. Эта справедливость была лучшим поощрением; но я при всяком случае не оставлял их поощрять одобрением или неодобрением. Всякое лето угощал в Тринополе всех семинаристов и воспитанников училища. Вышло, что Литовская семинария слывет если не лучшей, то из самых лучших. При особых потребностях принимались и особые меры. Долго, например, не принималось в семинарии правильное богослужение. Разделил богословов на три части и велел поочередно держать левый клирос в моей домовой церкви – все устроилось прекрасно и восполнилось совершенно. Притом ректор обязан был представлять мне предварительно о всех важнейших случаях и делах, а не готовые уже журналы.

Писано 17 ноября.

Вообще настоящие Записки очерчивают деятеля по общественному делу, но личность этого деятеля и сам образ его действий не довольно в них затронуты. Неудивительно. Я писал по документам о деле; подробности же частные и образ действия, за свыше тридцатилетнее время, не могли сохраниться в памяти с той свежестью, которая требуется для живых очерков. Притом я писал сии Записки на скорую руку и не имел времени углубляться в прошедшее. Притом, за недосугом, я не держал дневника. Притом как-то совестно писать слишком о себе. Да простят же мне читатели (когда они будут), если найдут в моих Записках какие пробелы или недостатки. Я их старался восполнить, сколько позволяли память и время. Остается мне сказать несколько о частном препровождении времени, сколько это требовалось для освежения головы, занятой постоянно умственной работой, и для поддержания физических сил.

В одной из предыдущих частей очертил я свой образ жизни, столь соответственный моему характеру. В Вильне он не мог продолжаться. Жизнь большого города требовала некоторых ограничений и приличий. К тому же высшее здешнее общество состояло из поляков и латинян, а небольшое русское соприкасалось с ним во многих отношениях. Следовательно, искреннего, задушевного общества быть для меня здесь не могло. Для пользы самой службы я должен был себя поставить в положение несколько отдельное – официальное, этикетальное. В таком положении освежительного развлечения не найдешь.

Чтение было всегда и доныне остается приятнейшим для меня развлечением. Но какое ни придумывать разнообразие, все же это – умственная работа: утомляет голову, ослабляет зрение; я же по непривычке не могу пользоваться удобно чужим чтением.

Развлекался я с наслаждением: землеведением, статистическими и политическими соображениями, а также путями сообщений. Часто я целые часы просиживал над планами и географическими картами. Тут-то я чертил каналы, железные и шоссейные дороги, строил города, крепости, порты, делил землю на провинции и государства. Иногда думал, что мог бы сделать многое и по этой части и не в мечтательном мире, но голове не было легче и от этого развлечения.

Меня поглощали часто мечты об отвлеченных предметах; но это оказывалось обыкновенно не развлечением, а утомлением. Особенно часто утомляли меня пространства небесные, когда сижу в звездный вечер в тринопольском саду. Какая-то невольная сила тянет меня в бесконечность. Лучом солнечным, пробегающим в восемь минут двадцать миллионов миль, стараюсь измерить пространство к звездам ближайшим, после к дальнейшим… и наконец утопаю в изнеможении в беспредельность, в бесконечность!

Гастрономия, вина не доставляли мне удовольствия. Не было охоты копить и деньги. Я оставлял несколько на черный день, пока в 1839 году не получил пенсии. С того времени я не заботился, оставалось ли у меня что в экономии или нет. Весь сбереженный мной и распределенный по завещанию капитал мог бы составиться из

годичного моего нынешнего содержания, если бы я его положил в банк в начале своей службы, то есть за сорок лет до сего.

Естественно, при таком настроении тринопольские хозяйственные занятия были для меня спасительной находкой. Я им предавался, сколько было возможно. Сам всем распоряжался, устраивал и поддерживал сад, очищал и подрезывал деревья, смотрел за опрятностью и порядком, наслаждался видом каждого деревца, памятуя посадку каждого и уход за ним. Если я дожил бодро шестидесяти лет, то сим обязан тринопольским занятиям и тринопольскому воздуху. Я, кажется, уже говорил, что занимался и принадлежащей Тринополю мызой Новые Жировицы.

Мне доставлял некоторое развлечение певческий архиерейский хор, устроенный отлично моим старанием и моей настойчивостью. Почасту позову его к себе, в Вильне ли или Тринополе, напою чаем, послушаю, похвалю, побраню – и все к лучшему.

Артистические произведения доставляли мне всегда большое наслаждение, особенно живописные. Я на них издержал по крайней мере десять тысяч рублей серебром и украсил ими все комнаты и в Вильне, и в Тринополе. Меня, кажется, обвиняли за этот артистический вкус к картинам; я же не мог понять, как другие могут довольствоваться образами, и то еще безобразными. «Вы, господа, обращаетесь с живым миром, – говорил я иным, – не удивляйтесь, что я любуюсь им хотя в картинах». Я наслаждался вдвойне, когда присутствовал лично по целым часам при живописании академика Хруцкого иконостасных ли или картинных произведений. Как бы разделял его работу и даже участвовал в ней предостережениями, часто небесполезными и удачными. Обыкновенно я сам избирал сюжеты для видов, образов и картин и часто доставлял сам натурщиков. Обыкновенно я отводил Хруцкому у себя и помещение.

Но самое полное, самое отрадное для меня развлечение было в семействе родной сестры моей Елены Гомолицкой, жены кафедрального протоиерея. У них премиленькие детки – известна моя любовь к детям. Я у них бывал обыкновенно раз в неделю; находил там всегда пение, игру на фортепьянах, детские танцы и скромный

ужин; возвращался от них в десятом часу, и всегда мне было легче на душе. Обыкновенно и сестра с детьми бывала у меня раз в неделю. Еще отраднее было в Тринополе. Я их туда брал всегда летом на более или менее продолжительное время и имел для них особое помещение. Ежедневно я тогда с ними всеми пил чай, обедал, ужинал – жил в семейном кругу. Вместе с ними я совершал прогулки; любил ходить, взяв за руки которого-нибудь из детей, чем меньше – тем лучше; любил смотреть, как они резвятся; любил помогать им собирать грибы и плоды в пространном саду; любил послушать, когда они мне читают. Но особенное удовольствие доставляли всем, а преимущественно детям, так называемые тринопольские балы. В отдаленной части сада, в глубоком овраге, покрытом густым лесом, над прудом, есть совершенно уединенное место. В этом-то месте собирались мы иногда, все домашние, пить чай. После чаю начиналась стряпня: сестра с детьми сами приготовляли ужин у разложенного тут же огня. Любо было посмотреть на оживленную детскую картину; и действительно, их беготня могла идти за танцы бала, а в результате выходил там же снедаемый ужин из двух или трех блюд, которые любил я еще в доме родителей.

Видите, вкусы-то мои были самые простые – хотя, где нужно, представлялся и барином, да еще и гордым, как иногда осуждали. Благодаря сестре, для меня Вильно сделалось сноснее. Я старался быть добрым для нее и для ее детей, и не думаю, чтобы меня кто осудил за это предпочтение. На мои деньги она приобрела довольно ценный дом, от меня имеет для себя и для детей еще ценнее капиталы. Не зная верно об этом источнике довольства, кажется, вначале обвиняли ее мужа во взяточничестве. Напрасно. Виктор Гомолицкий служил честно, усердно и полезно, только не был любим по жесткости своего характера и настойчивости. Я всегда бы желал иметь его кафедральным протоиереем, только иногда думал, что лучше бы не быть ему моим зятем. Но я, кажется, слишком забираюсь в частности. Пора кончить.

Писано 18 ноября.

Да позволено мне будет украсить конец Записок несколькими высочайшими рескриптами. Они лестны для меня, обозначают мое служение и отдают ему полную справедливость. Прочее все видно из формулярного списка.

Рескрипт от 14 августа 1843 года,
по случаю закрытия коллегии

«С закрытием Белорусско-Литовской духовной коллегии, в коей, после деятельного участия в звании члена, вы с отличной честью и пользой председательствовали более пяти лет, я признаю справедливым за постоянные и неутомимо-ревностные труды ваши по оной изъявить вам совершенную мою признательность, оставаясь в твердой уверенности, что я и впредь буду видеть в вас всегда столь же усердного подвижника на поприще священного служения ко благу Православной Церкви и отечества.

Поручая себя молитвам вашим,пребываю всегда к вам благосклонный

Николай.

Рескрипт от 9 апреля 1849 года,
о пожаловании алмазных знаков ордена св. Александра Невского

«Неуклонно подвизаясь на особенно важном поприще управления вверенной вам епархией и неутомимо действуя к утверждению ее благосостояния, вы постоянно, как и прежде, обращаете на себя монаршее мое внимание доблестным служением своим Православной Церкви и отечеству. Желая почтить оное новым доказательством моей признательности, всемилостивейше жалую вам препровождаемые при сем алмазные знаки ордена святого благоверного князя Александра Невского.

Поручая себя молитвам вашим, пребываю всегда к вам благосклонный

Николай

Рескрипт от 30 марта 1852 года,
при возведении в сан митрополита:

В отличном служении вашем Церкви и отечеству я всегда с удовольствием видел непрерывные доказательства пламенной ревности вашей к Православию и приверженности к престолу. Благоуспешными действиями при восстановлении православной иерархии в стране древнего достояния Церкви нашей и неутомимыми заботами об утверждении в духовных паствах праотеческой веры вы оправдали мои ожидания и приобрели право на особенное монаршее к вам благоволение. Уважая сии заслуги, я признаю за благо возвести вас в сан митрополита.

Препровождая к вам белый клобук, украшенный крестом из драгоценных камней, поручаю себя вашим молитвам и пребываю всегда вам благосклонный

Николай.

Грамота от 26 августа 1856 года,
о пожаловании ордена св. апостола Андрея Первозванного:

В достойном вашем архипастырском служении вы постоянно являете доказательства неуклонного стремления ко благу отечественной Церкви и пламенного усердия к престолу, неусыпно бодрствуя на страже вверенного вам духовного стада и с непоколебимой твердостью действуя к охранению его и вкоренению в нем спасительного учения веры православной. Желая почтить сии отличные заслуги изъявлением особенного нашего монаршего благоволения, всемилостивейше сопричисляем вас к ордену святого апостола Андрея Первозванного, предстательством коего да сохранит Всевышний вас в неутомимых подвигах вашего священного призвания.

Препровождая к вам знаки сего ордена и повелевая возложить их на себя и носить по установлению, пребываем императорской нашей милостью всегда к вам благосклонны

Александр.

При окончательном разборе моих бумаг оказалось их множество, имеющих интерес только в прошедшем. Многие, однако ж, из них могут обратить внимание или как факты, или как подтверждение фактов, приведенных в Записках. Почему и прилагаю эти бумаги к Запискам. Они значутся по описи приложений к пятой части Записок с № 74-го по 113-й №.

Прилагаю также печатный экземпляр 1860 года двенадцати слов моих и двух приветствий. Может быть, они одни дали бы о мне достаточное понятие, если бы даже не осталось других сведений.

Не знаю, во сколько достигнут доброй цели настоящие Записки, на скорую руку составленные под влиянием мысли о скорой кончине. Они, кажется, несколько вялы, но для любознательного они совершенно восполняются приложениями. Там проявляется полная жизнь, в каждый данный момент, при каждом деле, при каждом обстоятельстве. Все живописует и мой образ мыслей, и мой характер, и мою деятельность. Можно вполне вглядеться в немалое поприще, одиноко мной пройденное; можно видеть жар, с которым принимался я за дело; видеть средства, которые употреблял при колебании оного; видеть настойчивость, с которой оное довершал. Не знаю, даст ли мне Господь еще пожить и возвратит ли необходимые силы. В сем последнем случае, при нынешних обстоятельствах, мне предстоит еще необходимая борьба – или…

———

Опись документов, приложенных при пятой части Записок Иосифа, митрополита Литовского

№ 1. Список с предложения в Литовскую консисторию от 8 февраля 1852 за № 472, о преобразовании по высочайшему повелению управления воспитательного в Вильне дома «Иисус Младенец».

№ 2. Список с предложения в Литовскую консисторию от 25 мая 1852 за № 1915, о собрании сведений насчет богослужебных книг прежних униатских типографий, находящихся еще при церквах.

№ 3. Список с рапорта Св. Синоду от 25 мая 1852 за № 1919, с донесением о затребованных сведениях касательно находящихся еще при церквах богослужебных книг униатских изданий.

№ 4. Список с предложения в Литовскую консисторию от 20 августа 1852 за № 3269, насчет виновности Высоколитовского благочинного, а также священника Токарской церкви Будзиловича по делу о явлении якобы какой-то женщине Божией Матери в зарослях на болоте в Токарском приходе.

№ 5. Список с предложения в Литовскую консисторию от 17 сентября 1852 за № 3711, с распоряжениями относительно происходившего якобы в Токарском приходе явления Божией Матери.

№ 6. Список с предложения в Литовскую консисторию от 26 октября 1852 за № 4179, об отрешении протоиерея Будзиловича от должности Высоколитовского благочинного и касательно перемещения священника Токарской церкви Будзиловича, оказавшихся виновными по делу о чудесном будто бы явлении Божией Матери.

№ 7. Список с предложения в Литовскую консисторию от 7 декабря 1852 за № 4765, о своевольном открытии для почитания народу хранившегося не на виду в Виленской Никольской церкви тела пресвитера Иоанна.

№ 8. Тетрадь с собственноручной перепиской Его Высокопреосвященства с 25 сентября 1852 по 17 ноября 1859 года, на восемнадцати листах.

№ 9. Список с рапорта Св. Синоду от 21 сентября 1852 за № 3727, о своевольной постройке латинских каплиц и определении ксендзов туда, где их прежде не бывало.

№ 10. Список с рапорта Св. Синоду от 25 сентября 1852 за № 3804, относительно крещения подкидышей виленского воспитательного дома «Иисус Младенец», показанных сомнительно крещенными по римскому обряду.

№ 11. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову от 22 февраля 1852 за № 657, о неуважении к обрядам

Православной Церкви, оказанном гувернанткой, находящейся у гродненского советника Макарова.

№ 12. Список с предложения правлению Литовской семинарии от 1 сентября 1852 за № 3448, с правилами о порядке увольнения воспитанников семинарии в город и на прогулку.

№ 13. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову от 15 сентября 1852 за № 3687, о степенях родства, препятствующих браку в Латинской и Православной Церкви.

№ 14. Список с отношения к виленскому военному губернатору Бибикову от 20 сентября 1852 за № 3717, касательно усиления со стороны духовной наблюдения за всеми раскольническими сектами в Литовской епархии.

№ 15. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову от 20 сентября 1852 за № 3718, касательно раскольников, находящихся в Литовской епархии.

№ 16. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову от 24 сентября 1852 за № 3772, с предположениями об отнесении на общий земский сбор квартирных и обработочных денег для причтов.

№ 17. Список с предложения правлению Литовской семинарии от 4 февраля 1853 за № 411, о нерадении наставников и надзирателей духовных училищ в проповедании слова Божия.

№ 18. Список с предложения в Литовскую консисторию от 7 марта 1853 за № 830, о наблюдении, чтобы духовенство бывало на исповеди ежегодно в четыре важнейшие поста.

№ 19. Список с предложения в Литовскую консисторию от 10 марта 1853 за № 845, о воспрещении священно- и церковнослужителям просить новых мест прежде выслуги десяти лет на прежних местах.

№ 20. Список с предложения в Литовскую консисторию от 2 апреля 1853 за № 1150, о воспрещении служить на одном престоле по нескольку литургий в день.

№ 21. Список с отношения к виленскому военному губернатору Бибикову от 7 апреля 1853 за № 1216, о воспрещении маскарадов и других публичных увеселений в Вильне накануне и в сами воскресения и праздники.

№ 22. Список с предложения в Литовскую консисторию от 24 июня 1853 за № 2065, о воспрещении принимать на казенное содержание священнослужительских детей, не приготовленных в уездные училища.

№ 23. Список с предложения правлению Литовской семинарии от 24 июня 1853 за № 2067, об учреждении причетнических классов при Виленском и Жировицком училищах.

№ 24. Список с предложения в Литовскую консисторию от 3 декабря 1853 за № 3948, о назначении ректора семинарии архимандрита Александра благочинным монастырей Гродненской губернии для удобнейшего осмотра вместе и трех духовных училищ, в той губернии находящихся.

№ 25. Список с предложения в Литовскую консисторию от 31 декабря 1853 за № 4277, о распоряжениях к искоренению между духовенством курения табаку.

№ 26. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову от 2 ноября 1854 за № 2867, о служении литургии и молебствия для Преображенского полка.

№ 27. Список с отношения в Русское географическое общество от 22 ноября 1854 за № 3080, с опровержением сведений, от него напечатанных, о православном народонаселении города Вильна.

№ 28. Отношение исправлявшего должность обер-прокурора Св. Синода Карасевского от 9 февраля 1855 за № 590, о получении и представлении государю императору секретно-конфиденциального отношения от 10 января за № 40, об элементах, составляющих литовские губернии.

№ 29. Список с рапорта Св. Синоду от 21 апреля 1855 за № 895, о книге, изданной в Париже в 1853 году, под заглавием «Рим», наполненной клеветой по делу воссоединения униатов.

№ 30. Выписка из книги на французском языке «Рим», о том же.

№ 31. Отношение Никанора, митрополита Новгородского и С.-Петербургского, от 26 августа 1855 за № 3404, о том же.

№ 32. Семь писем от важнейших лиц, писанные в 1855 и 1856 годах, в том числе некоторые от имени государя императора, с признательностью за участие, принятое в войсках, квартирующих в Вильне.

№ 33. Список с предложения в Литовскую консисторию от 24 января 1855 за № 216, об отрешении от места священника Мытской церкви Рапацкого, подстригшего себе бороду.

№ 34. Список с рапорта Св. Синоду от 20 сентября 1855 за № 2424, об окончательном изъятии из употребления богослужебных униатских книг.

№ 35. Список с отношения к попечителю музеума древностей в Вильне графу Евстафию Тышкевичу от 19 апреля 1856 за № 986, с препровождением для библиотеки музеума Литовского Статута на русском языке.

№ 36. Список с предложения в Литовскую консисторию от 17 февраля 1857 за № 592, о священно- и церковнослужителях, обязавшихся оставить табакокурение, и о десяти из них, объявивших желание продолжать таковое.

№ 37. Список с рапорта Св. Синоду от 6 марта 1857 за № 757, с мнением относительно права монашествующих располагать своим имуществом.

№ 38. Список с отношения к министру государственных имуществ Муравьеву от 10 июня 1857 за № 1658, с мнением насчет преподавания в приходских училищах Виленского генерал-губернаторства польского и самогитского языков.

№ 39. Список с отношения к министру государственных имуществ Муравьеву от 27 октября 1857 за № 3073, с мнением о постройке церквей простых, небольших, но приличных.

№ 40. Список с рапорта Св. Синоду от 31 октября 1857 за № 3123, с мнением насчет обеспечения причтов помещением на других

основаниях против положения 1842 года и о невозможности уменьшения числа приходских церквей.

№ 41. Список с предложения в Литовскую консисторию от 30 ноября 1857 за № 3441, с подтверждением об обучении прихожан ежедневным молитвам на славянском языке.

№ 42. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Толстому от 17 июня 1858 за № 1839, о ходе дела по совращению в латинство прихожан Порозовской церкви и о принятых мерах к возвращению их в Православие.

№ 43. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Толстому от 14 сентября 1858 за № 2749, о возвращении на лоно Православия порозовских прихожан в числе 96 человек.

№ 44. Список с отношения к виленскому военному губернатору Назимову от 17 июля 1858 за № 2185, о предписании палатам государственных имуществ, чтобы они не отдавали духовенству в аренду казенных земель без предварительного согласия епархиального начальства.

№ 45. Список с отношения к виленскому военному губернатору Назимову от 20 октября 1858 за № 3080, о препятствиях к восстановлению Буховицкого костела в Кобринском уезде среди православного населения.

№ 46. Список с рапорта Св. Синоду от 20 февраля 1859 за № 606, с мнением о предлагаемых сенатором Щербининым мерах, касательно воссоединенного духовенства и народа.

№ 47. Список с рапорта Св. Синоду от 22 февраля 1859 за № 622, с ходатайством об отмене существующего порядка в назначении законоучителей.

№ 48. Список с рапорта Св. Синоду от 24 февраля 1859 за № 626, с ходатайством об отмене состоявшегося в Виленской р.-кат. консистории противозаконного постановления, по случаю доноса сморгонского ксендза, будто тамошний православный священник полицейскими мерами заставляет римских католиков к принятию веры православной.

№ 49. Список с рапорта Св. Синоду от 25 февраля 1859 за № 632, о делаемых ксендзом Рудоминского костела Поцом противозаконных внушениях прихожанам своим, вступающим в браки с православными.

№ 50. Список с отношения к попечителю Виленского учебного округа Врангелю от 27 марта 1859 за № 941, с требованием распоряжения, чтобы русские буквари печатались по-прежнему с необходимыми молитвами и чтобы прежде печатания подвергались рассмотрению православного духовного цензора.

№ 51. Список с отношения к виленскому военному губернатору Назимову от 5 апреля 1859 за № 1041, о несообразности сделанного по гражданскому ведомству распоряжения, по случаю напечатанной в иностранном журнале статьи о телесных наказаниях, которыми якобы понуждались к возвращению в Православие прихожане Порозовской церкви.

№ 52. Список с рапорта Св. Синоду от 11 августа 1859 за № 2294, о сделанном распоряжении насчет введения продажи церковных свеч при воссоединенных церквах.

№ 53. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода от 17 сентября 1859 за № 2706, с мнением о сумме, потребной на наем вольных людей для монастырей и архиерейских домов взамен штатных служителей.

№ 54. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Толстому от 27 января 1859 за № 373, с ходатайством об отпуске нужной суммы на переделку поавгустианских в Вильне зданий для переведения в оные Виленского уездного духовного училища из покармелитского монастыря.

№ 55. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Толстому от 29 января 1859 за № 389, об исходатайствовании учреждения в Вильне училища для девиц духовного звания под покровительством государыни императрицы.

№ 56. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Толстому от 20 июля 1859 за № 2008, с подробными соображени-

ями об учреждении в Вильне училища для девиц духовного звания и с приложением проекта штата.

№ 57. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Толстому от 8 сентября 1861 за № 2415, о пожертвованном от Его Высокопреосвященства капитале в 5 000 рублей серебром в пользу Виленского девичьего духовного училища.

№ 58. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода гр. Толстому от 8 сентября 1861 за № 2417, о последовавшем открытии Виленского девичьего духовного училища.

№ 59. Список с резолюции от 22 сентября 1859 за № 2752, данной в Литовскую консисторию на указе Св. Синода, о заведении при церквах бóльшего числа училищ для обучения детей поселян.

№ 60. Список с резолюции от 13 декабря 1860 за № 2077, данной в Литовскую консисторию, с изъявлением признательности священно- и церковнослужителям, позаботившимся об открытии при церквах для поселян приходских училищ.

№ 61. Список с рапорта Св. Синоду от 5 января 1860 за № 9, с возобновлением ходатайства о принятии мер к устранению несвоевременного и неполного отпуска в епархиальное ведомство сумм за переданные в казну церковные имения.

№ 62. Список с рапорта Св. Синоду от 19 января 1860 за № 40, с ходатайством о прибавке священникам 259 церквей в некоторых местностях Литовской епархии к штатному жалованью по 150 рублей в год в виде временной меры впредь до окончательного обеспечения духовенства западных епархий.

№ 63. Список с рапорта Св. Синоду от 10 января 1860 за № 18, о безуспешности мер, принятых к возвращению в Православие совращенных в латинство дочерей помещика Брестского уезда Гажица.

№ 64. Список с рапорта Св. Синоду от 12 января 1860 за № 22, о торжественном перенесении из Варшавы в Янов латинским духовенством мощей св. Виктора, имевшем вредное влияние

на православный народ, а в особенности жителей города Клещель, совращенных в Янове в латинство.

№ 65. Список с рапорта Св. Синоду от 20 января 1860 за № 42, об оказавшемся после разыскания советника Лозовского о совращенных в латинство мещанах заштатного города Клещель и о принятии особых мер по этому делу.

№ 66. Список с предложения в Литовскую консисторию от 29 июня 1860 за № 567, о недопущении некоторыми прихожанами совершать в Кленицкой церкви крестные ходы по уставу Восточной Церкви и о происшедшем при том бесчинии.

№ 67. Список с предложения в Литовскую консисторию от 29 июня 1860 за № 568, о воспрещении совершения в Кленицкой церкви крестных ходов впредь, пока прихожане не пожелают совершать таковых по чину Православной Церкви.

№ 68. Записка, составленная в марте месяце 1860, о безыменной записке, переданной высочайше на обсуждение в учрежденном комитете при Св. Синоде.

№ 69. Список с отношения к обер-прокурору Св. Синода графу Толстому от 22 мая 1860 за № 389, из Могилева, об архиепископе Полоцком Василии.

№ 70. Список с предложения в Литовскую консисторию от 22 августа 1860 за № 1149, с требованием сведений: сколько прихожан отказалось в последнее время от употребления спиртных напитков и кто из духовенства поступил таким же образом.

№ 71. Список с предложения в Литовскую консисторию от 13 декабря 1860 за № 2078, о преподании благословения священникам за распространение и утверждение между прихожанами трезвости.

№ 72. Список с рапорта Св. Синоду от 9 октября 1860 за № 1572, касательно собрания сведений о средствах содержания иноверного духовенства, требующихся для комитета по обеспечению содержанием православного духовенства западных епархий.

№ 73. Список с рапорта Св. Синоду от 13 декабря 1860 за № 2074, с донесением об осмотре церквей Литовской епархии и о состоянии оной.

№ 74. Копия письма министра Блудова к священнику Иосифу Семашко, родителю Преосвященного Иосифа, от 21 апреля 1829 за № 740, о пожаловании ему пожизненного пенсиона по 600 руб. ассигнациями в год.

№ 75. Копия указа из Греко-унитской коллегии от 1 марта 1830 за № 203, о поручении осмотра обеих греко-унитских семинарий.

№ 76. Копия указа из Греко-унитской коллегии от июня 1833 за № 546, об осмотре Литовской епархии и обеих греко-унитских семинарий.

№ 77. Отношение министра Блудова от 14 мая 1834 за № 1153, об осмотре Литовской епархии, а также обеих греко-унитских семинарий и духовных училищ.

№ 78. Отношение министра Блудова от 7 августа 1834 за № 1849, с объявлением монаршего благоволения за замечания о состоянии греко-унитских семинарий.

№ 79. Копия указа из Святейшего Синода от 17 апреля 1840 за № 4155, об именовании впредь архиепископа Литовского – Литовским и Виленским и священноархимандритом Свято-Троицкого Виленского монастыря и о прочем.

№ 80. Список с отношения обер-прокурора Св. Синода от 29 марта 1841 за № 2048, о поручении управления Минской епархией на время отпуска тамошнего Преосвященного Антония.

№ 81. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 14 мая 1842 за № 3049, о высочайшем дозволении отправиться в Литовскую епархию через Москву, Киев и Почаев для поклонения почивающим там угодникам Божиим.

№ 82. Два отношения обер-прокурора Св. Синода: от 20 июля и 10 августа 1842 за № 4518 и 4987, с благодарностью за присланные сведения о подробностях посещения важнейших святых мест в России и, во втором отношении, с высочайшим

одобрением как тех сведений, так и донесения о состоянии Литовской епархии.

№ 83. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 27 октября 1842 за № 6742, с высочайшим одобрением по случаю успехов распространения в воссоединенном духовенстве обычаев древлеправославных.

№ 84. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 18 ноября 1842 за № 7618, о высочайшем повелении присутствовать в секретном комитете по делам о раскольниках и отступниках от Православия.

№ 85. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 26 апреля 1843 за № 2969, о высочайшем повелении осмотреть Литовскую, Полоцкую, Могилевскую и Минскую епархии.

№ 86. Диплом, выданный 28 апреля 1843, на звание члена Копенгагенского Общества северных антиквариев.

№ 87. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 7 июля 1847 за № 4858, с высочайшим одобрением по случаю донесения о состоянии воссоединенного духовенства в осмотренных епархиях.

№ 88. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 11 мая 1844 за № 4400, с дипломом на звание почетного члена конференции Казанской духовной академии.

№ 89. Копия указа из Св. Синода от 23 октября 1844 за № 2482, с признательностью за пожертвование 1 500 руб. сереб. в пользу попечительства о бедных духовного звания Литовской епархии.

№ 90. Список с отношения обер-прокурора Св. Синода от 20 марта 1845 за № 1952, о бытии Литовскому Преосвященному священноархимандритом Виленского Свято-Духова монастыря и о прочем.

№ 91. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 19 апреля 1845 года за № 2633, о высочайшем поручении обозреть Могилевскую, Минскую и Полоцкую епархии.

№ 92. Четыре письма: обер-прокурора Св. Синода графа Протасова от 7 июня 1845 за № 4001, его же от 23 апреля 1848, князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского от 10 (22) апреля 1848 за № 2042 и графа Василия Блудова от 12 мая 1848 – с благодарностью за посланные им слова.

№ 93. Указ Св. Синода от 30 ноября 1845 за № 16880, с объявлением совершенной признательности за успешное исполнение поручения об осмотре воссоединенных епархий.

№ 94. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 24 июля 1846 за № 5665, с высочайшим одобрением по случаю конфиденциального отношения из Жировиц, от 6 того ж июля за № 1896.

№ 95. Отношение виленского военного губернатора от 1846 года за № 7612, о назначении почетным членом Виленского человеколюбивого общества.

№ 96. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 4 апреля 1847 за № 2494, о возведении в звание члена Святейшего Синода.

№ 97. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 4 апреля 1847 за № 2495, которым по случаю возведения в члены Св. Синода объявлено, что государь император признает необходимо нужным пребывание Преосвященного Иосифа во вверенной ему Литовской епархии.

№ 98. Копия указа из Св. Синода от 31 марта 1848 за № 2999, с объявлением признательности за пожертвование капитала 3 000 рублей серебром в пользу Виленского Свято-Духова монастыря.

№ 99. Отношение Русского географического общества от 27 ноября 1848 за № 958, с признательностью за доставленные этнографические сведения.

№ 100. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 17 марта 1849 за № 1664, о высочайшем поручении осмотреть Могилевскую, Минскую и Полоцкую епархии.

№ 101. Два отношения обер-прокурора Св. Синода от 3 июня и 31 октября 1849 за № 3371 и 6659, с высочайшей благодар-

ностью за пожертвование для нижних чинов лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков, а также Екатеринославского гренадерского полка.

№ 102. Отношение Виленского человеколюбивого общества от 25 ноября 1850 за № 335, с благодарностью за пожертвование капитала 1 000 рублей серебром в пользу того общества.

№ 103. Рескрипт председателя Императорского Русского географического общества великого князя Константина Николаевича от 20 мая 1851, с дипломом на звание почетного члена сего общества.

№ 104. Указ Святейшего Синода от 7 августа 1851 за № 8068, с объявлением особенной признательности за пожертвование в собственность Литовской семинарии 319 сочинений в 1130 томах.

№ 105. Отношение президента Общества попечительного о тюрьмах графа Орлова от 11 апреля 1852 за № 158, о высочайшем утверждении вице-президентом Виленского комитета.

№ 106. Отношение министра императорского двора графа Адлерберга от 5 января 1853 за № 64, при котором препровожден пожалованный государем императором живописный альбом «Агия-София в Константинополе».

№ 107. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 27 августа 1854 за № 4896, с объявлением высочайшей благодарности за пожертвование на военные потребности во все продолжение войны половины производящегося по штату архиерейского жалованья.

№ 108. Отношение статс-секретаря Танеева от 7 марта 1855 за № 284, с объявлением благодарности государя императора за приветствие со вступлением Его Величества на всероссийский престол.

№109. Отношение обер-прокурора Св. Синода от 4 октября 1855 за № 5229, при котором препровождена золотая медаль на кончину в Бозе почивающего императора Николая Павловича.

№ 110. Рапорт наместника Виленского Свято-Духова монастыря архимандрита Антония от 28 июля 1856 за № 188, о последних часах жизни, кончине и погребении родителя Его Высокопреосвященства соборного протоиерея Иосифа Семашко.

№ 111. Отношение Филарета, митрополита Московского, от 10 сентября 1856 за № 526, о всемилостивейшем пожаловании архиерейского облачения, устроенного ко дню коронования Их Императорских Величеств.

№ 112. Диплом, выданный в 1856 году на звание действительного члена музеума древностей и Виленской археологической комиссии.

№ 113. Два отношения: Филарета, митрополита Киевского, от 10 апреля 1857 за № 14 и ректора академии от 20 декабря 1857 за № 67, с дипломом на звание почетного члена конференции Киевской духовной академии.

Новооткрытые записки Иосифа, митрополита Литовского

1861–1868 гг.

Занимаясь в архиве Св. Синода зимой 1895 года, мы случайно открыли Записки митрополита Иосифа, составляющие непосредственное продолжение его Записок, изданных Академией наук в 1883 году. О существовании открытых нами Записок до настоящего времени никому ничего не было известно. Записки обнимают период времени от 1861 до 1868 года включительно. Большая часть их (1861–1865 гг.) написаны собственной рукой митрополита Иосифа. Записки найдены нами в огромной (неразобранной) связке бумаг, оставшихся после смерти митрополита Иосифа и переданных лично начальнику архива Св. Синода бывшим обер-прокурором Св. Синода графом Д. А. Толстым. Все эти бумаги граф Толстой, по всей вероятности, привез в 1868 году из Вильны после своего участия в похоронах митрополита Иосифа и после личной разборки дел, оставшихся после смерти владыки. Указанная связка бумаг хранится в архиве Св. Синода в числе особых дел и значится по особой описи под № 318. Мы помещаем здесь с дословной точностью все найденные нами Записки, писанные собственноручной рукой митроп. Иосифа (1861–1865 г.) и отчасти рукой его секретаря Григи в небольшой непереплетенной «тетради текущих собственных исходящих бумаг» митроп. Иосифа. Печатаемые нами Записки имеют, несомненно, большой интерес для биографии Высокопреосвященного Иосифа в последние трудные и скорбные годы его жизни. Вслед за Записками мы помещаем некоторые приложения, отчасти находящиеся в той же тетради текущих бумаг Иосифа, а отчасти находящиеся в той же связке посмертных бумаг Иосифа под № 318.

В Записках моих, на скорую руку составленных, естественно, не вошло множество фактов, не пришедших в свое время на память.

Если что припомнится и будет охота, то я иное записывать буду здесь, в тетради текущих собственных моих исходящих бумаг.

Сегодня, 26 декабря[1], мои именины. Вот как празднуется у меня этот день ежегодно со времени переселения в Вильно. В домовой церкви уединенно в семь часов утра служу я литургию и молебен св. Иосифу, даже без многолетия. Поздравлений никаких не принимаю, разве встретят меня несколько старших духовных при выходе из церкви. Затем весь день я, невидим для всех, остаюсь в кабинете со святым Иосифом и с моими воспоминаниями о прошедшем, то грустными, то радостными. Церемония поздравлений ограничивается в этот день оставлением билетов или запиской в книге посетителей. Но в этот день всегда было празднество для моих подчиненных, частью, чтобы им доставить удовольствие, частью, чтобы им дать пункт соединения в этом чужеязычном городе. Каждый раз я давал сестре Елене сто рублей серебром и она делала у себя вечер для духовного ведомства. Тут были с семействами и бессемейные старшие духовные, наставники семинарии и училищ, чиновники консистории – всегда не менее пятидесяти человек. Их потчевали чаем, сластями и ужином. Молодежь и потанцует под фортепиано на глазах старшего духовенства. Люди сторонние удивлялись, видеть[2] из одного духовного ведомства такое прекрасное общество и такое прекрасное препровождение времени. Мои всегда ожидали не без удовольствия этого годового праздника. Для почтеннейших лиц виленских я давал чай в который-либо день на неделе, и они проводили у меня вечер с удовольствием. Подобный сему вечер я всегда давал и на Светлой неделе. Большие обеды у меня были редки, только при особых случаях. Угощать сторонних обедами отклоняла меня разнородность и разнохарактерность виленского общества. Православных потчевал я всегда обильным фриштиком в Духов день и в день св. Виленских мучеников. Но всякое воскресенье или праздник в Вильне ли или в Тринополе у меня было на обеде несколько старших духовных, а в праздники замечательнейшие, а также на заговенье – двенадцать или четырнадцать человек. Во всем этом

---

1 1861 года. Новооткрытые Записки написаны собственноручно митроп. Иосифом за время от 1861 г. по 1865 г. включительно.

2 Видя.

не было избыточества, но не было и недостатка. Повар мой Константин, духовного ведомства[3], очень хороший, вот он уже у меня более двадцати пяти лет. Для всех воспитанников семинарии и училищ с их наставниками делал я всегда летом маевку в Тринополе. Делал там же особую маевку для певчих, особую для братии духовской, а иногда особую для чиновников консисторских.

———

Еще в бытность мою в Петербурге в 1843 или 1844 г. мне указывали с решительным, по-видимому, намерением на Киевскую митрополию. «Если бы это могло быть теперь, – отвечал я Войцеховичу[4], ныне сенатору, – я бы, может быть, и решился; но как это быть не может, то мне лучше остаться навсегда при Литовской епархии». Действительно, меня тогда смущало переселение в Вильно со всеми предвиденными затруднениями. Но после побеждения сих затруднений, после прекрасного устройства всех частей я дорожил Вильной, оно мне сделалось приятнее, и я никогда не желал другой кафедры, тем более что с летами и силы свои считал недостаточными для другого поприща.

Не знаю, не осудят ли меня, что я столько забочусь о памяти своей письменными Записками. Не скажут ли, что лучше заботьтесь о своей памяти перед Богом, нежели перед людьми. Бесспорно, и я так думаю. Но думаю и то, что честный человек обязан заботиться о суде потомства. Это его право, его врожденное влечение.

———

По моему положению я часто подвергался укоризнам за то, что в другом похвалили бы. Например, ко мне доходило, что меня осуждали, будто я руководствовался политикой. Политика в государственных или церковных и общественных делах есть то же, что благоразумие в делах частных. Мое поприще было необыкновенно и часто не подходило под обыкновенные правила. Естественно, что я чаще

---

[3] Жебровский, из духовного звания.

[4] О Войцеховиче см.: «Руковод. деят. дух. просв.» Чистовича, стр. 355.

других должен был прибегать к руководству благоразумием. Но была ли эта политика или благоразумие укоризненно? Я нахожу себя чистым перед своей совестью.

---

28 декабря[5].

Русская ли кровь предков или свежие предания о гонениях, перенесенных ими от поляков, на меня подействовали, но я с детства имел нерасположение к Польше и душевное влечение к России и всему русскому. Это как бы врожденное чувство с летами и при особых обстоятельствах изменилось в твердое сознание. Неизмеримая Россия, связанная одной верой, одним языком, направляемая к благой цели одной волей, стала для меня лестным, великим отечеством, которому служить, благу которого споспешествовать считал я для себя священным долгом, – вот сила, которая подвигла меня на дело воссоединения униатов, отверженных в смутные времена от величественного русского православного древа. Бог благословил доброе дело к утешению незабвенного родителя Вашего Величества. Пламенное усердие к этому делу в течение двенадцати лет поглотило все мое существование; но я не сомневался в тягостных его для меня последствиях от своих и от чужих. По довершении дела для избежания сих последствий я желал выйти на покой и просил о том несколько раз, но отпущен не был. Засим на мою долю выпало образование новой Литовской епархии из одних почти воссоединенных под гнетом фанатического римско-католического населения, вдвойне многочисленнейшего против православного и неизмеримо могущественного от сего последнего по богатству и влиянию. В Бозе упование, что мне отдадут в свое время добрую справедливость и за первый, и за второй, вот уже с лишком двадцатилетний, период моей общественной деятельности.

---

[5] Отрывок под 28 декабря должен быть отнесен к 1861 году. Написанный рукой Иосифа на лоскутке бумаги отрывок найден нами в связке посмертных бумаг митр. Иосифа, под № 318.

Сегодня, 21-го января 1862 года, в воскресенье, на моей ранней обедне малютки новоучрежденного девичьего духовного училища пропели в первый раз Символ Веры. Я прослезился перед престолом. Думал, какие это будут помощницы священника. Думал, что придет время, когда все прихожане по церквам таким же образом будут славить Господа!

Я всегда был равнодушен к смерти. Но с летами, час от часу, еще более развивалось во мне какое-то усладительное ожидание или желание смерти. Я имел какую-то уверенность, что не проживу шестидесяти лет: не было делом каприза то, что я более уже десяти лет приготовил гроб под ракой св. Виленских мучеников. Отчего это сладкое выжидание или желание смерти? Кажется, мой образ жизни с самых молодых лет и род моего служения слишком отделил меня от общих мирских удовольствий и привязанностей. Я не чувствовал особенного удовольствия ни в явствах, ни в напитках, ни в одежде, ни в других наружных блестках, за которыми гоняется людское самолюбие. С другой стороны, меня всего слишком рано поглотило великое дело, которого судил мне Господь быть орудием. Я ему предался всей душой, в течение более двадцати лет. Тут не было места для личных видов, для личных удовольствий и предположений. Естественно, что с довершением дела мне не осталось цели жизни, которая заменила б пустоту, оказавшуюся после столь великого дела. Мне не помогли, а, напротив, помешали развивать это дело далее посредством присоединения римлян. Ко мне были несправедливы сами православные. Я был под гнетом враждебных партий. Я понимал, что мне отдадут справедливость только по смерти. Неудивительно, что я за гроб бросал взор, полный ожиданий. Я не пользовался житейскими удовольствиями, которые привязали бы меня к жизни; во мне, час от часу, стали ослабевать и удовольствия умственные. Чтение начинает наскучивать – все достойное внимания изучено, исчерпано, а вращаться около одних словопрений не так-то занимательно. Само изучение природы не доставляет мне прежнего удовольствия. Не будучи специалистом,

я успел, однако, вполне ознакомиться с естественными науками. Весь земной шар представляется мне ничтожной глыбой, изученной мной во всех отношениях. Пытливый ум, бессмертная душа рвутся в бесконечные пространства мирозданий. Часто с наслаждением я размышляю, что Господь Бог после смерти дозволит нам на крыльях херувимов бесконечно облетать бесконечные звездные пространства. Вот куда парит душа моя! В здешнем мире живу только по долгу; служу, исполняю свои обязанности только по долгу. Едва ли можно ожидать случая, который заставил бы меня приняться за дела с прежним жаром. Да и лета не таковы. Да и здоровье едва ли поправится.

28 янв.[6]

За последние строки, пожалуй, кто и осудил бы меня. Он, мол, занят мирозданием, а не говорит о рае. Извините – я помню, что у Господа есть обители многи, что Он необъятен и вездесущ, и обители небесной не могу ограничивать какими-нибудь тесными пределами одного уголка мироздания.

Я недавно только узнал об одном забавном обстоятельстве относительно Макрены Мечиславской от одного лица, бывшего тогда в Риме. С этой самозванкой столько наделали шуму, что сам папа Григорий XVI посетил ее в монастыре. Расспрашивал о многом, наконец остановился на обстоятельстве, как она выскочила из второго этажа и бежала из Мядельского монастыря. «Как же вы не ушиблись и могли бежать?» – спросил папа. «Снег, на который упала, охранил меня», – отвечала самозванка. «Хотя я житель юга, – заметил папа, – а все-таки знаю, что в России в июне месяце снега не бывает».

---

[6] 1862 года.

К уразумению рапорта моего Св. Синоду от 21 апреля 1855 г. об означенной Мечиславской не худо отметить, что некоторые неопределенные сведения о ней, прописанные в том рапорте, почерпнуты от одного доминиканца, сдружившегося с моим протоиереем. Он рассказывал все подробно. Называл польских барынь, которые всем руководили, монахинь (сестер милосердия), которые избрали и снарядили (особу), названную ими Мечиславской. Добавил, что ее отправили с паспортом в Полангем[7] к морским водам, а оттуда уже выпроводили через границу в Пруссию. Эти сведения дошли ко мне несколько лет после происшествия, и нельзя было уже давать им официальной гласности. С одной стороны, пришлось бы выдать доминиканца, с другой – сумели бы запрятать концы и была бы напрасная суматоха, которую обратили бы во вред Православию[8].

В течение минувшего поста у меня было решительное намерение проситься на покой. Желал расстаться с затруднительным положением, из которого выйти не дозволили обстоятельства, а особенно ослабевшие физические силы. На первой неделе поста в час свободы от молитвы почти вполне начернил я просьбу о сем государю императору. Она была пространна. Желал, чтобы моя отставка принесла пользу. В просьбе должна была обнаружиться вся несостоятельность системы, которой держалось правительство и местное управление в последние годы, относительно латино-польской партии. Желал также указать в ней некоторые полезные советы. Намерение мое приостановилось сменой синодального обер-прокурора. Опасался, чтобы этому обстоятельству не приписали желания моего выйти на покой. Теперь мне пожалованы алмазы к ордену св. Андрея при самом лест-

---

[7] Местечко Полангем в Курляндской губ., в 1-й версте от прусской границы, принадлежит графам Тышкевичам.

[8] Вслед за приведенными выше собственноручными Записками Иосифа помещены далее, в той же тетради, писанные рукой его секретаря М. П. Григи черновые письма Иосифа к Н. В. Сушкову, к графу Блудову (два), к Ахматову и государю императору Александру II. Затем следует опять продолжение собственноручных Записок Иосифа.

ном рескрипте. После сего мне уже и не думать о просьбе на покой, а необходимо изворачиваться как-нибудь и с обстоятельствами, и с своим здоровьем. Нужно выжидать, не встретится ли какой случай, чтобы действовать на изменение правительственной системы. Впрочем, она уже изменилась в некоторых отношениях, и этому, кажется, способствовали некоторые прежние мои бумаги.

24-го апреля 1862 года.

---

30. Июль 1865 года.

В Женеве издается какая-то «Всеобщая биография». Редакция обращалась ко мне три раза, чтобы прислать ей свою биографию. Я не послал и даже не отвечал. Считал это преждевременным и нескромным, да притом был нездоров. Теперь я узнал, что другие воспользовались не совсем скромно этим изданием для собственного самовосхваления. Что-то там о мне напишут? Разумеется, самое лучшее, если пропустят.

---

8 августа 1865 года.

На днях я утвердил устав *Виленского Свято-Духова братства*, признаюсь, не так-то охотно. О пользе прежних братств, и в особенности Виленского, и об их деяниях, я вовсе не такого мнения, как их панегиристы. Прославляемая ими борьба братств против унии оценивается ясно самим неуспехом этой борьбы и торжеством унии. Довольно взглянуть на два конечных пункта этой борьбы, чтобы дать себе отчет в ее характере. В начале ее знаменитый Гедеон Балабан, всю жизнь боровшийся за Православие, едва не был втолкнут в унию притязаниями Львовского братства. В исходе борьбы не менее знаменитый Мелетий Смотрицкий, боец и создание братства, опозорил и братство, и Православную Церковь постыдным отступничеством. Забывают, что в это время Польша, а в особенности Литва, объяты

были протестантизмом; что ему преданы были высшие классы; что дух протестантизма веял и на православный мыслящий элемент; что отпечаток сего духа был и на деяниях братств; были даже примеры единодействия с братствами кальвинскими. Из сего произошло разногласие между братствами и иерархическими православными властями, так что власти сии прибегли наконец к покрову римской иерархии. Поистине, столь восхваляемая борьба братств скорее повредила, нежели пособила Православию; скорее способствовала, нежели препятствовала успехам унии.

Судя по личностям и элементу, среди которых возникло намерение восстановить прежние братства, я пришел к убеждению, что намерение это не совсем благоприятно Православной Церкви[9]. Да и кто восстановляет учреждения, отжившие уже свое время? Да и зачем восстановлять братства, когда законом учреждены той же цели вполне соответствующие приходские попечительства и церковные советы – разве для того, чтобы одни другим мешали?

Все эти мысли сообщил я лично бывшему в Вильне нарочно обер-прокурору Ахматову. Он был со мной согласен. Сказал, что так думает и митрополит Московский. А между тем вскоре последовало высочайшее разрешение на учреждение братств. После того я не мог не утвердить устава новейшего Виленского Свято-Духова братства. Хотел было дать спасительное предостережение следующей, уже заготовленной, надписью на уставе: «Утверждаю устав сей, и да благословит Всевышний начинания братства лучшим успехом, нежели был успех в борьбе с врагами православных другого, соименного ему братства, подвизавшегося в здешней стране два с половиной века тому назад. Известно, что это последнее братство обвиняли в содействии и единомыслии с тогдашними самозванными реформаторами веры и Церкви Христовой. Если это обвинение справедливо, то для нас очевидна причина неблагословения Господня усилиям тогдашнего братства. Да будет же делание нашего братства чисто, по указанию веры православной,

---

[9] «Основные правила для учреждения православных церковных братств» высочайше утверждены 8 мая 1864 г. по положению комитета министров. Неизд. РИМЛ, 1864 г., № 2263.

верно, по уставу и преданиям Церкви Православной, твердо, по духу и обычаям русского православного народа, и да неуклонится оно к чуждому учению». Однако ж я воздержался от употребления сей надписи. Побоялся лишить братство Виленское единственной ожидаемой от него действительной пользы, именно многочисленных членов изнутри России, которые могут поддерживать сочувствие русского народа к Вильне. Итак, да направит Господь все к лучшему!

———

10 августа 1865 года.

В последних годах царствования Екатерины было общее присоединение униатов к Православию по губерниям Киевской, Подольской и Волынской. В Кременецком уезде осталось уже только три униатские церкви. Приходила очередь и до знаменитого Почаевского монастыря; и когда его посетил губернатор, кажется, Тутолмин[10], то общее было мнение, что целью сего было взятие монастыря на Православие. Но Почаевская Божия Матерь, как гласил народ, чудесно сохранила Почаев в руках базилиан. Лошади в губернаторской карете остановились при подъеме на Почаевскую гору. Он принял это как предостережение свыше; отправился пешком на гору в церковь, молился перед иконой Богородицы, просил молитв и у монахов и заверил сих последних в спокойном обладании Почаевом. В 1822 году я был лично в Почаеве и спрашивал у одного из влиятельных монахов: «Как понимать это чудо?» И получил в ответ: «Не знаю, сколько тут содействовала милость Пресвятой Богородицы, но восемь лишних пудов значат что-нибудь при подъеме на такую гору, как в Почаеве. Наши ездили встречать губернатора до последней станции и положили в его карету шесть тысячных мешков серебра». Тогда поприще мое только начиналось, и я впоследствии не раз имел случай замечать подобные чудеса и уменье латино-польской партии тормозить самые светлые и легкие дела.

---

[10] Сравн. 21 стр. «Жизни Иосифа», примеч. 1-е.

В ту же бытность в Почаеве, 1822 года, я видел в тамошней церкви трех православных священников, приобщавшихся Св. Таин в числе богомольцев-мирян. Это был буднишний день, и меня уверяли, что это влечение к базилианскому Почаеву православного народа и священников было тогда общее, хотя они оставили унию тридцать лет тому назад. Так-то сильны религиозные привычки. Если бы Почаевская лавра оставалась до сих пор базилианской, то тамошний православный народ и теперь сбивался бы с толку и униатствовал. Та же опасность предстоит и для литовского народа от Остробрамской иконы, если ее не устранять.

В октябре 1865 г.

Вот я воротился в Вильно после летнего в Тринополе проживания, от которого я столько ожидал для восстановления моего здоровья. Вот меня лечат уже шесть лет всеми средствами: и гидропатией, и минеральными водами, и электричеством, и гальванизмом, и многообразнейшими аптечными снадобьями, а все напрасно. Здоровье колеблется то к лучшему, то к худшему, а в результате силы мои годзагодом делаются слабее. После легкого электрического лечения весной, переехав в мае в Тринополь, я обрадовался силам, которые почувствовал я с прекрасной погодой, – я мог ходить так легко, как не ходил уже давно. Но это продолжалось только три недели, и силы мои вновь ослабели. Это, кажется, произошло от дурной погоды, от некстати употребленных ахенских минеральных ванн и от сильной электромагнитной машины. Под конец лета я вновь покрепчал с оставлением сильных средств лечения, а теперь опять слабее. А странная моя болезнь! Все органические отправления правильны. Аппетит удовлетворителен, хотя и мало кушаю. Голова свежа, только скорее прежнего утомляется работой, и усиленный умственный труд сильно действует на ослабление физических сил. Боли никакой не чувствую ни в теле вообще, ни в особых членах. Одна только боль мне досаждает – боль в груди после продолжительного, свыше получасового сиденья, особенно в неудобном положении тела. Эта боль усиливается постепенно до нестерпе-

ния и прекращается только тогда, когда прилягу горизонтально на диван. Но это припадок, а в сущности болезнь состоит в расслаблении физических сил. Я не могу простоять и четверти часа, тяжело тоже ходить, и то с палочкой. Поясница с трудом, как и ноги, поддерживает мое тело. Руки обе дрожат, тем более, чем сильнее умственное или душевное волнение. Мне трудно писать – и эти двадцать строк стоили мне почти трех часов времени. Доктора давно уже болезнь мою назвали расслаблением нервов, преимущественно нервов двигательных. Обещают излечение и советуют отправиться к вильдбадским минеральным водам. Но я что-то немного надеюсь на них, тем более что у меня, кажется, начало водяной: отек ног шесть лет уже не уступает никаким средствам. Лечусь не для того, чтобы излечиться, а чтобы не сделаться калекой на последние дни жизни.

А между тем на душе тяжело, и очень тяжело. Во всю свою деятельную жизнь я привык удовлетворять вполне обязанностям своего звания, а теперь, с ослабевающими силами, должен почаще выручаться другими, от чего больше забот и беспокойств. Нынешние же обстоятельства и положение здешнего края требуют особенной бдительности и настойчивости. Нужно бороться и с чужими, и со своими. Правда, долголетняя местная опытность и знание страны много облегчают меня, но все же тяжело. Часто случается скорбеть, что в 1852 году не уволили меня на покой. Часто я грешу, скорбя о том, что Господь сохранил меня доселе в живых. Каюсь в этой скорби: может быть, я нужен был Церкви Святой, чтобы вверенную мне литовскую паству сохранить целу и невредиму среди смут, обуревающих здешнюю страну в нынешние годы. Буди же воля Твоя, Господи! Сколько раз ни решался я в последние годы проситься на покой, я всегда останавливался перед мыслью, что это было бы бегство в виду опасности, что поляки и латины обрадуются этому, а пожалуй, и провозгласят торжественно, что русские поступили с Иосифом митрополитом не лучше, как с Фелинским[11] и Красинским[12], сосланными за участие в мятеже.

———

[11] Архиеписк. Варшавским.

[12] Епископом Виленским.

В ноябре 1865 года.

В начале сего года был в Вильне сенатор граф Дмитрий Толстой, когда я не знал еще, что он будет синодальным обер-прокурором. Он в разговоре сказал мне, случайно или преднамеренно, что нынешний государь не благоволил к униатскому делу. «Но это было, только пока покойный государь не приказал Протасову докладывать по этому делу наследнику, тогда он изменил прежнее мнение», – отвечал я. Разговор об этом не продолжался: но… (На этом кончаются *собственноручные* Записки митрополита Иосифа.)

Заметка. 25 января 1868 года[13].

Я ничего еще не записал о времени последнего польского мятежа – а это время было для меня из самых затруднительных и тревожных из всего моего служения. Известно, что мятежу предшествовали разного рода демонстрации, подготовленные революционной организацией. Вместе с тем действовали на народ внушениями, словесными и письменными, явными и тайными. Как скоро стало мне известным, что таким же образом действуют на народ и духовенство православное, возбуждая сие последнее подметными письмами, я счел необходимым противодействовать злонамеренным козням (следующим) секретным предписанием всем благочинным от 19 декабря 1861 года[14]… Это предписание удостоилось одобрения государя императора, когда было ему доложено. Государь Александр II на этом предписании собственноручно написал: «Очень хорошо». Оно напечатано во 2-м январском номере «Литовских епархиальных ведомостей» 1863 года, сделалось известным повсеместно, определило точное понятие о существе дела и

---

[13] Заметка писана под диктовку митрополита Иосифа рукой М. П. Григи в той же «тетради текущих собственных исходящих бумаг» митроп. Иосифа.

[14] Извлечение из секретного предписания сделано нами на стр. 388–389 «Жизни Иосифа».

о тогдашних происшествиях, отклонило всякие недоумения и дало верное направление мыслям и действиям подчиненного мне духовенства. В сем смысле были направляемы и мои последующие действия, внушения и наблюдения. Для сего я отказался и от поездки к минеральным водам, разрешенной уже было высочайше; за что благодарил меня государь через синодального обер-прокурора. И не напрасно я остался в епархии. Среди самого разгара мятежа в епархиальной моей семинарии прибита была прокламация, призывающая семинаристов в ряды польских мятежников. Ее захватили благовременно и не дали прочесть семинаристам. Но я нашел полезнейшим поступить иначе. Явился сам среди семинаристов, велел прочесть мятежную прокламацию и по заданной мной теме поручил каждому семинаристу отвечать письменно на эту прокламацию. Они исполнили это безотлагательно, разумеется, каждый по своим силам, но все в отличном духе, с юношеским жаром, а иные даже – прекрасными произведениями. Лучшие сочинения целиком или отрывками напечатаны в «Епархиальных ведомостях» и произвели самое благодетельное впечатление на умы всего духовенства, так что эта дерзкая мятежническая попытка вместо вреда принесла русскому православному делу действительную пользу, укрепив дух и добрые убеждения здешнего православного духовенства, недавно из унии воссоединенного. Благодарение Богу, не было по Литовской епархии неверных своему долгу. Один только священник подвергся лишению места[15] потому только, что его дочери носили тайно продовольствие злонамеренным людям. Зато многие доказали на деле преданность свою русскому делу и Православию, а два священника пострадали за это дело мученической смертью от мятежников. Таким образом, воссоединенная литовская паства, испытанная польским мятежом, вышла из этого испытания и тверже, и надежнее прежнего. Чтобы довершить это благодетельное последствие, я воспользовался двадцатипятилетием воссоединения униатов, выпавшим на 25 марта 1864 года. В этот день (в праздник Благовещения) я служил торжественно с двумя епископами при стечении

[15] Священ. Александр Скабалланович.

всей виленской православной публики и произнесенным словом постарался дать делу и обстоятельствам соответственное значение и направление. Это слово напечатано и особо, и в «Епархиальных ведомостях». В тот же день удостоился я получить высочайший рескриптпо случаю празднуемого двадцатипятилетия – лестный для меня и воссоединенного духовенства. Одержимый немощью, я тяготился жизнью. Теперь мне иногда думалось, что жизнь эта не напрасно поддерживалась – она пригодилась в мятежное время. В 1866 году удостоился я получить от государя посох, драгоценными камнями украшенный, – награда, какой я получить не чаял. В 1867 году я удостоился в 13 день июня личного посещения государя императора. По болезни я не мог встретить Его Величества и приветствовал письменно. Государь остался доволен приветствием и это мне изъявил милостиво. Замечательно, что по слабости сил я сомневался выдержать посещение. Я вышел в приемную с сторонней помощью; но при появлении государя я сделался довольно бодрым, так что свободно приветствовал государя и проводил его в третью комнату. Но при выходе государя едва мог сделать три шага и сказал только: «Когда придет время, помяните меня, государь, добрым словом». «Еще увидимся», – отвечал государь с самой милостивой улыбкой. Не знаю, сбудется ли это. Здоровье мое не поправляется. Силы час от часу слабеют. Поездка к бирштанским минеральным водам прошлым летом едва ли принесла какую пользу. Столь же сомнительно действие последующих лекарственных средств. Что будет дальше, Бог знает.

Обремененный старческими летами, удрученный тяжкими недугами, истомленный сорокавосьмилетней претрудной служебной деятельностью, я не в силах управлять далее с должным успехом вверенной мне Литовской епархией, особенно при нынешних обстоятельствах. Посему долгом поставляю просить всеподданнейше В. Им. Вел-во об увольнении меня от управления епархией и (?) просьбу сию выразить теми же словами, которыми я обращался также к незабвенному родителю Вашему в просьбе от 30 октября 1851 года.

Отпустите меня милостиво, отпустите честно. А Бог даст Вашему Вел-ву и Вашему дому побольше слуг, столько же усердных, столько верных, столько преданных, как был всегда В-го Им. В-ва верноподданный Иос., м. Лит.[16]

Получ. 31 марта.
Конфиденциально.

Высокопреосвященнейший Владыко,
милостивый государь и Архипастырь!

Великое событие воссоединения унии в Российской империи с Православием, как вообще и все знаменательные события, не довольно еще отдаленные от нашего времени для беспристрастной исторической оценки, возбуждает в некоторых умах сомнения, превратные мысли, а нередко и неблагонамеренные суждения. Государь император, обратив милостивое внимание на долю участия, которое я имел некогда в этом важном деле, поручает мне составить краткую историческую записку[17], в коей прямое и настоящее значение совершившегося воссоединения и сопровождавших его правительственных действий были бы означены с полной и строгой истиной. Для успешного исполнения желания государя я считаю долгом совести прежде всего обратиться к тому, который связал свое имя с первым начинанием, с постепенным течением и с славным окончанием возвращения целого русского края в лоно Православия. Конечно, никто более Вашего В-ва не сохранил в своем сердце живейшего воспоминания о сем, ныне уже минувшем времени, в которое Вы, м. г. и Архип., были главным двигателем и деятелем. Позвольте же просить Ваше В-во о сообщении мне Ва-

---

[16] Прошение это писано на клочке бумаги, по-видимому, рукой митроп. Иосифа. Написание его может быть отнесено к половине 1868 года. Сравн.: «Жизнь Иос.», стр. 480.

[17] Высочайше одобренный подробный план этой записки напечатан нами в 29 № «Лит. еп. вед.», 1896 г., стр. 299–302.

ших мыслей и соображений, а равно и всех сведений, которые Вы изволите признать полезным иметь в виду для полноты предпринимаемого мной по высочайшей воле труда. Смею надеяться, что настоящая моя просьба будет принята Вами как новое выражение того глубокого уважения и искренней преданности, с коими я имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства
покорнейшим слугой
граф Д. Блудов

24 марта 1862 года.

Его Высокопреосвященству
Иосифу, митрополиту Литовскому и Виленскому.

P.S. Я полагаю, разумеется, если Богу угодно будет продолжить мою жизнь, с некоторого времени, как мне кажется, видимо, склоняющуюся к концу, и благословить мои усилия, разделить предпринимаемый мной труд на три части, по трем периодам самого дела. 1) От начала усилий польского правительства *ввести* или, правильнее, *установить*, унию в нашем Западном крае, даже и прежде Флорентийского собора, до того времени, когда незабвенный император Николай I обратил внимание на пользу или, лучше сказать, необходимость воссоединения униатов с Церковью Православной. 2) От сей эпохи до 1839 года. Наконец, 3) от торжественного провозглашения сего воссоединения доныне.

Ut in litteris
граф Д. Блудов[18]

---

[18] Копия с подлинника.

Председателю Государственного совета
графу Дмитрию Николаевичу Блудову.

3 апреля 1862 года. № 904.
Конфиденциально.

Конфиденциальным отзывом от 24 минувшего марта Ваше Сиятельство предлагаете мне доставить соображения и сведения для предпринимаемой Вами записки относительно благополучно совершившегося воссоединения униатов в России с Православной Церковью. Более уже двух лет я чувствую какое-то ослабление физических сил, не дозволяющее мне предаваться продолжительному усидчивому труду. Сверх того, среди тревожных обстоятельств здешнего края, среди забот об епархии, подверженной влиянию тех обстоятельств, среди скорбей личного моего положения мне недостает нужного для подобного труда душевного спокойствия. Следовательно, я не могу исполнить ныне удовлетворительно лестного для меня поручения Вашего Сиятельства. Да и участие в том труде с моей стороны не так-то нужно. Материалы для записки почти вполне обретаются под униатским делом, производившимся сперва у Вашего Сиятельства, а после у покойного графа Протасова. Не трудно, кажется, будет кому бы то ни было привести в порядок эти материалы, для требуемого употребления Вашим Сиятельством. Да, может быть, и лучше, если здесь не будет моего участия.

Простите великодушно мою немощь мне недужному, слабосильному. Я памятую расположение ко мне Вашего Сиятельства в былое время, не сомневаюсь в нем и ныне. Надеюсь, что и Ваше Сиятельство не усомнитесь в моей признательности и в готовности исполнить Ваше поручение, если бы только был в силах. Впрочем, я надеюсь еще поправления моего здоровья от предстоящего лета. В таком случае, приятнейшим будет для меня долгом, если Ваше Сиятельство пожелаете, посмотреть ли и восполнить собранные по Вашему приказанию материалы или заняться самому делом, независимо от тех материалов. Между тем, позвольте, Ваше Сиятельство, поздравить Вас с наступающим праздником Светлого Хри-

стова Воскресенья и при сем случае обновить уверение в глубочайшем высокопочитании и преданности к Особе Вашей, с которыми имею честь быть

Вашего Сиятельства
И., м. Л.

Государю императору.
23 апреля 1862 г.

Всепресветлейший монарх,
благочестивейший государь!

Новые знаки милости, новые милостивые слова удостоился я получить ныне от Вашего Императорского Величества[19]. Да благословит Вас Всевышний за это высокомонаршее внимание к посильному моему служению и к делу, которого сподобился я быть орудием. Долг мой служить Вашему Императорскому Величеству верой и правдой, сколько сил станет, как служил доныне Вам, всемилостивейший государь, и незабвенному родителю Вашему. Но если слабость этих сил за всем ревностным желанием будет в чем недостаточествовать, то покройте великодушно, благочестивейший государь, недостатки эти милостивым снисхождением.

Вашего Императорского Величества
верноподданный и богомолец
подпись: Иосиф, митрополит Литовский

---

[19] Митроп. Иосифу были пожалованы алмазные знаки к ордену св. Андрея Первозв. при самом лестном рескрипте.

Высокопреосвященнейший Владыко!

Глубоко тронуло меня благосклонное письмо Ваше, можно сказать, загробное, потому что Вы уже смотрите, как бы отживший, на свои великие церковные дела, будто позабыв, что не может иссякнуть жизнь около Вас, доколе одушевляете своим присутствием воздвигнутую Вами паству; нет, не могут заживо умирать такие деятели, бессмертные и по временном своем исходе! Бодрствуйте еще с нами, ибо слово Ваше крепче всякого дела, и в дрожащей руке Вашей твердо еще управление Церкви Вашей. Разве не инвалид и брат мой (М. Н. Муравьев), который одним глазом прозорливее видит многих и, задыхаясь, сам душит крамолы. Побольше бы таких инвалидов, как вы оба, и Русь бы окрепла.

Лето провожу в Киеве, а к осени думаю опять возвратиться на север. Поручая себя молитвам Вашим, остаюсь с глубочайшим уважением

Вашего Высокопреосвященства
покорнейший слуга А. Муравьев

Киев. 29 мая[20].

Высокопреосвященнейший Владыко,
милостивый Архипастырь!

Ныне, в знаменательный день двадцатипятилетия со времени воссоединения с родной Русской Православной Церковью единоплеменных братий наших, многолетним гнетом иноверного ига у нас исхищенных, государю императору благоугодно было почтить Вас особым всемилостивейшим рескриптом.

Позвольте мне, как русскому, как сыну Православной Церкви, по чувству глубокого к Вам уважения, искренно сему порадоваться и принести Вашему В-ву живейшее поздравление с всегда дорогим

---

[20] Копия с подлинника. Год (1864-й) не выставлен в подлиннике.

для нас, истиннорусских людей, новым знаком высочайшего к Вам внимания и монаршей оценки великого мирового события, коего Вы были мыслью, душой и волей.

Доколе будет единая земля Русская, доколе славянская молитва будет возноситься в православном храме, имя Ваше всегда будет неразлучно с светлым воспоминанием этого достопамятного церковно-народного торжества. Такая участь – удел немногих исторических деятелей, и Вашему В-ву, с утешением взглянув на настоящее и будущее, можно с спокойствием совершившего предуставленный долу жребий предать забвению тяжкие и горькие минуты прошедшего.

С молитвой к Всевышнему, да продлит Он дни Ваши, испрашиваю архипастырского благословения и приношу вместе с поздравлением выражение глубочайшего моего почтения и совершенной преданности.

Ахматов

С.-Петербург,
25 марта 1864 г.[21]

Высокопреосвященнейший Владыко,
милостивый Архипастырь!

Христос воскресе! В сем слове примите от меня целование любви и радости по общей вере в Воскресшего Божественного Воскресителя нашего. Радость Господня да восставит силы Ваши и да продлится Ваша деятельность, которой суждено многими подвигами покорять трудности.

Мне некогда было не вспомнить с сочувствием день, в который за двадцать пять лет провозглашено воссоединение с Православной Церковью множества отторгнутых от нее, преимущественно Вашими подвигами приготовленное и совершившееся. И сорадовался я, что и высочайшее воспоминание сего события к Вам обращено.

---

[21] Копия с подлинника.

Благодарю за сообщение мне Вашего слова, благовествовати силой многой.

Прося молитв Ваших, остаюсь

Вашего Высокопреосвященства
покорнейший слуга
Филарет, м. Московский

В Москве,
1864 года[22].

1864 года, ноября 22.
Виленскому генерал-губернатору Муравьеву. № 2966.
Конфиденциально.

Конфиденциальным отзывом от 21 сего ноября за № 3720 Ваше Высокопревосходительство требуете от меня сведения и заключения, почему не было приведено в исполнение высочайшее повеление, состоявшееся в 1832 году, насчет упразднения в числе прочих находящегося в Вильне, при Свято-Духовской обители, римско-католического монастыря кармелитов босых с костелом во имя Терезии и Остробрамской часовней.

Настоящее дело производилось с 1832 по 1835 год в ведении Минского и Полоцкого епархиальных управлений; Виленский же Свято-Духов православный монастырь поступил в ведение Литовской епархии уже в 1840 году; следовательно, не могу я иметь сведений по настоящему делу, кроме заключающихся в записке, приложенной при отзыве Вашего Высокопревосходительства.

И Святейший Синод, и обер-прокурор оного, и епархиальные православные управления понимали упраздненным кармелитский монастырь Терезии при Острой Браме вблизи Свято-Духова православного монастыря находящийся. Но бывший тогда генерал-

---

[22] Копия с подлинника.

губернатор[23] через семь месяцев после распоряжения о упразднении монастыря уведомил Преосвященного Минского Евгения, что подлежит упразднению какой-то ничтожный обветшалый монастырек Терезии, приписанный к кармелитскому Остробрамскому монастырю и находящийся вне го[ро]да, за рекой Вилией.

Разумеется, противоречие это легко поверить делами Министерства внутренних дел, если они не сгорели при бывшем пожаре дома того министерства.

Я, с своей стороны, помню только носившиеся тогда гласные толки, что к упразднению предназначен действительно кармелитский монастырь у Острой Брамы, и даже костел оного предполагался к обращению в теплую церковь Свято-Духова православного монастыря; но что тогдашний генерал-губернатор в угодность латино-польской партии отклонил это упразднение упразднением другого обветшалого и забытого, того же названия, приписного монастырька.

Уведомляя о сем Вас, милостивый государь, имею честь быть…

Иосиф, митр. Лит.[24]

---

[23] Князь Н. А. Долгоруков.

[24] Копия с «особой тетради», находящейся при «протоколах литовского епарх. архиерея».

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Митрополит
Иосиф (Семашко)

ЗАПИСКИ

Предисловие священника
Алексия Хотеева

Адаптация текста,
компьютерный набор, корректура
Э. В. Ермоленко

Подписано в печать 17.06.2018. Формат 70х100 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,45. Уч.-изд. л. 15,33. Тираж 1000 экз. Заказ № 0000

Братство в честь св. архистратига Михаила
в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви.
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/164 от 27.01.2014.
220020, Беларусь, г. Минск, пр. Победителей, д. 82.

Отпечатано в типографии ООО «Поликрафт»,
Свидетельство о ГРИИРПИ № 2/14 от 21.11.13 года.
Ул. Кнорина, 50, корп. 4, ком. 401а,
220103, г. Минск, Республика Беларусь.